

Начало пути. Пермская волость.

Александр Соколов.

Annotation

Пенсионер умер на 93 году жизни и возродился в самом себе, но 13-ти летним, в 3-м веке нашей эры в дремучем лесу.

Александр Соколов

Начало пути. Пермская волость

Проснулся в 7 часов. Утреннее солнышко озарило комнату, через открытую форточку проникал шум просыпающегося города, слышно, как урча подкатил мусоровоз, но как всегда подъезд к мусорным бакам загородили припаркованные во дворе автомобили.

— Эй, народ — зло закричал водитель — если через 5 минут вы свои драндулеты не уберете, то уеду и мусор забирать не буду.

Жильцы, впрочем, у нас покладистые, не прошло и трех минут, как завелись двигатели и пару машин отъехали, освобождая проезд.

— Пора вставать, нас ждут великие дела. Сегодня 15 апреля 2020 года. Владимир Иванович, с девяносто двухлетием тебя — поздравил я себя.

Да и больше некому поздравлять, живу бобылём, детей не сподобилось нарожать, а друзья уже давно на кладбище. Впрочем, вчера из районной администрации пришли две молодухи, поздравили через дверь, подарили подарок, оставив его под дверью, сказали, что его забрать можно через минуту, после их ухода. Сейчас по-другому нельзя — Ковид. Подарок оказался как всегда — чайный сервиз из двадцати предметов по шесть чашек, блюдец, тарелочек, а также заварной чайник да сахарница и набор столовых приборов по шесть ложек, вилок, ножей и чайных ложек. У меня теперь их три, третий год подряд одно и тоже дарят. Хотя подарки дорогие. Видать, глава администрации фарфоровый и металлообрабатывающий заводики прикупил и за казенный счет подарки дарит.

А я все божий свет копчу. Хотя Бог здоровьем, да и силушкой, не обидел. Подкову конечно уже не согну, но зарядку с пудовыми гирьками пока могу. Так что на здоровье не жалеюсь, медкомиссия пять лет назад всего меня с ног до головы обследовала, недомоганий не нашла и продлили мне в ГАИ водительские права на десять лет.

Родился я 15 апреля 1928 года, так в документах написано. Родителей я своих не знаю, так что подтвердить дату рождения некому. Подкидыш я. Воспитывался в детском доме, где и фамилию мне соответствующую и дали — Найденов, а имя Владимир, в честь Владимира Ильича, а с отчеством и так все понятно, как в песне поется Иванами да Марьями гордилась ты всегда. Детдом располагался в Ленинграде на Крестовском острове рядом с яхт-клубом. Как себя помню, все время с ребятами пропадал в яхт-клубе. Поначалу на берегу ветер парусами ловили, да себе учебные яхточки одноместные строили. До войны три яхты построил, на последней профессионально стал яхтенным спортом заниматься, в регатах участвовал. К началу Великой отечественной войны исполнилось мне 13 лет и как настоящий герой и защитник Родины, я с тремя пацанами рванули на фронт. Но, не добрались, через день вернули в детдом. Когда немцы взяли город в блокаду, детские дома из Ленинграда начали эвакуировать. Наша очередь подошла к концу сентября 1941 года, на барже через Ладогу эвакуировали на большую землю, а затем в северный Казахстан, на реку Урал в казацкую станицу. В станице был конезавод, лошадей направляли в корпус Л.М. Доватора. Мальчишки с 7 класса обучались станичниками казацкой премудрости. Учили нас казаки на совесть, да и мы воинскую науку постигали до седьмого пота. К окончанию 10 класса из худосочного подростка, превратился я в детинушку с косой саженью в плечах, лучшим новиком стал, пластунскую науку усвоил, шашкой рубил, из карабина и лука с галопа коня, когда все копыта в воздухе, десятки в мишенях выбивал. Военком долго не сопротивлялся, и я в 16 лет 10 августа 1944 года был призван в армию. Воевал на 1

Белорусском фронте в разведэскадроне конного корпуса ранее бывшего под командованием Доватора Л.М. С эскадрона ходил в рейды по тылам фашистов. В разведке пригодились мои навыки стрельбы из лука, бесшумно снимал часовых. За время войны убил 14 фашистов. Был награжден медалями за "Отвагу" и "За Победу над Германией" После Победы, в июле 1945 года мой корпус был расформирован, а меня демобилизовали — 17 лет только было. Вернулся в Ленинград, где поступил в Горный институт. Возобновил занятия в яхт-клубе, где уже строил яхты олимпийского класса и на них ходил по Финскому заливу, вплоть до Таллина. В Ленинграде после войны активно стало развиваться современное пятиборье, застрельщиком был Ленинградский государственный университет. Горный не остался в стороне, и я попал в команду. С учетом боевых и казацких навыков результаты по бегу и плаванию, тогда соревнования проходили по пересеченной местности и в открытой воде, а также на коне и стрельбе были отличные, проблемы были в фехтовании, это тебе не шашкой рубить, тут фехтовать нужно. Но я настырный и к окончанию института на спартакиаде народов СССР в личном зачете выиграл третье место и удостоен звания мастера спорта СССР. Распределился я в город Пермь и началась моя работа в геолого-разведывательных партиях, которая затянула меня на всю жизнь. Исходил всю Пермскую область, Урал, Западную Сибирь, в командировках бывал и, как тогда называли, в развивающихся странах, вставших на социалистический путь развития. Открыл десятки месторождений, в том числе 8 лично, были тогда и одиночные выходы в "поля". Защитил кандидатскую диссертацию, был награжден Орденом "Трудового Красного Знамени". Дослужился до заместителя начальника управления. И тут наступил 1991 год и СССР не стало, а в 1992 году ликвидировалось моё управление, и я стал пенсионером. Руки не опустил, стал преподавать в институте, а в 2002 году в возрасте 74 лет, окончательно ушел на заслуженный отдых. Купил себе небольшой хутор, никому не нужный, на речке Ольховка у горы Масленая и с тех пор с середины весны и до середины осени живу там, а зимой в городе Перми в "хрущевке" в однокомнатной квартире, полученной по очереди в конце шестидесятых годов прошлого века. Пристрастился к сельскому хозяйству, к рыбалке и охоте, только из ружья стрелять не люблю, из арбалета и лука лучше.

Пора в путь, опустошил холодильник, набрав два мешка продуктов, прихватил подарок администрации, вырубил электрические пробки и пошел к своей старенькой "буханке", в которую накануне с трудом закинул около пятисот килограмм пожитков и двинулся в путь. По трассе ехал быстро, а вот оставшиеся 60 километров по грунтовке и 10 по лесной дороге пришлось ползти как черепаха. Не доезжая двух километров до хутора, пробил переднее колесо. Помощи тут ждать не от кого, придется колесо менять самому, а запаска лежит в салоне под горой поклажи. Пришлось все вытаскивать и складировать в пяти метрах на небольшой полянке. Когда добрался до запаски, силы стали меня покидать, пронзила резкая боль в груди, в глазах потемнело, я с трудом дотащил колесо с домкратом до полянки, и рухнул на мешки с поклажей. Наступила темнота.

Глава 1

Очнулся. Утро. Солнечные лучи пробиваются через закрывающее небо зеленую листву деревьев. Щебечут птицы, радуясь новому дню.

«Сколько же я провалялся, колесо пробило в пять вечера, а сейчас, судя по положению солнца в районе семи часов утра. Выходит, потерял сознание не меньше чем на 12 часов» — сделал я не утешительный вывод.

«Стоп, а почему листья на деревьях все зеленые. Когда выезжал из дома, почки еще только стали набухать. В лесу деревья были голыми, а в тени в канавах еще были остатки снега. Сейчас же, по ощущениям, 18–20 градусов тепла, все деревья в листве. Похоже в отключке был не менее трех недель»

Взглянул на часы — 7 утра 16 апреля.

— Что за ...

Рука не моя. Из рукава камуфляжной куртки высовывается бледная рука подростка, на которой болтается ремешок с «Командирскими» часами — подарком от военкомата на 25-летие Победы. Поднимаю правую руку — такая же. Мысли понеслись вскачь — «Сон, бред, видения? Нет, больно всё реально».

Решил осмотреться. Сел, дискомфорта от движений не почувствовал, тело слушалось. Посмотрел на ноги, и уже не удивляясь, обнаружил, что они тоже принадлежат подростку. Задрал штанины, из широких штанин высовывались худые бледные ноги с острыми коленками. Я сидел на мешках с вещами, которые перед потерей сознания вытащил из «буханки». Рядом лежало запасное колесо и домкрат. Но, самого УАЗа не было. От слова совсем не было, ни его самого, ни каких-либо следов его здесь нахождения. Да и лесной дороги не было. Вокруг был только девственный лес. Я же сидел на куче вещей своего скарба на полянке диаметром не более трех метров.

Взгляд зацепился за рюкзак, вспомнил, что там бритвенный набор, в котором есть небольшое зеркало. В зеркало на меня смотрело лицо пацана с выпученными от обалдения глазами. При том не просто подростка, а меня самого в тринадцатилетнем возрасте.

«Значит я всё-таки умер и переродился в самого себя тринадцатилетнего. Не знаю — плакать, умер все же или радоваться, есть возможность прожить вторую жизнь» — на этом я решил остановиться в своих размышлениях. Решил сначала успокоиться и включить логику.

В животе заурчало, организм ясно дал понять, что пора подкрепиться. С опаской осмотрел содержимое пакетов с едой, обнюхал содержимое, каких-либо признаков гниения не обнаружил. Продукты выглядели вполне пригодными к употреблению. Не мудрствуя лукаво, сделал бутерброды с колбасой, порезал на части пару помидор и на две части огурец, пока делал, слюни из рта так и текли. Насытившись завтраком, решил приступить к анализу сложившейся ситуации:

«Первое. Я умер и возродился в теле самого себя тринадцатилетнего. Себя или его? Нет — себя. Я ощущаю только себя, каких-либо ощущений присутствия в теле и в мозгах чужого — нет. Все знания и жизненный опыт мой».

Таким образом устанавливаю первую константу: Я тринадцатилетний подросток» — от данного умозаключения пот на лбу выступил. Дальше пошло лучше.

«Второе. Где я? Я точно на Земле! Все мои чувства, визуальные, обонятельные, осязательные на это указывает. Тут и насекомые, начиная от комаров и заканчивая

ползающими букашками, и виды окружающих меня деревьев, состояние почвы, знакомое щебетание птиц, движение солнца и земли и даже земная гравитация. Так, что вопрос где я, относится к конкретному месту нахождения. Мне 13 лет, я должен находиться в детском доме в Ленинграде. Но, вокруг меня не Ленинград, и даже не Крестовский остров, а лес, где не ступала нога человека.» — тут я чуть не подпрыгнул — «у меня же есть смартфон».

Достав из внутреннего кармана смартфон, я уставился на него, а в ответ из его экрана на меня смотрел черный квадрат Малевича. Реанимационные мероприятия в виде нажатия, потряхивания, постукивания, к его оживлению не привели. Расстроенный неудачей, я продолжил свои размышления.

«В 7 часов утра перед попаданством и в 7 часов утра, когда я попал, солнце находилось практически в одинаковом положении, то есть я нахожусь приблизительно на одной долготе. Так что я с большой долей вероятности нахожусь на территории Пермского края. Впрочем, это легко проверить на местности, мой хутор построили еще до революции в 1907 году, а до него всего то два километра».

«Третье. Какой сейчас год? Может быть, как 2020, так и 1941, так и любой иной год. А вот с датой и месяцем вопросов похоже нет. Часы у меня механические, пятьдесят лет служили мне верой и правдой, да еще думаю не меньше послужат. Да и положение солнца соответствует апрелю. Одно меня только смущает — климат. К 16 апрелю в Пермском крае, да и в Ленинградской области леса еще голые, без листвы, только трава может начать зеленеть, да и то не каждый год. Здесь полный лиственный покров, что обычно соответствует середине мая. Да и температура воздуха сейчас близка к 20 градусам. В 20 и 21 веке у нас «глобальное потепление», которое началось в 1850 году. С 14 по 18 век был малый ледниковый период, с 10 по 13 века — потепление, с 5 по 9 век — похолодание, с 4 века до н. э. по 4 век н. э. — климатический оптимум. В 3-м веке римляне виноград на территории Англии выращивали».

Больше себе голову загружать не стал. Для решения второго и третьего вопросов, нужно идти на хутор. Только идти осторожно, если сегодня предвоенное время, то лучше с людьми не встречаться, все-таки я тут чужой, еще за шпиона примут, оглянуться не успею, как, не смотря на возраст, окажусь в НКВД. А вот этого мне точно не нужно.

Решил идти налегке. Все свое имущество оставил на полянке, предварительно только взяв из рюкзака топорик и охотничий нож. Продукты, для сохранности от возможных мелких хищников и грызунов, закрепил на дереве на высоте двух метров. Вопрос с берцами решил просто, намотал по две портянки на ноги, благо с собой были, так как почти на полгода на хуторе жить собирался, затянул штаны ремнем потуже и двинулся в путь.

По лесу я ходить умел, не одну тысячу километров по тайге прошагал, так что, двигался осторожно, но при этом уверенно, стараясь как можно больше подмечать по пути и не создавать шума. Лес оказался тяжелым, постоянно на пути вставали непроходимые буреломы, которые приходилось обходить. Чтобы не потерять место своего попадания, оставлял зарубки. Прямой путь в два километра, фактически с учетом обхода препятствий, оказался в два раза длиннее. По дороге ничего необычного не увидел, лес смешанный, преобладают берёзы, осины, дубы, ёлки, пихты, сосны, попадаются ясень, рябина, липы, лиственницы, кедры, правда их размеры поражали. Осины даже было не обхватить, что уж говорить про другие деревья. Очень много черничника, малинника, смородины. Человека лес не видел, следов вырубki нет, деревья погибали от старости, вот и образовались непроходимые буреломы, в том числе и для крупного зверья. Ни одного не заметил, даже

следов. Видел только белок, да огромное количество птиц, вьющих свои гнезда в кронах деревьев, на высоте более 30 метров.

Впереди появился просвет. Осторожно стал пробираться к берегу через заросли орешника, а затем ивняка. Передо мной была не речка в 10 метров шириной, а полноводная река шириной метров 50, несущая свои воды неторопливо на север. Также во всей красе предстала и гора Масленая. Её то я не с чем не перепутаю. Вот и отпал вопрос о месте моего нахождения.

Со всей предосторожности исследовал берег, но ни каких следов хутора, да и человека не обнаружил. Сложилось впечатление, что тут никогда человека и не было. Однако, это мне настроение не прибавило, все указывало на то, что я провалился в глубокое прошлое и скорее всего в самый пик оптимума — в 3-й век. Переплыл речку, температура воды была градусов тринадцать. Для меня привычная, в открытой воде при такой температуре постоянно тренировался. Поднялся на вершину, высота метров 250. Склоны горы покрыты смешанным лесом, под ногой известняк, есть выходы и другой породы, но пока разбираться какой, не стал. Выбрав раскидистое дерево, взобрался почти до его вершины и стал осматривать окрестности в оптический прицел арбалета. На западе, севере и востоке до горизонта простирался лес, а вот на юге, в километрах десяти, цвет леса изменился, стал преобладать светло зелёный, а на границе видимости, просматривались пространства свободные от леса.

Меня охватила безмерная тоска. В первую очередь стоит вопрос о выживании. Где жить, что есть, как сделать запасы на зиму, а главное, как обеспечить свою безопасность. В одиночку выжить практически невозможно. Что меня ждет зимой — голод, холод, враждебное окружение от крупных хищников до человека. Куда я попал, сейчас ничейная территория, шириной 150–200 километров. Севернее финно-угорские племена, на юге, сарматов уже вытеснили на запад, там готы, аланы и с востока движутся гунны, но это всё в северном Причерноморье и Каспии, пока Великой Булгарии нет, в ближайших к Пермскому краю степях скорее всего обитают кочевые племена. Хотя могут откочевать и небольшая часть сарматов. Племена чужаков не принимают, особенно мужчин. Племена воюют практически со всеми, за лучшие территории, за места охоты, в конечном итоге за женщин, которые нужны для внесения в племена свежей крови. Да и с юга охотники за рабами на Каму могут заглянуть. А Миром сейчас правит Рим! Готы захватят Рим в 410 году. Выход один — создать свое племя. Как это сделать в одиночку, ума не приложу. Но начинать с чего-то надо. Ничейной территории больше нет, теперь это моя Пермска волость, и я в ней господин. А будет племя, так и до короля Руси не далеко.

Улыбнувшись сюрреалистическим мечтам и подняв себе настроение, во все горло заорал:

— Бойтесь! Король Руссов пришел! — и уже про себя, — «За работу».

Срочно надо решить вопрос с местом стоянки, жильем и продовольствием. С собой у меня есть запас продуктов долгосрочного хранения, но на долго его не хватит. На хуторе я затворником не жил, до цивилизации на машине было рукой подать, я периодически пополнял свои запасы. Сейчас же запасы из прежнего мира невосполнимы.

Спустившись с горы, переплыл реку, вернулся на свой первый выход из леса к реке. Стал обследовать берег дальше. Двигаясь по берегу вверх по течению, в пятистах метрах увидел впадающую в Ольховку, речушку, скорее ручей, в четыре метра шириной и глубиной полметра. Устье речушки кишело мальками, настоящий рыбий детский сад. Двинулся вверх по течению. Берег речушки постепенно стал крутым, поднявшись на небольшой утес, метров

семь, вышел на почти прямоугольный огромный луг шириной по берегу ручья около восьмисот метров и длиной километра два. Находился он в метрах трехстах от Ольховки и с реки совершенно не просматривался. С трех сторон луг окружал дремучий лес, а с четвертой восьмьсот метровой, прерывался обрывом к ручью. С этой стороны шел небольшой, градуса два, уклон вниз к противоположной стороне. Наличие пары небольших балок, не портило впечатление. В общем, идеальное место для жилья и огорода. Спустившись к ручью и пройдя вдоль утеса вверх по течению, обнаружил небольшую заводь метров пять в длину и полтора в ширину. Вот и место для парковки каяка. Далее, метров через сто, появились валуны, а потом я уперся в небольшую скальную стену, русло закончилось, а с высоты полуметра падал небольшой водопад, стало понятно, что ключ, питающий ручей не далеко, но по валунам скакать не хотелось и я повернул назад. Пора возвращаться за вещами. По дороге подобрал сухую дубовую ветку около двух метров в длину и около 4,5 сантиметров в диаметре, может лук сделаю.

Обратный путь занял минут сорок и в два часа дня я был на своей точке попадания. Имущество никто не потревожил. Пообедав бутербродами, стал делать слеги для переноски имущества. До конца светового дня смог сделать только две ходки и перенес только два мешка, силенок на большее не хватило. Поставил палатку, завалился спать. Уснул моментально.

Утро встретило дождем, все небо затянуто низкой сплошной серой облачностью. Температура снизилась до 15 градусов. Дождь лил два дня, а я два дня работая лошадью, проклиная всё на свете, таскал добро. Последнюю ходку сделал уже затемно, перетащил рюкзак и на слегах запасное колесо и домкрат. Доел остатки скоро портившихся продуктов, опять в сухомятку, запивал водой, и как убитый уснул.

На четвертый день попадания выглянуло солнышко. Сразу же потеплело. Сделав зарядку, у ручья набрал булыжников для очага, хвороста в лесу хватало, так что с дровами проблем нет. Пока выкладывал очаг, носил воду, хворост на солнышке подсох. Над очагом построил простенький навес — вкопал четыре жердины в землю, предварительно с которые обрубил крону, оставив на верхушке небольшие сучки, получилось, что-то типа трезубца, сверху поперек положил жерди поменьше и накрыл лапником. От зажигалки Зиппо костер в очаге заиграл языками пламени. Установил треногу и поставил на огонь два котелка, в одном сварил пшеничную кашу, в другом вскипятив воду, заварил чайку. В кашу добавил пол банки тушенки и с огромным аппетитом умял завтрак.

С утра занялся строительством шалаша для укрытия имущества от непогоды, хотя все в влагостойких мешках, но лишним шалаш не будет. Спустился с утеса, стал его обходить, нашел два близко стоящих дерева, имеющих толстые ветки на высоте метра полтора, которые станут опорами, срубил березу, сантиметров десять в диаметре, очистил от веток и положил на опоры, выбранных деревьев, обмотав для надежности скотчем, а дальше нарубил в подлеске мелкие деревца и навалил их на получившуюся перекладину, а затем еловым лапником, зацепляя за ветки, все скрепил. Получилась крепкая конструкция. Перенес туда вещи.

А дальше день посвятил отдыху и инвентаризации имущества.

Итак, я имею: каяк тритон-вуокса-3 возможно парусное вооружение ПВХ каркас разборный грузоподъемность 350 кг, 2-х местную палатку, арбалет эксалибур с 20 карбоновыми болтами, охотничий нож, спиннинг, набор блесен и воблеров, подсачик, набор семян и зерен для поклевки 1 кг, топор, туристский топор, одноручную пилу, точильный

камень, две стамески, долото, набор ножовок, напильник, ножницы, скобель, штыковую и совковую лопаты, упаковку из 10 строительных перчаток, изоленту, скотч, 20 влагостойких мешков, небольшие тиски с наковальней, 20 метров медной трубки на бобине, 20 медных фитингов, 100 метров веревки из полиэфирного волокна, 10 метров бечевки, автомобильное колесо в сборе, домкрат, керосинка, две керосиновых лампы, 20 литровая канистра с керосином, два мешка по 10 кг калийно-фосфорных удобрений, 20 кг картошки, 10 кг соли, 10 кг сахара, 2 ящика по 20 банок тушёнки, 3-х литровая банка с индийским чаем, две поллитровки водки, лук 1 кг, чеснок 3 головки, лимоны — 1 кг, галеты — 2 кг, 5 литров воды, 20 кг гречки и 20 кг пшеники, 10 банок с консервированными овощами, 10 банок сгущенки, 3 ведра, набор из 3-х котелков 5-ти, 3-х и 1,5 литров с треногой, чугунная сковородка, набор кухонных ножей, чайный сервиз, набор столовых приборов, 3 миски, 6 граненых стаканов, 3 металлической кружки, 3 упаковки по 10 коробков спичек, 30 восковых свечек, по 10 хозяйственных и туалетных мыла, аптечка, пару полотенец, 3 тюбика зубной пасты, две зубных щетки, бритвенный набор, щипчики для ногтей, термобелье, 3 пары белья и носок, 2 пары шерстяных носок и портянок, свитер, джинсы, пара рубашек, дождевик, плед, поролоновый матрас, сапоги болотные, кроссовки, кожаные перчатки, разгрузка, демисезонные камуфляжная куртка и полукомбинезон с подстежками, по 10 блистеров антибиотиков, противовоспалительных, анальгина и аспирина, по две упаковки семян помидор, огурцов, редиски, перца, гороха, фасоли, лука, чеснока.

В карманах документы, бумажник с тремя тысячами налички, банковская карта, ключи от квартиры и машины с брелоками с диодами, зажигалка Зиппо, расчёска, носовой платок, пара ручек, 2 блокнота, швейцарский нож, ремень, часы «Командирские», фляжка, десяток монет и не работающий телефон.

Вот такой я куркуль. Надолго ли этого хватит?

Пятый день также был солнечным. Сегодня кормил себя гречневой кашей с тушенкой. Если я так и дальше буду питаться, то через два месяца еда закончится. Завтра надо открывать рыболовный сезон. Сегодня день посвятил вскапыванию огорода.

Почва на утесе песчано-дерново-подзолистая, так себе, но лучше, чем глинистая, вскапывать полегче. Верхний слой почвы около десяти сантиметров, гумус — сантиметров тридцать-сорок. Разметил четыре грядки по два на десять метров, мелочится не буду. Расстояние между ними по два метра. Первое поле вскопал, внес килограмм удобрений и в качестве перегноя прошлогодней листвы, разрыхлил за четыре часа, хорошо хоть додумался перчатки строительные одеть, обошелся без мозолей. На обед умял вторую треть гречи с тушенкой, попил чайку с лимоном. Лимонов — семь штук, долго они не протянут, а витамины нужны, так что ем по одному лимону в день. Сегодняшний лимон оказался с косточками. «Чем черт не шутить» — ухмыляясь про себя, прикопал четыре самых крупных косточек у гребня утеса. До темноты успел вскопать второе поле. Поужинав остатками завтрака и обеда, помыл в ручье котелки. С уже закрывающимися глазами добрал до палатки, уснул не успев донести голову до подушки.

Ночью прошел дождь, но день был солнечный. Температура стабильно держалось выше двадцати градусов. Питался сегодня пшеничным кулешом с тушенкой. В лимоне оказалось три крупных косточки, которые также прикопал рядом с предыдущими. За день вскопал оставшиеся два поля. Ночью началась гроза, поднялся сильный ветер, сверкали молнии, гроыхало знатно, но палатка выдержала, что удивительно, но и шалаш практически не пострадал, а вот навес над очагом разметало, но на восстановление много времени не потребовалось.

Утром, делая зарядку, наматывая свой круг по краю луга, даже тропинку протоптал, наблюдал последствия ночной грозы. Вокруг было повалено два десятка огромных 40–60 метровых елок, пихт, берез. Сама природа прямо намекает — «Зима близко», пора строиться. Умывшись в ручье холодной водой, взбодрился. Достал спиннинг, воблеров, подсачек, ведерко, туристский топорик, арбалет и чуток прикормки, направился на рыбалку. Пробежав пару шагов в сторону Ольховки, меня как по голове стукнуло, в прикормке, кроме перемолотой солянки из круп и зерен, были и целы зерна. Вернулся, высыпал прикормку, в которой было в том числе одно кукурузное зерно и семечка подсолнуха, обратно в пакет. Загорелось перебрать весь пакет с подкормкой, но остановил себя — «позже, планы менять не буду, сначала рыбалка».

Осторожно, внимательно оглядывая окрестности, впрочем, я всегда на стороже, нахватало еще неожиданной встречи со зверем и человеком, приблизился к берегу реки. Вековой лес практически подступал к самому берегу. Берега были крутыми, с моей стороны левый берег метра два-три высотой, правый берег повыше — метров пять. По берегам огромное количество коряг. Течение реки неторопливое, по берегам заросли осоки, рогоза, в воде в двух метрах от берега распластали листья кувшинки. Пошел вверх по течению, осматривая выходы береговой породы, пока сплошной суглинок. Метров через сто, повезло, увидел выход огнеупорной глины.

«Что значит повезло, надо просто знать» — мысленно похвалил я себя. Огнеупорная глина, наряду с нефтью, каменным углем, железной и медной рудой, солью, золотом, являет

основным видом добычи полезных ископаемых в Пермском крае.

Выйдя на небольшой пляж, зашел в воду по щиколотку. Вода градусов пятнадцать, немного теплее, чем два дня назад, в зарядку пора включать плавание. Начал пробные забросы. На третьей проводке сильно дернуло, удилище спиннинга согнуло в дугу, я чуть не рухнул в воду. Похвалил себя, что леску поставил с разрывным усилием в 60 килограмм. Борьба длилась минут пятнадцать. Постепенно мне удалось подтащить рыбу к берегу. Это был огромный судак, весом килограмм восемнадцать. Быстро выхватив топорик, я стал долбить его по голове, оглушить удалось на пятом ударе. От пережитого нервного напряжения меня трясло. Заставил себя взять в руки, нормализовал дыхание. Меня охватила эйфория. Как мне не хотелось продолжить рыбалку, но жизнь вносит свои коррективы, холодильника у меня нет, ну не ловить же рыбу ради спортивного интереса. Посмотрев на ведро, хмыкнул, в него только голова поместиться. Пошел домой, таща гиганта за жабры.

Дома приступил к потрошению и разделки судака. Отрубил голову для бульона. Поскольку голова помещалась только ведро, бульон стал варить в нем. Пока варился бульон, разделал судака, из четырёх килограмм буду варить уху, а остальное пожарю, благо сковородка и подсолнечное масло есть. Хватит на три дня. Жареная рыба вряд ли испортится. Когда сварился бульон, не утерпел, обжигаясь с огромным наслаждением выпил. Бульон заправил кусками судака, добавил луковицу, поставил вариться уху, а на сковородке приступил к жарке. В 12 часов приступил к трапезе. Завтрак-обед удался на славу. Уха великолепная, жареный судак превзошёл все ожидания. Объелся от пуза, о чём засвидетельствовала и благородная отрыжка.

Вернувшись, принялся перебирать семенной фонд. Из двадцати килограмм картошки отобрал девяносто самых больших клубней, не имеющих ни одного повреждения. Это количество вполне поместиться на одной грядке. Фасоль и горох замочил в миске на часик. Их на целую грядку маловато, буду сажать разреженно. Остальные семена овощей вполне комфортно уместятся на третьей. А на четвертую пойдет всё, что можно собрать из подкормки.

Перебрав содержимое подкормки, получил не поврежденные зерна пшеницы 32 штуки, ржи — 18, кукурузы — 9, овса — 27, семечек подсолнечника — 12, льняных 26.

Посадка на первом поле гороха и фасоли, а также картошки на втором, прошла быстро. Посадка овощей на третьем затянулось, уж больно мелкие семена, с четвертым управился быстро, посадочного материала с гулькин нос. На грядке с фасолью, горохом, огурцами, помидорами в землю воткнул лозу, будет за что им хвататься, если конечно взойдут.

Поужинав, стал разбираться в первоочередных задачах для выживания.

Нужно жильё, но строить сруб, сил не хватит, значит землянку. К зиме в землянку нужна печка, а это кирпичи. Для создания запасов, без коптильни не обойтись, как и без ледника, но лед появится только зимой. Самый лучший консервант соль. Но ее у меня только 10 килограмм, много не засолишь. Сейчас можно питаться и хорошо питаться свежей рыбой и немного картошкой — 10 кг надеюсь до ее урожая хватит. Из оставшейся тушенки, гречки и пшенки делаю неприкосновенный запас. С хлебом проблема и в ближайшей и даже среднесрочной перспективе не решаемая. Два килограмма галет проблеме с хлебом не поможет. Так что главная на сегодня задача — добыча соли. К нересту кумжи надо тоже подготовиться. Соль можно накопать, притом даже поваренную, на реке Кама, в месте где город Березники стоять будет. С этим и уснул.

Ночью прошел дождь. Уже традиция. Утро седьмого дня солнечное. Сделав зарядку,

добежал до речи Ольховки, прихватив ведро и подсачек. Вода градусов 16. Сплавал на тот берег и обратно, и так три раза, метров 300 проплыл. Пора готовиться к отплытию за солью. Надеюсь за месяц, максимум за полтора обернусь.

Из ранее подобранной дубовой ветки стал мастерить лук. Отпилил сантиметров 40 верхушки с остатками сучков от кроны и сантиметров пять внизу. Получилась палка чуть более полутора метров длиной, с диаметром по всей длине в районе 4 сантиметров, без трещин и сучков. Естественный изгиб палки был практически на середине. Поработав ножом и напильником, придал верхней и нижней части будущего лука практическую идентичность, сделал на концах выемки. Отполировал воском от свечки и подсолнечным маслом. Выбирая из лески и бечевки, остановил свой выбор тетивы на бечевке, она все же состоит из кожи напополам с синтетикой. Рукоять лука обмотал двойным слоем бечевки.

20 стрел сделал из лозы орешника, благо его в подлеске хватает. Для наконечников использовал жезь, от трех пустых банок из-под тушенки. Для крепежа использовал нитки из носка, пришлось одним пожертвовать, все равно в портянках хожу. Стрелы отполировал и пока отложил.

Очередь дошла до копья. Из набора кухонных ножей, состоящего из ножа для овощей, шеф-ножа, филейный ножа, универсальный ножа, выбрал шеф-нож с длинной лезвия 20 сантиметров. Демонтировал ручку шеф-ножа с помощью плоскогубцев швейцарского ножа, выпрямил с одной стороны шляпки двух заклепок. Вырезал дубовое древко длиной полтора метра диаметром четыре сантиметра, сделал в верхней части по центру вырез на длину ручки шеф-ножа, проделал шилом дырки, совмещённые с отверстиями стальной ручки ножа и закрепил заклепками. Для большей надежности, обмотал бечевкой. В общем копьё получилось на славу.

Настала очередность каяка. Распаковал его из сумки, разложил на берегу ручья, установил каркасную конструкцию и, прилагаемым ножным насосом накачал его баллоны. Прихватив арбалет и спиннинг, отправился добывать провиант на дорогу. Отталкиваясь байдарочным веслом, по ручью спустился в реку, и заработав веслом двинулся вверх по течению. От моей гребли, каяк двигался рывками, но постепенно я приноровился и рыскание прекратилось. Не забыл. В яхт-клубе нам ставили технику гребли на байдарке. Работая веслом в легком темпе — 60 гребков в минуту, каяк против течения, правда слабого — 0.5 метра в секунду, двигался резво, километров 7 в час. Обойдя растянувшуюся на 500 метров заводь, заросшую рогозом и осокой, откуда доносился гомон и кряканье в сотни утиных глоток, развернулся и со скоростью течения подплыл к краю камышей. То ли утки не пуганые, то ли благодаря камуфляжной окраски лодки, остался не замеченным. Утки высидывают яйца, так что охочусь только на селезней. А вот и он, из зарослей на чистую воду выплыл селезень, весом не менее полутора килограмм, я даже залюбовался его окрасом, зеленой головой, шей и красным зобом и всё это великолепие освещалось ярким солнцем и бликами от воды. Страхнув наваждение, произвел выстрел. Селезень не успел среагировать и арбалетный болт пробил его насквозь. Ну, да, где уж тут среагировать, скорость болта 230 метров в секунду. Смерть селезня для утиной стаи прошла не замеченной. Подплыв к добыче, вытащив болт, забросил ее в каяк. Тихо вернулся на место засады. Ждать долго не пришлось, появился в 40 метрах еще один селезень, который также стал моей добычей. Но, тут тихо не получилось, раздался оглушительный взрыв, одновременных взмахов крыльев и утиная стая в сотни четыре голов, поднялась в воздух. Быстро захватив добычу, я отплыл подальше. Вода в реке прозрачная, рыбы в реке много. Ждать, пока утки успокоятся, не стал.

Решил половить на блесну. Удачно. Фактически каждый пятый заброс результативный. Поймал жереха на килограмм 9 и две кумжи по 6 и 7 килограмм. К этому времени утки успокоились и подстрелив еще одного селезня, вернулся к себе на утес.

На утесе, развел очаг, выпотрошил добычу, с селезней выщипал по 30 перьев, облепил с оставшимися перьями глиной, жереха также облепил глиной, а икру и филе кумжи, порезанные пластинами, засолил. Пообедал прошлой добычей. В очередном лимоне оказал одна косточка, которую тоже прикопал. После чего занялся оперением стрел. Для закрепления оперения использовал нитки носка. Когда закончил, костер как раз прогорел, в угли положил запекаться селезней и жереха.

Пришло время испытания лука. Техника и навыки стрельбы не подкачали. К третьему выстрелу приноровился к луку, а дальше пошло как по маслу. С расстояния в 50 метров семь стрел попали в десятисантиметровую рожицу, нарисованную мной на трухлявом бревне. Натяжение лука было для меня тяжеловато, но это дело наживное. Оставшись довольным испытанием, снял с лука тетиву. Поужинал остатками судака и завалился спать.

Глава 3

Утром, 24 апреля, в восьмой день попаданства, после зарядки и водных процедур, позавтракал красной икрой, доел последний лимон и стал собираться. Снял палатку, упаковал прямо в глиняной корке запечённых селезней и жереха, уложил в рюкзак смену белья, из неприкосновенного запаса три баки тушенки, по паре упаковок гречи и пшенки, пачку соли, банку сгущенки, картошку, пятилитровую бутылку с кипяченой воды, котелки, пару мисок, спиннинг, две лопаты, влагостойкие мешки для соли, блокнот для зарисовки карты, сапоги — ходить придется по солончакам, а также на всякий случай для товарного обмена, прихватил две чашки с блюдами, завернул их в свитер, упаковал всё в каяк и тронулся в путь. Из оружия у меня арбалет, копьё и лук, также можно использовать охотничий нож, туристский топорик и как за сапожник — кухонный нож для овощей. По речке поплыл вниз по течению экономным ходом в 60 гребков в минуту, в будущем надеюсь довести до сотни гребков, со скоростью 8 км/час.

Высокие берега реки прикрывали заросли ивняка, орешника, черемши, вода вдоль берега была покрыта кувшинками, начинавшими свое цветение. Температура воздуха поднялась до 25 градусов, так что греб полностью голым.

Через час достиг места впадения в реку Шакву. Внимательно, через прицел, просканировал окружающую обстановку. Человеческого присутствия не наблюдалось, и я продолжил движение. Ширина Шаквы была побольше, метров 80, течение не спешное, берега также окаймляли заросли ивы и орешника, а далее всё тот же дремучий лес. К часу дня сделал привал, спрятался за ветвями плачущей ивы и с удовольствием отобедал половиной селезня, вкус был замечательны, мясо мягким и сочным, и само отделялось от костей. Размял ноги и тронулся дальше.

Через пять часов хода, стал подыскивать место для ночлега. Понравилась маленькая речушка, впадающая в Шакву, поднялся по ней метров на сто, где обнаружил небольшой пляж, окруженный вокруг густым подлеском, скрывающем от посторонних глаз. Забрался на дерево, осмотрев окрестности, после чего вытащил каяк на берег и обустроил лагерь. Уже в сумерках, вскипятил на завтрашний день воду в пятилитровой котелке, питьевой воды за день потребляю много. Поужинал второй половиной селезня, попил чайку и завалился спать. Ночью как всегда прошел дождь.

Проснувшись с первыми лучами солнца, осмотрел округу в прицел, позавтракал филе форели, вкус восхитительный, свернул лагерь и продолжил путь.

Через полчаса доплыл до Сылвы. Река величаво и неспешно несла свои воды на север. Её ширина превышала 400 метров. В десяти метрах от берега продолжил свой путь.

Следующие три дня прошли спокойно. Двигался в своем ритме. В середине третьего дня прошел слияние с Чусовой. Скоро Кама. По моим прикидкам тут должны уже быть обжитые места. Со всей осторожностью проплыл еще километров пятнадцать, в 17 часов, зайдя в очередной ручей, обустроил себе лагерь. В питании перешел на подножный корм. Поймал жереха и кумжу, филе которой засалил. В сумерках развел костерок, побаловал себя ухой с картошкой. Пару десятков картофелин сварил в мундире, вдруг долго из-за безопасности, огонь развести не удастся.

Утром, через полчаса после начала движения, аж вздрогнул от душераздирающего крика, раздавшегося с берега из глубины леса. Быстро вооружившись, направил каяк берегу,

спрятался в густых ветвях ивы. Медленно двинулся через лес, прячась за деревьями в направлении услышанного крика.

Метров через семьдесят впереди показались просветы, начался подлесок, переходящий в кустарник, послышались голоса, среди которых выделялись короткие возгласы, издаваемые хорошо поставленным командным голосом. Я лег на землю и пополз. Начался малинник. В трех метрах справа от меня здоровенный корявый пень с остатками поваленного ствола. Аккуратно переместился за него. Упавший остаток ствола одним концом лежал на пне, образовав зазор между собой и землей. Через зазор стал осматривать открывшуюся картину. Передо мной раскинулся огромный луг, справа по границе леса были расположены в линию семь шалашей. Рядом с шалашами лежат убитые шесть мужчин, одетых в холщовые рубахи и такие же штаны и три женщины, в холщовых сарафанах, на ногах у всех были лапти. Перед вторым от меня шалашом, бородатый мужик со спущенными штанами, лежа на девчонке, совершал возвратно-поступательные движения, девчонка только всхлипывала, в этих всхлипываниях отражалась смертная тоска от полной безнадёги.

В метрах пятнадцати перед шалашами на земле плотно сидели два десятка молодых женщин, мужчин и маленьких детей, которых по периметру охраняло три воина в кожаных доспехах, с копьями в руках. На спине каждого из них был приторочен лук. Между ними и шалашами стоял воин в чешуйчатых ламеллярных доспехах, с бронзовым шлемом на голове, в правой руке держал меч, за спиной у него составной лук. Перед ним на коленях находился седой мужчина, который что-то говорил воину, как я понял, главному. Главный в ответ рассмеялся и демонстрируя свое превосходство и полное пренебрежение, приложил лезвие меча к шею седого.

В этот момент из самого дальнего шалаша раздались крики, из шалаша вышли еще три воина, двое из которых за волосы тащили за собой двух голых женщин, а третий нес перед собой кучу меховой рухляди. Главный дал им какую-то команду, и они потащили свою ношу в левую сторону от меня, в направлении, прохода, образованного подступающим лесом, который сжал луг до бутылочного горлышка.

Что мы имеем, отряд пришлых воинов напал на племя или род мирных аборигенов. Тут восемь воинов, притом очень хорошо вооруженных. По всей видимости это охотники за людьми. У них есть транспорт, и там наверняка есть еще люди. Я могу стрелять из лука со скорострельностью 12 выстрелов в минуту, то есть один выстрел за пять секунд. Из арбалета скорострельность 10 выстрелов в минуту, 6 секунд на выстрел. Скорострельность из лука выше, но стрелять придётся стоя, а из арбалета можно лёжа, а в лежачего намного сложнее попасть, чем в стоячего.

Но, но как много, но. Первым стреляю в главного, потом в самого ближнего охранника. Дальше эффект неожиданности пропадет и против меня будет 6 профессиональных воинов. Выжить шансов практически нет. Но, я нахожусь в укрытии с великолепным обзором, а со стороны луга меня не видно. Если убить главного, вряд ли меня атаковать будут организованно.

Принимаю решение вступить в бой. Беру на прицел главного, у него открыта шея, так что стрелять буду туда. В этот момент боковым зрением вижу, как жертва принуждения левой рукой удается схватить камень, и она наотмашь со всей дури наносит бульжником удар в голову насильника. В этот момент я произвожу выстрел, болт пробивает шею насквозь, и главный заваливается на землю. На автомате перезаряжаю арбалет, прицеливаюсь в ближайшего охранника, который открыв рот смотрит на упавшего главаря.

Выстрел. Болт через открытый рот входит в мозг и пробивает черепную коробку. Перезаряжаюсь.

«Минус два» — мысленно считаю.

Два оставшихся охранника вышли из ступора, бросили копья, выхватили луки, но их взгляду устремлены не в мою сторону, в сторону девчонки, которая скинув с себя насильника, уже двумя руками держа камень, со скоростью автомата наносит удары в его голову.

«Минус три» — продолжаю считать.

Лучники одновременно пускают стрелы в девчонку, две стрелы пронзают ее тело, и она оседает на землю. Я произвожу выстрел, болт попадает в глаз и пробивает мозг, охранник падает. В этот момент двое пленных мужчин хватают брошенные охранниками копья, нанося удары копьями в живот третьего охранника.

«Минус пять»

Перезаряжаюсь. Навожу арбалет на удаляющуюся троицу, находящихся в метрах восьмидесяти. Они уже побросали свои ноши, вооружились луками и одновременно пустили стрелы в мою сторону. Две стрелы попали в сломанный ствол, третья прошла совсем мимо. Произвожу выстрел.

«Минус шесть»

Двое оставшихся пускают стрелы и попадают опять в ствол. Если бы не укрытие, быть мне трупом. Метко стреляют.

Произвожу выстрел. Левый стрелок падает как подкошенный.

«Минус семь» — продолжаю счет.

Оставшийся, который нес меховую ружлядь, развернулся и побежал в сторону бутылочного горлышка. Я выхожу из-за укрытия, меняю арбалет на лук. Расстояние уже почти 100 метров, прицеливаюсь и пускаю стрелу. Доспех спину ему не прикрывает, там только завязки. Стрела попадает в область сердца. Ну вот, пока всё.

Подхожу к убитому мной главному. Беру его меч. Нет — МЕЧ! Мало того, что у него чешуйчатые ламеллярные доспехи, так еще и меч булатный. Такой мог быть только у сарматов. Но сарматов как такового народа уже лет сто как нет — ушли на запад за Днепр. Это явно старые трофеи. Да и римский шлем из далека.

Бывшие пленники были не большого роста, мужчины не более 160 сантиметров, имели коренастую фигуру, волосы в основном у всех были русые, глаза серые, лицо широкое, носы немного вздернутые, все белокожие, у тех, кто постарше — борода. Похожи на предков коми-пермяков. Смотрели на меня они настороженно и с любопытством, но агрессии не проявляли.

Ко мне подошел Седой. Как я понял глава рода. Он был сантиметров на пять повыше остальных и шире в плечах. На вид, с учетом его седины, ему было лет шестьдесят, но тут вряд ли столько живут. Хотя по выпрямленной спине, пружинящей походке, да и по живым глазам, вряд ли ему больше тридцати. Он, не доходя до меня пары метров, низко в пояс поклонился. Я так же ему поклонился. И он стал, что-то мне говорить.

— Не понимаю — замотал я головой и показав на себя пальцем, представился — Владимир.

— Ош — ткнув в себя пальцем, назвал себя Седой.

Вдруг, Ош напрягся, взгляд его был направлен мне за спину, он громко стал отдавать отрывистые команды. Оглянувшись, увидел, как в метрах в двухстах из бутылочного

горлышка луга выбегают шесть воинов, двое в чешуйчатых доспехах, остальные в кожаных, в руках у них луки, остановившись, они делают залп, однако расстояние большое и стрелы до нас не долетают. Ош и его люди похватали луки убитых людоловов и открыли ответный огонь, но тоже безрезультатно, далеко.

Я завалился в траву и из арбалета стал стрелять по воинам в кожаных доспехах. С такого расстояния чешуйчатый доспех вряд ли пробьет даже болт моего арбалета. Метил в лицо крайнего слева. Выстрел. Попал. Шесть секунд на перезарядку, еще выстрел. Болт попадает в верхнюю губу, круша зубы, входит в мозг.

Нападающие продолжают двигаться вперед вчетвером, расстояние сокращается до 150 метров, пускают стрелы, два аборигена из племени Оша вскрикивают и падают. Остальные продолжают пускать стрелы. Попадания есть, но стрелы отскакивают от чешуйчатых доспехов, а вот одному в кожаных, не посчастливилось, в него попадают две стрелы, одна в руку, другая в шею, не жилец. Я добиваю четвертого в кожанке.

Двое оставшихся, начинают пятиться, а потом развернувшись, бегут назад. Ош дает короткую команду, хватает копьё и бежит за ними, еще шесть молодых парней, подхватив копьё, также начинают преследование. Я же, прицеливаюсь в затылок одного из убегающих и произвожу убийственный выстрел. Остался один. Но он в тяжелых доспехах, бежит намного медленнее его преследователей. Я встаю и бегу вслед за всеми. Ош догоняет людолова, копьём сбивает его с ног и добивает в живот.

Продолжаю бежать, вбегаю в бутылочное горлышко, Ош и остальные за мной. Дальше двигаюсь осторожно, в кромке леса. Через метров сто, луг упирается в реку. Вернее, в бухту. На пляже, на половину вытащенная из реки, стоит галера! Длинной около 30 метров, шириной около пяти метров, по восемь весел с каждой стороны палубы, мачта метров семнадцать высотой. Над палубой натянут тент из холщовой ткани, закрывающий от дождя и солнца.

Бухта окаймлена густым лесом. Выход из бухты в реку Чусовую шириной не более десяти метра. Через лес напрямую, до места швартовки каяка не более ста метров. Если бы я не остановился, то прямым ходом нарвался бы на галеру. Что бы тогда было, даже думать не хочется.

Вдвоем с Ошем поднялись на галеру, остальные остались на пляже охранять периметр. На гребной палубе на скамьях находилось шестнадцать гребцов, по восемь с каждой стороны. Одна нога каждого из них была сована железной цепью, которая соединялась с цепью, проложенной по всей длине гребной палубы. В проходе лежал здоровенный мужик, не подававший признаков жизни, голова которого была в крови, а гребцы, со всем остервенением, продолжали его молотить своими пудовыми кулаками. Видать, больно сильна у них была ненависть к надсмотрщику. У рабов были сильно развиты мышцы плечевого пояса, руки — «руки-базуки». То, что они голодали, по их виду не скажешь. Ну да, кому нужны гребцы доходяги.

Сразу отбросил мысль взять галеру и гребцов себе. Нафиг, нафиг, их шестнадцать здоровых мужиков, а я тринадцатилетний пацан. Они меня съедят и не подавятся. Да и галера мне сейчас не нужна. Просто время еще не пришло.

Рабы, убедившись, что надсмотрщик мертв, радостно загалдели, а успокоившись, стали, каждый на свой лад, смотря на нас, склонили головы, стали говорить, при этом тон их обращения был просительный.

Ош, посмотрев на рабов, перевел вопрошающий взгляд на меня. Я, сделав небольшой

поклон, замотал головой, давая понять, что рабы мне не нужны. Ош, обращаясь к рабам, стал быстро говорить, один из них переводил сказанное остальным. На палубе раздался вздох разочарования.

Как я понял, Ошу рабы тоже были не нужны и освободить, как минимум сейчас, он их не собирался. Да и понятно, судя по тому, что жил род Оша в шалашах, здесь было временное становище на летний период. Народа у него было не много, а с учетом нападения охотников за людьми, мужчин способных держать оружие осталось всего семь человек.

Спустились в трюм, который был разделен на две части. В первой, заполненной на половину, находились десятки корзин весом килограмм по пятьдесят, с солью и ячменным зерном, ткани, меховая рухлядь, олени и лосиные шкуры, а также керамические горшки различной емкостью.

Я указал жестами Ошу, что забираю две корзины с солью, шерстяные и льняные ткани и десяток хорошо выделанных оленьих шкур, возражений не последовало, в глазах Оша даже проскользнуло удивление, что мол мало беру. После чего позвал троих своих бойцов, которые стали выносить выбранную мной добычу на пляж.

Во второй части трюма находились клетки размером два на два метра, стоящих вдоль бортов, с нешироким центральным проходом между ними. Клетки были пустые. Только в последней клетке находились совершенно голые шестеро детей. Два мальчика на вид четырех лет, две девочки одной лет пять, второй — четыре, к последней прижимались два мальчика одного и двух лет.

«А вот и будущее моё племя» — подумал я и указав Ошу на детей, жестом показал, что я их забираю. Ош опять не возражал. Дети смотрели на меня совершенно пустыми, не выражающих ни каких эмоций, взглядами. Клетка оказалась не запертой, и я жестами показал детям, что бы они следовали за мной.

Бойцы Оша помогли детям спуститься на пляж, и я опять жестами показал, что бы дети меня ждали. Мы с Ошем продолжили осмотр галеры, прошли к кормовой надстройке, где оказалось две каюты. В первой было что-то в виде кухни и склада продуктов. Оттуда я забрал мешок с сушеным мясом и ячменными лепешками, а также очень нужную вещь — жернова ручной мельницы.

Зашли во вторую каюту. Каюта как день и ночь отличалась, от остальных помещений, что были на галере. Поражала разноцветием красок, своим убранством и содержимым. У Оша глазки забегали. Походу мне пора уходить, хотя я их и спас, но добро люди быстро забывает, а жадность может довести до убийства. Я для них чужой. Показав Ошу, что тут мне ничего не нужно, прихватил только три колчана со стрелами и удалился.

У надстройки забрал лежащие стопкой циновки, видимо команда спала на палубе и спустился на пляж. Где, нагрузив четверых бойцов своей добычей, взяв на руки двух малышей, указав остальным следовать за мной, направился к месту швартовки каяка. Дошли минут за десять. Поблагодарив жестами бойцов, отправил их обратно к галере. Расстелив на земле пару циновок, посадил на них ребятишек, накинув на каждого по куску шерстяной ткани. Хотя и тепло — 25 градусов, но они сидят у реки и с нее отдает прохладой, не хватало мне, что бы они простудились.

Четырех летней девочки, два мелких приходились братьями. Они все время тянулись к ней, а она их постоянно обнимала, да и выглядели они похоже, все со светлыми волосами, почти блондины, глаза серо-голубые, лица славянской внешности. Два четырех летних мальчишки, были русыми, с серыми глазами и также славянской внешности, но с разными

чертами лица. Самая старшая девочка имела карие глаза, чуть раскосые, черные волосы.

Достав, ранее сваренную картошку в мундире, раздал каждому по одной и на примере себя, показал, как очистить кожуру.

— Это картошка, ее можно есть — говорю детям и одновременно показываю жестами.

— Кар-то — ска, эсть — повторила старшая девочка.

— Соль — солью картошку, откусываю кусочек, демонстративно жую и глотаю, закатываю от удовольствия глаза и говорю — вкусно.

Отторжения картошка не вызвала, старшие ребяташки быстро ее умяли. Девчонки стали кормить двух малышей, у которых картошка неудовольствия не вызвала. Прodelал в банке со сгущенкой две дырки, показал, как пить и пустил банку по кругу. Все ребяташки с осторожностью делали первый глоток, но после него с трудом оторвал их от банки, она же не бездонная. Каждому досталось по четыре глотка.

— Кружка — говорю и показываю на нее.

— Бутыль — говорю и на пятилитровую бутыль показываю.

— Вода — наливаю в кружку кипяченую воду.

— Пить — подаю кружку старшей девочке, и она пьет из кружки.

И так шесть раз. Похоже запомнили.

Показываю жестами, что бы они меня ждали, а сам возвращаюсь к галере, надо собрать болты и стрелу, свою долю трофейного оружия и заняться лечением двух раненых, для чего беру с собой аптечку.

Через пять минут дохожу до галеры, но пришлось ждать еще минут десять, когда Ош вышел из капитанской каюты. Выглядел он, как кот объевшийся сметаной.

Оставив охранять галеру и рабов двух человек, вернулись к стойбищу. Там женщины уже полностью ободрали трупы убитых людоловов и вырезали из трупов мои болты и стрелу. Всё имущество убитых мной лежало в отдельной куче.

Из двоих раненых, один умер, стрела попала в печень, второму попала в правое плечо, наконечник прошел насквозь, а древко стрелы застряло в плече. Женщины уже обломали наконечник и вытащили из тела стрелу. Я, вымыв руки водкой, очистил рану от грязи, продезинфицировал водкой, размельчил две таблетки стрептоцида, засыпал им входное и выходные отверстия, каждому из них приложил по тампону, которые приклеил пластырем. Заживать будет не долго, кость и сосуды не задеты.

Занялся разбором трофеев. Я убил 10 людоловов, а племя Оша четверых. Отобрал себе два чешуйчатых доспеха и два самых приличных кожаных, четыре коротких лука и один составной, все колчаны со стрелами, наконечники у них железные, шесть копий с железными наконечниками, семь поясов, а также 10 пар обуви — небольшие кожаные сапоги, ну и конечно булатный меч и ножны к нему. Сложил все в более-менее чистые трофейные рубашки и завязал узлом. Шлем водрузил на голову.

Члены племени смотрели на меня с неприязнью, чувство благодарности испарилось. Я им поклонился и еще отдельно Ошу, развернулся и неспешной походкой направился к каяку, ничем не выказывая своего волнения и страха.

Скрывшись в лесу, прибавил шаг. С минуты на минуту до Седого дойдет, что меня можно грохнуть. Пока не скрылся за деревьями, затылком ощущал пристальный взгляд Седого и его мыслительный процесс — "Убит. Отпустить. Убить. Отпустить." Не смотря на мой рост, явно видно по нескладной фигуре и лицу, что пацан. Хотя тут 13-ти летний уже серьезная боевая единица, один из пленных явно не старше меня был, а копьём людолову в живот засадил и не поморщился.

Все ребятишки оказались на месте, походу даже никто с места не сходил. Загрузив трофеи и посадив в каяк детей, отчалил и быстро выгреб к середине реки. Каяк был сильно перегружен, но скорость хода не потерял. Думаю, производитель заложил резерв грузоподъёмности. Да и в моей прежней жизни перегрузов никто не боялся. Дачники на свои жигули загружали пожитков чуть-ли не соизмеримым с весом самого автомобиля. Для фур полуторный перегруз нормой считался, а о транспортных самолётах вообще молчу.

Отплыв 300 метров, увидел, как на берег вышло пять человек во главе с Ошем. Трое из них махали в нашу сторону поднятыми топорами. Как говорится от любви до ненависти один шаг. Солнце в зените, 12 часов, а казалось прошло намного больше времени.

В верх по течению двигался со скоростью шесть километров в час. Через три с половиной часа вошли в реку Сылва. По дороге я продолжил учить детей русскому языку. Дети внимательно слушали, старались правильно повторять слова, при этом не баловались, не шумели, практически не двигались. Познали лиха они в своей короткой жизни.

Попробовал познакомиться. Указывая на себя пальцем, говорю — Володя. Старшие повторяют — Володя. С пятого раза начинают говорить правильно. Продолжая, вновь указываю пальцем на себя, говорю — Володя — у затем указываю пальцем на старшую девочку. Она быстро сообразила и указывая на себя пальцем, говорит свое имя — Эвика. Вот с одной и познакомились.

А дальше начались проблемы. Никто из оставшихся детей не смог назвать своего имени. Либо не знали, либо забыли. Пришлось именовать самому. Четырёх летних мальчишек назвал Коля и Боря, девочку Ладой, двухлетнего Ваней, а самого младшего — Мишей.

Пройдя полтора часа по Сылве, в 17 часов стал искать место для ночлега. Поскольку осадка каяка увеличилась, подходящий ручей, скорее речушку, нашел не сразу. Поднимаясь по притоку, нашел небольшой галечный пляж, под высоким берегом, закрытый со всех сторон ивняком. Место понравилось. Сошли на берег, всех детей напоил из кружки кипяченой водой, при этом постоянно говоря в слух о происходящем. Начал обустривать лагерь, установил палатку, куда посадили маленьких мальчиков, а со старшими стал собирать хворост. В этом деле мое участие не потребовалось, со сбором хвороста ребятишки быстро управились.

А вот я допустил ошибку, зажег костер от зажигалки. Выглядело это со стороны, что костер зажег рукой. Какое удивление это вызвало у детей. Пришлось сделать вид, что ничего не произошло и в дальнейшем добывал огонь трением, благо лук был, так что много времени добыча огня не занимала. Надо будет потом сделать огниво и научить детей им пользоваться, всего то и нужно кремень и металл. А кремень найти труда не составит. В большом котелке на огонь поставил кипятиться воду, поручил ребятам продолжить собирать хворост, а сам со спиннингом спустился к реке.

Попался судак, весом восемь килограмм. То, что нужно. Тут же распотрошил и почистил рыбину, вернулся на стоянку. Сварил уху, подождав пока она чуть остынет, дал каждому ребятенку выпить по очереди по кружке, она с собой одна, наваристого бульона и по ячменной лепешке. А потом принялись уже за остывшего судака, половину которого приговорили. На ночь разместил всех детей в палатке, а себе соорудил небольшой навес, закидав сверху лапником, ночные дожди никто не отменял.

Перед сном посетили тревожные мысли, правильно ли сегодня все сделал. Сегодня 29 апреля, близится к концу тринадцатый день попаданства, который мог стать и последним. Авантюра чистой воды, — «Хренов борец за справедливость». Тут идет борьба за выживание, сильный убивает слабого. Смерть воспринимается как что-то естественное и все происходит по воле Богов. Но история не терпит сослагательный наклонений. Сегодня день рождения моего племени. Хотя члены племени маленькие и беспомощные, но это со временем исправимо. Кроме того, выполнена первая задача, я добыл соль, а по мимо этого решил и хлебный вопрос — ячмень, так что в рационе углеводы будут и еще есть трофеи — ткани, кожа, оружие. Но больше ни каких авантюр.

Утром, приняв водные процедуры, позавтракали остатками вчерашнего ужина, съев по лепешке и по картошке в мундире, погрузились на каяк и тронулись в путь домой.

Дальнейшее плавание прошло без происшествий и через семь дней в 14 часов 6 мая прибыли на место. В пути следования практически не закрывал рот, общаясь с детьми. Все привыкли к своим именам, даже самый маленький Мишка реагировал, когда к нему обращался по имени и выучили, старшие как минимум пятьсот слов, Иван слов пятьдесят, а Михаил слово дай. Так, что языковой барьер был преодолен и дети стали разговаривать не только со мной, но и между собой. Я же учил язык Эвики, в ее языке попадались знакомые корневые слова, определил язык как протоугорский. Старшие научились считать до ста, благо было на чем, пальцев на руках и ногах у нас было 140, но я пока ограничился счетом до ста. О физкультуре тоже не забывал, на стоянках приседали, ходили на корточках, прыгали с места, скакали на одной ноге, пробовали отжиматься. Развивал моторику, на берегу гальку по одной в кучки собирали, а на каяке, зерна ячменя по одному — в корзину. Питались в основном пойманной мной рыбой, два раза делал кашу гречневую и пшеничную с сушеным мясом, пластины которого предварительно резал на мелкие кусочки, отваривал и в бульоне варил каши, в общем кулеш шёл на ура. Приучил их мыть руки после туалета и перед едой, руки мыли в ручьях, там вода почище, чем в реках. Из двух кусков шерстяной ткани сделал для ребят, что-то типа пончо, на первое время сгодится. К концу плавания ребятишки ожили, стали активными, жизнерадостными, но на удивление послушными, видать появление в моей руке огня запомнилось, не знаю за кого они меня воспринимали, за шамана или еще за кого, но слушались меня беспрекословно, но в тоже время у них страха передо мной не было. Так что я теперь вождь.

За десять километров до дома, устроил утиную охоту, подстрелил три селезня, будет чем попотчевать ребятишек для разнообразия.

По прибытию, поднялся к огороду, всходы порадовали. Что взошло, а что нет, буду разбираться позже. Навес над очагом опять рухнул, а вот шалаш совершенно не пострадал. Разгрузил каяк и складировал все в шалаш.

— Здесь наш дом — говорю и показываю ребятишкам территорию — на огороде растет картошка, овощи, зерно, на очаге готовим еду.

— А где мы будем спать — интересуется самая активная и практичная Эвика.

— Сегодня будем строить шалаш.

Провожу старших вверх по течению ручья, до валунов, показывая где брать чистую воду, потом показываю место для раукомойника и туалета. Раукомойник решаю сделать из оцинкованного ведра, небольшого куска медной трубки и двух фитингов, жалко, но гигиена важнее. Втрое оцинкованное ведро для воды, а эмалированное для засолки.

Отправляю девчонок собирать хворост, а с парнями делаю раукомойник, вернее делаю я, а они смотрят. Привешиваю раукомойник на сук дерева, на удобную для детей высоту, наливаю воду, закрываю сверху крышкой. Стержень клапана держит, воду не пропускает, при нажатии вверх, усилий практически не требуется, в самый раз для детей.

К этому времени девчонки натаскали хвороста. Я добыл огонь трением с помощью лука, трут задымил, я раздул огонь, которых своим языком обхватил сухой валежник, и костер запылал. Поставил кипятиться воду.

— Коля, ты будешь следить за наличием воды в раукомойнике, а ты, Боря, будешь следить за огнем в очаге — раздал я указания — как вода будет кончаться, либо затухать огонь, сообщаете мне.

— А, что нам делать — хором спросили Эвика и Лада.

— Вам, девочки, следить за малышами и за огородом, а сейчас все собирают хворост.

Сам же занялся изготовлением туалета, в виде детского стульчика с дыркой. Сделал каркас стульчика из жердей, закрепив паз в паз, отрезал кусок от циновки, вырезал в ней дырку. Ножки спинки воткнул в дно ручья, а передние ножки в землю берега. Вопрос с гигиеной и санитарией на ближайшее время решен.

Котелок со вскипевшей водой поставил остывать, подкинул в очаг хвороста, оставив прогорать до углей. Взяв на руки Мишку, всей толпой пошли к огороду. Строго настрого запретил по нему бегать и стал показывать, как полоть грядки. Девчонки быстро разобрались, а пацаны чуть не выдрали ростки гороха. Пришлось еще несколько раз показывать и объяснять. Вроде поняли.

Оставив ребятню полоть, сам отправился строить шалаш. Строил по той же технологии, так что много времени строительство не заняло. Шалаш получился по основанию размером два на три с половиной метра. К окончанию постройки, костер прогорел и я, выпотрошив и промыв селезней, покрошил в них по два зубчика чеснока, обмазав глиной, положил запекаться в угли. Вернулся к шалашу, из ельника сделал подстилку, на которые уложил циновки и сверху положил поролоновый матрац, как раз все ребятишки поперек на нем уместятся. Себе спальное место оборудовал у выхода.

Прополка шла своим чередом. Грядку с фасолью и горохом от сорняков ребятишки очистили, перешли полоть грядку с картофелем. Кучка с выдранными сорняками выглядела впечатляюще. Вымазались ребята знатно, с ног до головы были в грязи, даже Ваня и Миша, хотя последний, при всем его желании, в силу возраста участия в прополке не принимал.

Внимательно осмотрел огород. Картошка взошла вся, какой процент прижился бобовых и овощей, сказать не могу, так как не считал, сколько посадил, но всходы выглядели оптимистически. А вот с последней грядкой занялся подсчетами. Пшеницы взошло 17 зёрен, ржи 11, овса 25, кукурузы 8, подсолнечника 8, льна — 14. Результат порадовал, оказался на много больше моих ожиданий.

Скоро запекутся селезни. Схватив двух малышей на руки, прихватил мыло и полотенца и погнал всех мыться на реку. За день вода в Ольховке прогрелась, так что всех загнал в воду, кое как отмыл. В моем прошлом, ребятишки бы кричали, визжали, брызгались, здесь же

была почти тишина, ребенок с рождения понимал, что нужно соблюдать осторожность. Вернулись, как раз ужин поспел. Ребятишек усадил в кружок на травку, подумал — «надо скамейки и стол делать», достал из углей в глиняной корке двух селезней и устроившись в круг вместе с ребятами, стал священнодействовать. Медленно разделил на две половины корку, раскрылось грудка с сочившимся от жира мясом, запах был такой, что дух захватывало. Взглотнули все. Ужин удался на славу.

9 вечера. Хотя солнце зашло, но еще светло, раннее сумерки. Отправил детей умываться, а потом в шалаш. Умаявшиеся за день ребятишки, мгновенно уснули. Я же, вернувшись к очагу, починил навес и занялся составлением плана на ближайшую перспективу:

«Вскопать поле и посадить ячмень, начать делать кирпичи для печки и коптильни, строить землянку и печку, решить вопросы с обувью и одеждой для детей, да и по мелочи: оборудовать столярную мастерскую, сделать обеденный стол, да и текущие ежедневные «мелочи», добыча пропитания: рыба, утки и готовка, да, с кашами сейчас проблем не будет — перловка наше всё. Ребят тоже надо занимать, безделье до добра не доведет. Старшим можно давать начальные навыки стрельбы из лука» — составив план, забрался в шалаш и уснул.

Ночью как всегда шел дождь. Проснулись в 6 часов. Зарядка, водные процедуры, завтрак. Ребятишек посадил перебирать и сортировать ячмень, выдал три мешка, в один крупные зерна на посадку, в другой средние, в третий — мелкие и поврежденные. Мелкие в меру своих сил тоже помогают.

Для посадки ячменя разметил четыре сотки луга и поплевав на руки, одев перчатки, взяв лопату, приступил к вспахиванию земли. Вскопал и разрыхлил за четыре часа. Потом рыбалка и приготовление ухи. К этому времени дети отсортировали достаточное количество семян для посадки. После обеда, пока у детей был послеобеденный сон, посадил ячмень. Проснувшись, мальчишки и Лада продолжили перебирать ячмень, второго мешка от оболочки и шелухи, а я в лесу нашел сухую поваленную березу, диаметром ствола около тридцати сантиметров, напилел одиннадцать чурок, будут стулья и четыре пойдут на четырёхлиственный стол.

Эвика постаралась, очистила зерен на три обеда. Да и все остальные молодцы. Перловку промыл в проточной воде ручья, сварил бульон из сухого мяса, который заправил перловкой, добавил пол луковицы. Первый кулеш из перловки.

На следующий день, дети занимались прополкой оставшихся двух с половиной грядок, а я в лесу с помощью топора и деревянных клиньев колол по волокнам на пополам небольшие по диаметру поваленные деревья, делал форму для кирпичей.

С питанием вопрос нормализовался, в обед уха, на ужин и завтрак — перловый кулеш либо на утином, либо на сушеных мясных бульонах. Сушеное мясо надо доедать, долго оно не сохраниться.

10 мая вместе с Николаем и Борисом, прихватив лопаты и формы для кирпичей, на каяке направились к месту выхода на поверхность огнеупорной глины. Девочки с малышами остались на хозяйстве и продолжили перебирать и сортировать ячмень.

Глина превзошла все мои ожидания, содержание шамота процентов девяносто, в моем прошлом такой нет, во всяком случае для промышленного производства, хотя и тут запаса на кирпичный завод не наберется — за полгода выберут, но для сегодняшнего времени это залежи. Впрочем, глина по берегам здесь повсюду и ее разнообразие, и цветовая гамма поражает: белая, черная, темно-коричневая, коричневая, пурпурная, зеленая, голубая, оливковая, серо-зеленая, желтая и красная охра, с разнообразными примесями битума, с разным содержанием оксида железа от 15 вплоть до 70 процентов, окиси хрома, оксидов меди, кобальта, магния, никеля. Да и чистых каолиновых глин хватает, далеко ходить не надо, небольшой выход есть на берегу у слияния моего ручья с Ольховкой.

На берегу разложил заготовленные формы на 60 кирпичей, для задуманной мной печки в основании 1 метр на 75 сантиметров надо как минимум 400 кирпичей, до еще штук 30–40 на коптильню, так что с запасом их нужно штук пятьсот, а лучше шестьсот.

В миске стал разводить глину водой, методом тыка подыскиваю нужную консистенцию, на седьмой раз полученная масса меня устроила. А дальше, я готовлю массу под кирпич, а пацаны утрамбовывают ее в форму, ну как утрамбовывают — помогают. За три часа все формы заполнили и вернулись домой. После обеда, пока дети спали, вырезал из березы пять ложек, получилось не ахти, но всё лучше, чем мне и старшим чайными ложками кулеш и уху есть.

Час активно тренировались начальным навыкам стрельбы из лука, пока только силовые упражнения на удержание лука на вытянутой руке, да попытки натяжения тетивы.

На местности разметил 4 на 8 метров — место для землянки, строить решил над небольшой балкой, и заливать вход не будет ни дождем, ни талым снегом. После ужина сплавал накрыть сушившиеся на солнце кирпичи лапником, ночной дождь еще никто не отменял.

Следующие десять дней разнообразием не отличались. Месил глину, закладывал формы, схватившиеся кирпичи перевозил на луг для продолжения просушки, после обеда готовил строительный материал: разделял напополам бревна, делая горбыли, пилил бревна на опоры, рубил из подлеска жерди на обрешетку и стропила, колот дранку. Ребятишки помогали чем могли, девчонки закончили сортировать и чистить ячмень и переключились на прополку огорода, старшие пацаны помогали с глиной и кирпичами, и конечно тренировались. Да, почти весь ячмень взошел. А еще выросла редиска. Что разнообразило питание, состоявшее в основном из вареной и запеченной утятин, перловки на утином бульоне, ухи и вареной рыбы, утиной яичницей. Из десятка первых редисок и перьев лука сделал салат, заправил подсолнечным маслом.

21 мая начал обжиг кирпичей и приступил к земляным работам. Для обжига натаскал коряг и пней, обложил их крупным валежником, получилось типа пионерского костра, который обложил первой партией кирпичей, полыхало сутки. Десять дней обжигал и копал землю. Дерн снял, слой гумуса раскидал по грядкам. Копал до глубины балки около двух метров. По два часа в день, отдыхая от земляных работ, занимался другими нужными

делами. Экспериментирую с пропорциями каолиновой и шамотных глин, лепил тарелки, миски и другие емкости, используя в качестве формы имеющуюся у меня посуду, а также ведра и котелки, после обжига посмотрю, что получится. Замахнулся на глиняные трубки для воздухопроводов — подобрал десяток полу трухлявых метровых палок, раскатал глину в прямоугольники со сторонами 1 метр на 20 сантиметров и как в оболочку обернул глину вокруг палок, при обжиге палки выгорят и должны получиться трубки. Учился с детворой плести корзинки, циновки, лапти, для последних сделал деревянные колодки по размеру ступней своих и детей.

Кирпичи удались, конечно очень далеко от ГОСТа, но для моей печки в самый раз. Посуда тоже порадовала, хотя и получилось не более половины, выглядела она коряво, но воду держала. Из десяти трубок, получилось шесть, так что вентиляция в землянке будет.

1 июня стал обустраивать землянку. По длинным стенам через каждые два метра вбил опорные бревна, притом с одной стороны на полметра длиннее, крыша будет односкатной, и через полметра жерди, которые вдавил в стены, стены обложил сухим мхом, между опорными балками и жердями перпендикулярно уложил жерди, переплетя их ивовыми прутьями, теперь земля осыпаться не будет. В основу пола натаскал с ручья гальки, из камней установил фундамент для печки, кладка печки заняла 3 дня, в качестве раствора использовал смесь каолиновой и шамотных глин. Гальку на полу скрепил толстым слоем глины, на которую положил, предварительно очищенные скобелем, расколотые бревна горбылем вниз, вот и пол готов.

На опорных балках с помощью пилы, и стамески сделал шип, на которые в вырезанные пазы установил несущие балки крыши длиной 8.5 метра. На эти балки уложил плотно к друг дружке потолочные брёвнышки длиной по 5 метров, на которых вырезал чашки, и закрепил за верхнюю коньковую балку. Вокруг печной трубы, труб вентиляции приточной и вытяжной, сделал обложку из глины. Сверху обложил толстым слоем сухого мха и затем выложил дранку, которую закрепил деревянными нагелями. Сверху насыпал слой земли и накрыл все дерном. Вокруг землянки прокопал канавку, для удаления дождевой воды. Осталось пол и стены разложить циновки и дерюгу, с ребятишками к зиме наплетем, и дом готов. Пару тройку дней надо на просушку и можно испытать печку. Внутри у землянки получилось три зоны, дальняя от входа 2 x 4 метра — спальня, потом печка метр на 75 сантиметров, зона столовой 3 x 4 метра и у входа 2 x 4 метра продовольственный склад. Дверь пока только плетеная.

Нарвал несколько кустиков мяты и пижмы, разложил по углам в землянке. На лугу оказалось огромное количество разнообразных трав — шалфей, тимьян, зверобой, лаванда, клевер, тысячелистник, ромашка, иван-чай, розмарин, дягиль, а также полынь, пижма, бузина, мята, то-то я ни одного грызуна, да что там грызуна, даже мышинных и кротовых норок на лугу не видел, да и комаров, мух, бабочек на лугу практически не было.

После обеда принялся за сооружение коптильни, тут ни чего сложно не оказалось, за пару часов управился. Пару дней на просушку и можно коптить, главное было бы что.

8 июня после завтрака, раздал ребятам задания, а сам направился на каяке вверх по течению Ольховки, пора начинать ближнюю разведку, хотя бы в радиусе 15–20 километров. Иду ходко, под сотню гребков в минуту, против течения скорость километров семь в час. Успеваю внимательно осматривать берега, в основном проросшими ивами, периодически попадаются впадающие в реку ручьи, есть небольшие заводи, много уток, берега с двух сторон высокие, повсюду выходы глины. Через два часа хода лес по берегам реки изменился,

стал практически весь лиственным, стало больше кустарников и появились просветы с небольшими лужками с высокой травой. Река, сделав поворот на восток, стала значительно уже, течение убыстрилось, и я решил пристать к берегу. Выбрав небольшую заводь, пришвартовался к раскидистой иве, выбрался на берег. Взобравшись на высокое дерево, стал осматриваться. На юге примерно в километре сплошная полоса леса заканчивалась, стали появляться луга вперемешку с еще достаточно крупными лесными массивами. А на лугах косули, много косуль. Пасутся группами по 15–20 особей и одна группа находится в километре передо мной.

Спустился с дерева, медленно со всей предосторожностью двинулся вперед. Ветер южный, приближаюсь к группе косуль с подветренной стороны. Прячусь за деревом, в качестве опоры использую сук, целюсь в грудь самой дальней косули Выстрел. Болт точно попадает, у косули подгибаются ноги, и она медленно опускается в высокую траву. Все происходит настолько тихо, что пасущаяся рядом группа не реагирует. Перезаряжаю арбалет и пускаю болт в ближайшую косулю, попадаю под лопатку, косуля делает резкий прыжок и падает в траву. Остальные косули, совершая семиметровые прыжки, срывает с места.

Убитых косуль по очереди, тяжеловаты, килограмм по сорок пять, затаскиваю в лес, за задние ноги привязываю к ветке дерева. Делаю на шее небольшой прокол, перерезаю сосуды, спускаю кровь. Сняв шкуру с первой, почувствовал в спину пристальный взгляд. На автомате, отпрыгнул в сторону с разворотом и вскинул арбалет.

В двадцати метрах стоял матерый волк, вернее волчица. А вот выглядела она паршиво, шерсть в клочьях, правая ключица разбита и скорее всего сломаны ребра грудной клетки, стоит на трех лапах, да еще и беременна. Крепко досталось ей от удара копытом. Волчица одна, во всяком случае, волчьей стаи я не наблюдаю. Стая от нее ушла, стае она не нужна, а в одиночку она не выживет, с такими повреждениями, да на трех лапах не поохотишься.

Волчица смотрит мне в глаза. Я взгляд не отвожу, хотя знаю, что в глаза смотреть нельзя, зверь воспринимает это как угрозу. Волчица, на фоне затрудненного дыхания издает жалобный хрипящий рык.

Я возвращаюсь к туши, потрошу ее и все внутренности руками несую к волчице и в пяти метрах от нее кладу на землю. Понимаю, что только оттягиваю ее смерть, но ничего сделать с собой не могу.

Снимаю шкуру со второй косули, потрошу, тушу разрезаю на две части посередине позвоночника и одну половину туши с потрохами оставляю под деревом, а сам с двумя шкурами, половиной и целой тушками возвращаюсь к каяку и через два с половиной часа возвращаюсь домой. Теперь у нас есть мясо.

У нас потекла размеренная жизнь. В течении месяца ребяташки продолжал тренироваться, пололи огород, плели веревки, циновки, лапти и корзинки, даже сплели что-то похожее на соломенные шляпки, обложили циновками пол и стены в землянке. Навострились прясть нитки из волокна крапивы и иван-чая.

Печка в землянке удалась, температуру держала долго, помещение внутри полностью просушилось. Рядом с кострищами, установил печь для обжига изделий из глины, поднаторел делать тарелки, миски, кувшины, горшки и прочие емкости.

Засолил первую икру форели, с восьмикилограммовой кумжи икры грамм 800 получилось. Но впрок не солю, да и не копчу, холодильника нет, а температура воздуха стабильно держится 25 градусов. Так что копчение увеличивает срок хранения максимум на двое суток только, да и икра пару тройку дней только держится. Окучил картошку.

Обработал шкуры косулей, навыки геолого-разведывательных партий при мне, неоднократно приходилось в тайге заниматься мездрением, отмыканием и дублированием шкур. Из части трофейных тканей сшил девчонкам что-то типа сарафанов, а парням рубашки и штаны.

Обследовал окружающую территорию радиусом около 10 километров. На севере в километрах пяти, начинались болотистые почвы, просто клюквенный кладезь, постепенно переходящие в полноценное болото. Противоположный берег, даже в прицел, еле просматривался. Берег покрыт покровом оранжевого мха, а вода и кочки — ржавчиной, болотного железа, да и торфа тут немерено. На западе, в метрах пятидесяти от водопада, на взгорке, образованным скальной породой с огромными валунами, обнаружил ключ, питающий ручей. Кстати, о ручье, когда мыл посуду, стирал одежду, намывался золотой песок, да и в собранной гальки для пола в землянку, попало три самородка весом около пятнадцати грамм. От золотишка конечно не отказываюсь, но целенаправленно его не намываю. В будущем займусь, скорее всего тут и золотая жила есть.

За ключом, на западе в километрах в семи, тоже болото. На востоке, в километрах десяти за Масленой, опять болото. На юге на 10–15 километров непроходимый лес, с вкраплениями небольших болотцев. С трех направления я защищен непроходимым лесом и болотными топями. Вряд ли они зимой замерзают, торфа в них много. В мой медвежий угол возможно только добраться по реке и с юга.

Разобрал меховую рухлядь — 54 шкурки соболя, 82 — куницы, 127 — белки, 70 зайца, еще восемь оленьих шкур, да и шкур косуль со счета сбрасывать не буду. Хмыкнул, зима уже не представляется такой страшной. Осмотрев пояса, нашел три кресала и две плоских медных иголки с ушками. В поясе главного людолова нащупал заначку — шесть золотых римских монет — ауреус. Одна с изображением Марка Аврелия, пять — Александра Севера. Вокруг портрета имя на латыни написано. Значит в своих расчетах не ошибся, я попал в 3 век, если точнее, то не ранее 222 года и не позднее конца тридцатых годов. Вряд ли больше, не носил бы тогда людолов столько монет умершего императора, были бы новые. В пятом классе, читая учебник историю древнего мира, несказанно удивился русскому имени императора Рима — Александр Север, правившего с 222 по 235 годы н. э. В детском доме ко всем приставалам с вопросом — «Кто такой Александр Север?», Каких только ответов не услышал: полярник, поэт, даже бандит, а я в ответ — «Римский император!» — вот и запомнил.

А вот по людоловам возник вопрос. Не похожи они на римлян и говорили не на латинском языке, да и римлянам тут взяться неоткуда. Вторая страна в это время, способная строить галеры Парфянское царство, хотя может быть уже и Персидское. Династия Аршакидов была окончательно свергнута Сасанидами в 228 году. Рабов выгодно можно продать только по ту сторону Каспийского моря, а галера способна его пересечь.

Три раза сходил на охоту на косуль, добывал по одной, свеживал и разделявал на месте. С собой забирал голову, копыта, рога, из мяса забирал шею, толстый и тонкий края спинки, костец, задние ноги, все остальное оставлял для волчицы.

7 июля, отправился в очередной раз на охоту. Подстрелил косулю килограмм на пятьдесят, оттащил в лес, снял шкуру и едва окончив потрошить, услышал вой, вернее хриплый взлай. Пошел на звук, углубляясь в лес. Через метров триста увидел волчицу, лежащую под корягой в небольшой норе, вернее яме. Лежала она в собственной уже подсохшей крови, а рядом, присосавшись к ее сиське, новорожденный волчонок максимум трех дней отроду. Волчица смотрела на меня жалобным, нет, умоляющим взглядом, лизнув

волчонка, головой отодвинула его от сиськи в мою сторону, взглянула мне в глаза с надеждой, мол вырасти, всхрипнула и отошла в иной мир.

«И что мне теперь делать?» — беру волчонка и засовываю себе за пазуху. Глазки и ушки у него закрыты, маленький беспомощный комочек, которому необходимо тепло и молоко. Материнским молоком, что собак, что волков сука вскармливает минимум месяц. Много молока ему не надо, но кормить нужно постоянно — задачка.

Оставлять волчицу так нельзя, падальщики набросятся. Прихватив шкуру и тушку косули, бегу к каяку, сбрасываю в него мясо, буру лопату и возвращаюсь к мертвой волчице. Выкопав могилу, похоронил волчицу.

Возвращаясь домой, гребу в полную силу. По пути, осеняет, есть же еще восемь банок сгущенного молока, а в аптечке пара пипеток и одноразовые шприцы. Если разбавить сгущенку водой и через пипетку кормить волчонка, может получиться его выкормить.

Дома, в стакане развел сгущенку теплой водой и пипеткой стал кормить. Получилось. Волчонок воспринял все благосклонно, не отрыгивал и опустошив четыре пипетки, заснул. В корзинки сделали волчонку логово, утеплив сухим мхом и шерстяной тканью. Ребятишки были в восторге, пытались волчонка потискать, разрешил только погладить.

— Волчонок совсем маленький, беспомощный, мама его умерла, а стая их бросила, — вещал я. — Он еще не видит и не слышит, может только из пипетки сосать молоко и много спать.

— Лучше придумайте ему имя.

— Малыш, — первой предложила Лада. — Он такой махонький.

— Он же вырастет, будет большим и сильным, — возразили хором Коля и Борис.

— Володя, ты его нашел, кормишь, ухаживаешь, — включилась, после раздумий Эвика. — Так тебе и называть.

— Зевс! — выпалил я. — Это имя носил громовержец.

Возражений не последовало и все с радостью его приняли. Наше племя приросло волком по кличке Зевс.

А на следующий день пришли волки.

Зевс спал со мной. Хотя ночью температура не опускается ниже двадцати градусов, для волчонка это холодно. Спал прижимая его к себе. Как проснулся, сразу же его покормил. А потом как обычно зарядка с ребятишками, завтрак. Волченка держу за пазухой.

Ребятишки занимаются повседневными делами, а я приступил к очередной кормежке Зевса. Волченка держу в левой руке прижав к груди, правой набираю в пипетку смесь сгущенного молока, подношу пипетку к мордочке Зевса, тот начинает сосать. В этот момент за спиной раздается тихий рык. Я сижу, руки заняты, медленно поворачиваю голову. За спиной стоит огромный волчара.

Волк стоит, смотрит. Понимаю, что что-то не так. Если волк хотел бы напасть, то давно бы прыгнул. Волчонок высосал содержимое пипетки, я, не делая резких движений, набираю в пипетку молоко, даю Зевсу, он продолжает сосать, так повторяется еще три раза. Когда Зевс насытился, я медленно кладу его на землю перед волчарой. Теперь руки у меня свободы, за спиной взведенный арбалет, но вряд ли успею выстрелить, волк близко, он быстрее. Нож на поясе, вот его выхватить успею.

Волк делает два шага к волчонку, обнюхивает его, начинает вылизывать. Я сижу, не двигаюсь. Волк, вылизав волчонка, аккуратно мордой пододвигает Зевса ко мне. Беру волчонка и засовываю его за пазуху. Волк делает шаг и начинает меня обнюхивать, а потом

облизывает мне нос и отходит в сторону. Издает громкий рык и на луг выбегает трусцой восемь волков.

Ребятишки молча сидят с выпученными глазами, Мишка заплакал. Лада прижала его к себе и держит за руку Ваньку.

Тут без вариантов, со всей стаей мне не совладать.

Волки по очереди подходят ко мне и обнюхивают. Выстраиваются за вожак. Вожак трусцой бежит в сторону ребятишек.

— Не бойтесь, они пришли с нами знакомиться, — тихо, чтобы никого не напугать, говорю детям. — У нас их брат и теперь мы с ними одной крови.

Вожак перед детьми переходит на шаг, всех обнюхивает, а плачущего Мишку, лижет в щеку. Вся стая повторяет действия вожака, только Мишку не облизывают. Стая спускается с утеса и перепрыгивая через ручей, скрывается в лесу. Вожак, чуть задержавшись, посмотрел на меня, как мне показалось с прищуром, и тоже скрылся в лесу.

— Эти волки теперь наши друзья, — успокаиваю ребятишек.

— А волки к нам еще придут, — с волнением в голосе спрашивает Лада. — Очень страшно было.

— Не бойтесь, волки нас пугать не будут, пока с нами Зевс, боятся нам нечего.

Ребятишки успокоились, даже стали воспринимать произошедшее, как приключение.

Стая состояла из вожака, волчицы и их детей. Получается, что стая не бросила волчицу, а волчица, сама ушла, не хотела быть обузой и понимала, что она не жилец. И тут появился я, стал ее подкармливать. А когда волчица родила, и самой волчице, и вожаку отцу, да и всей стае было понятно, что волчонку без матери не выжить. Вот и решили отдать детеныша человеку. А сегодня приходили показать, что они знают где мы живем и живы мы до тех пор, пока жив волчонок. Каждая стая волков знает, что происходит на их территории в радиусе пятидесяти километров от логова. А раньше нас не трогали, потому что мы им не мешали, ловил же я рыбу, да отстреливал уток. А сейчас ситуация изменилась, я допущен на охоту на косуль.

Все пошло своим чередом. Тренировались. Следили за огородом. Старшие научились с помощью лука, используя трение, добывать огонь.

В лесу созрели черника, голубика, клюква, брусника, земляника, ежевика, дикая смородина и крыжовник. Ребятня в лукошки собирала ягоды, за клюквой и брусникой ходили вместе со мной, пока они собирали, я копал болотное железо. По началу ягоды ели живьем, а когда насытились, стал сушить. На сушение отправились также и первые грибы, собирали только белые, подосиновики и подберезовики. Найдутся лисички и грузди, засолю.

Продолжил гончарные изыскания. Сделал деревянный гончарный круг самым примитивным образом — маховик, гончарный круг и ось их соединяющая, установил на деревянную раму. В качестве втулки — деревянная чурка, в небольшое углубление которой вертикально становится продольная ось. Для уменьшения трения, пока использую жир. С каждым днем качество глиняных изделий улучшается, даже бутылки научился делать.

Из четырех оленьих шкур всем сшил жилетки, в качестве утеплителя использовал пух от рогаза. На осень в самый раз будет. А после сбора урожая займусь зимними шубами.

Озаботился запасами на зиму. Вспомнил о пеммикане, которым в длительных переходах питались индейцы, о чем в своих книгах писал Фенимор Купер. Мясо косули мелко нарезаю ножом, высушиваю и пропускаю через жернова до порошка. Сушеные чернику и клюкву измельчаю, жир косули перетапливаю и смешиваю в пропорции четыре части мяса, две части ягод и одна часть жира, добавляю соли. Всю массу выкладываю на глиняный противень и в коптильню на четыре дня. Получился весьма калорийный и питательный продукт, не сравнить с солониной, со сроком хранения вплоть до года без всякого холодильника. На противне получилось два килограмма пеммикана. Девчонкам дал задание сплести из соломы пакеты для упаковки. Килограмм сто точно надо сделать, для ускорения изготовил еще три противня.

Еще занялся бондарством. Деревя вокруг полно, в том числе и дубов, так почему не начать делать бочки и прочую бондарскую тару. Подыскал упавший тридцатиметровый ствол дуба диаметром 30 сантиметров, распилил его на чурбаки длиной около 70 сантиметров, старался чтобы чурбаки были без сучков, получилось их 9 штук, топором расколол на восемь частей каждый. Получилось 72 заготовки для клепок. Клепки обтесал, убрал сердцевину, получились шириной сантиметра три. Вырезал пазы для дна и крышки. Дно сделал из тех же клепок, обтесав до окружности. Используя обручи, сплетенные из рогаза, собрал бочонок, сделал дырку для пробки и затянул обручами. На удивление получилось.

Дубовые бочонки есть, есть ячмень, есть из чего сделать самогонный аппарат, так почему бы не замахнуться на шотландские виски. С ячменным солодом проблем не возникло, как и с самогонным аппаратом. На выходе получил две пятилитровых бочки самогона, отстаиваться которому в бочках как минимум 6 месяцев. Если получится, буду гнать для возможной торговли в будущем.

К гончарным, столярным, бондарным, кузнечным работам ребятешек пока не допускаю, маленькие, пусть глазами смотрят.

Остались неразрешенными вопросы по кузнице, простому ткацкому станку, а также на мне еще изготовление обуви и шуб. Но все это после сбора урожая.

За месяц Зевс окреп, набрал вес, лапы толстые, голова в пропорции к телу огромная. На третьей недели стал его подкармливать вареным мясом, которое я пережевывал, а потом чуть ли не рот в рот его кормил. На молочное вскармливание ушло семь банок сгущенки. Оставшиеся одна банка отправлена в неприкосновенный запас, к сахару, тушенке, консервированным овощам, гречке и пшену.

Огород порадовал. 7 августа приступили к уборке урожая. Картошка выкопал 350 килограмм, ячменя собрал под тонну, репчатого лука — 90 луковиц и чеснока 50 головок, по тридцать еще оставил расти дальше на семена. Помидоры, огурцы, редиска, перец уродились на славу. Перец как оказалось двух видов — сладкий «болгарский» и острый. Половину оставил дозревать на семена. Часть огурцов засолил в двух пятилитровых бочонках. Из части помидор, сладкого и острого перца приготовил томатную пасту и аджику. Кукуруза и подсолнухи вымахали под два с лишним метра, но все пойдут на семена, как и лен-долгунец, для льна еще года два нужно, чтобы из волокна начать ткань ткать.

Пшеница, рож, овес — просто фантастика. Семян при посадке было с гулькин нос, вот я и сажал их через полметра. Все, которое взошли, стали куститься. В результате с одного зерна выросло свыше пятидесяти зерен. Собрал 3 килограмма пшеницы, 2 — ржи, 3 — овса. Новсе на следующий год на посадку. Ну и вишенка на торте — взошли четыре косточки лимона. Зиму в открытом грунте они вряд ли переживут, придётся создавать тепличные условия.

Ребятишки также собрали семена дико растущего клевера и конопли. Клевер по весне буду засеивать вокруг огорода, да и на будущее, чем его больше на лугу будет, тем меньше сорняков будет, да и сидерат он хороший, а еще и медонос. А из волокна конопли канаты и веревки плести будем.

Показал ребятишкам, что из глины можно лепить не только кирпичи с горшками, кувшинами да тарелками, но и всяких зверушек. Что тут началось, лепили все и всех — зайцев, волков, белок, уток, олений и прочую живность. Вот и появились игрушки. Вскоре к лепки все охладели, играли тем что раньше слепили, а вот Борис пристрастился и с каждым разом у него животные получались лучше и лучше. Да и замечать я стал, что Борис к гончарному кругу приохотился. Подойдет, покрутит его, глину положит, пытается формировать изделие, но не получается. Однако не сдаётся, начинает вновь формировать.

— Боря, хочешь научу гончарному ремеслу.

— Хочу, — смотря мне в глаза, стараясь быть серьезным, отвечает.

Начали заниматься. Борису неудобно, сидя ногой крутит маховик, но руками до центра круга не достает. Пытается стоя, но так маховик рыскает, да и медленно крутится. Помогаю крутить, формирование идет хорошо, ладнее, чем у меня получается. Долго помогать не могу, зову на помощь Ивана, который активно включается в производственный процесс верчения маховика. После сбора урожая, интерес у Бориса не пропал, а его изделия — стаканы, миски, горшочки получались все ладнее и ладнее.

Выкроил время и сделал гончарный круг под рост Бориса. И вот после очередной тренировки зову Бориса.

— Боря, пойдём, что-то покажу, — подхожу с ним к гончарной мастерской.

Борис, увидев маленький гончарный круг, смотрит то на него, то на меня, округлившимися глазами, которые аж светятся от восторга.

— Теперь ты у нас главный гончар, принимайся за дело.

Не успел я договорить, как Борис уселся за круг, закрутил ногой маховик, радостно

взвизгнул и принялся за работу.

«Парень пропал», — усмехнулся про себя и пошел дальше вершить великие дела.

Взялся за простенький ткацкий станок. В общем ни чего сложного. Деревянная горизонтальная рама, на которую натягиваются нечетные нити основы, вертикальная рама, через которые пропускаются четные нити основы. Кронштейн с веревкой, с крепление ее к вертикальной рамке, с последующем выходам к педалям. Нажимаешь на педаль рама идет вниз, в образовавшийся просвет между нитями пропускается челнок с уточной ниткой, нажимаешь на другую педаль — рама вверх. Для уплотнения бердами делаю передвижную рамку.

Ой, девчонки чуть не передрались, пришлось устраивать очередность. Один день одна ткёт, а вторая из волокна рогоза нитки прядёт, на следующий день наоборот. Быстро научились. Пока ткачество пришлось притормозить, ниток не так много, на всю зиму запаса не хватит, так что отправил их прядь. А себе наметил еще сделать к зиме еще один станок. В землянке для двух станков места хватит.

Исподволь выкопал будущий ледник. Сложил в кузнице горн, из огнеупорных кирпичей, думаю температуру до 1500 градусов выдавать будет.

К 15 сентября практически все приготовления к зиме закончили. Занялся шитьем полушубков и изготовлением сапог. Определился по меху, девчонкам из соболя, старшим парням из белки, младшим из зайца, а мне из куницы. На ноги всем шью унты.

Кузница получилась добротной. Пока выплавляю кричное железо. Первое что выковал, были клещи, а затем заготовки для молота и кувалды. Когда инструменты были готовы стал повышать в железе содержания углерода. Многократной проковкой крицы в горячем состоянии выжимал шлак и получил сварочное, ковкое железо. Сварочное железо поместил в горн и засыпал древесным углем, при нагреве углерод проникал в железо. Быстро его охлаждал в бочке с водой и отбивал уже стальные пластины. Таким образом получил углеродистую сталь, да не просто углеродистую, а нижнюю границу высокоуглеродистой стали.

С огорода собрал вызревший семенной фонд и закончил полевые работы осенней вспашкой.

15 апреля пятого года попаданства.

За прошедшие пять лет, обзавелись основательным хозяйством. Построили деревенское подворье. Дом пятистенок с сенями и русской печкой, колодец, три амбара и на всякий случай хлев, конюшню, овчарню, птичник и другие хозяйственные постройки, которые располагались по его периметру, а также у ручья баню. Производственные мастерские обосновались отдельно, кузница, гончарная мастерская, столярная и бондаря вместе, смолокурня, дегтярная, переработка известняка, кожевенная, спиртоперегонная.

За второй год попаданства поставил лесопилку с приводом от водяного колеса. Путем сухой перегонки дерева получил деготь, смолу, скипидар, древесный спирт, канифоль, уксусную кислоту, из которой изготовил столовый уксус. Из известняка изготовил негашеную — оксид кальция, а из нее и гашеную известь — щелочь, гидроксид натрия, и научился варить стекло из кварцевого песка с добавками извести, правда толстоватое получалось с немного зеленоватым оттенком, наличием вкраплений воздушных пузырьков и небольшим размером с лист А4. Выдувал стеклянную колбу плафона для керосиновых ламп. Из древесной золы получил чернила и поташ, а из него мыло. Из опилок, поташа с

добавлением картофельного крахмала варили бумагу. Сделав пресс, получил первое подсолнечное, льняное и конопляное масло. После изготовления кузнечных инструментов, вначале выковал лопаты, тяпки, грабли, серпы и косы литовки и другой сельскохозяйственный инвентарь, а дальше гвозди, скобы, пилы, топоры, выплавлял по формам различные шестеренки, валы, решетки и прочие детали для лесопилки, печек, кухонного инвентаря, в том числе смастерил мясорубку, а также ковал оружие и доспехи.

Две зимы прожили в землянке, а на третью уже переселились в сруб пятистенок с русской печкой и стеклянными окнами. Землянку переоборудовал еще под один ледник, теперь запасы можно хранить хоть на триста человек. Огород разросся до двух гектаров. Собирал с диких трав семена, в том числе щавель, ревень, хрен, а еще коноплю посадил — будут веревки и канаты. Стали выпекать хлеб, пекли блины, чипсы картофельные готовили во фритюре, изготавливали томатную пасту, лечо, аджику. Помимо шотландских виски, стал гнать самогонку из пшеницы и бурбон из кукурузы, из ржи делали квас, что виски, что самогонка, с тройной перегонкой, получились на славу — будет у меня на экспорт рашен водка, да еще и настаивал на рябине, клюкве, бруснике, смородине. Соорудили пасеку из десяти пчелиных ульев, дают по десять килограмм меда, что дает возможность из жмыха семечек подсолнуха, тертого фундука и меда радовать ребят халвой, а также и кукурузными хлопьями с медом. Практически весь луг покрылся ковром клевера. После постройки дома, заложил судно типа шлюпа. Две недели назад, как прошел ледоход, спустили шлюп на воду, доделывал только такелаж. Шлюп построил компактным, ближе к куттеру с водоизмещением около 29–30 тонн, длиной 15 метров, шириной 4,2 метра, под бермудский парус с высотой грот мачты в 25 метров.

За пять лет детвора превратилась в настоящих пластунов. Все свои знания и умения стремился передать ребятам. Развивал в них ловкость, меткость, умение скрытного перемещения, преодоление препятствий, плавание. Все научились фехтовать на саблях, метать ножи и сулицы, из лука с метров пятидесяти, добывали белок. При стрельбе навесом Николай и Борис пускают стрелы до двухсот метров, остальные на сто пятьдесят. На каяк поставил мачту, все хором сшили паруса, и научились ходить под парусом. Преподавал русский язык, математику, геометрию, физику, химию, природоведение, зоологию, геологию, астрономию. Учил выживанию, основам медицины.

Эвика и Лада взяли на себя все домашнее хозяйство, следили за домом и огородом, готовили, солили и мариновали, пряли, ткали, вязали и всех обшивали. Для удобства подсчетов и ведения учета сделал счеты, так что ребята могут оперировать цифрами вплоть до миллиона.

Борис творил за гончарным кругом, комбинировал с составом, пропорциями и цветом глины, экспериментировал с температурой обжига. Керамической посудой — кувшинами, мисками, горшками, плошками, стаканами, бутылками были обеспечены с запасом. В бутылки разливал эксклюзив — крепкую спиртную продукцию и подсолнечное масло.

Николай бондарил и столярничал. Из его умелых рук выходили бочки, бочонки, кадки, ведра, подойники, ушаты, жбаны, кружки, стаканы, да и лохань с шайками для бани, его рук дело. Из столярки — рамы, двери, паркетную доску, предметы мебели от табуреток до шкафов, а также шкатулки, ложки, разделочные доски, скалки и прочую хозяйственную и кухонную утварь, даже штопор сделал. Смастерил тачки и тележки, которые используем для перевозки различных грузов: болотной руды, глины, кирпичей, угля, дров и других, вплоть до выращенного урожая.

Иван — наш химик, переработка древесины, известняка, нефти на нем — деготь, смола, метанол, скипидар, канифоль, уксус, стекло, чернила, мыло, бумага. Из льняного масла, живицы и скипидара делает защитный водостойкий лак. Выход нефти на поверхность обнаружил три года назад за горой Масленой. Много нефти не надо, только для перегонки в бензин и керосин. Керосин для ламп и керосинки, а бензин хорошо горит, используем для коктейлей Молотова и зажигалок.

Михаил — рыбачит и охотится на уток. Помимо ловли спиннингом, выкапывает ямы метр на метр и глубиной пятьдесят сантиметров в полуметре от кромки воды. До уреза воды прокапывает узкий канал, глубиной сантиметров шесть. Яма заполняется водой. Бросает в яму немного прикормки и через пару часов в яме улов из подлещиков, плотвы, красноперок. Рыбу сушит и коптит. В леднике у него отдельное место хранения икры, филе красной рыбы, холодного и горячего копчения осетровых. Также делает копченую колбасу.

А вот Зевс нас покинул. Как только я стал подкармливать его сырым мясом, пришел вожак. Подойдя ко мне, облизал мне руки, обнюхал волчонка, дал себя обнюхать, потом его облизал, рыкнул и волчонок потрусил за папашей.

На мне кузница, выделка кожи, лесопилка. Больше всего времени занят в кузнице. Сложнее всего было выковать семь сабель и смастерил 10 арбалетов, метательные ножи попроще, как и чешуйки для ламеллярных доспехов, а наконечники для стрел, сулиц, копий, ши на ура — штамповка. На будущее изготовил сельскохозяйственные орудия для обработки земли, требующих тяговых усилий — пару плугов с двумя ножами каждый, бороны, орудия труда: лопаты, тяпки, грабли, вилы, косы, серпы и много всего по мелочи. Смастерил две улучшенные прялки и два ткацких станка, с ножными педальными металлическими приводами. Наладил изготовление керосиновых ламп с кремнем на храповом механизме, разных конструкций, от домашних, уличных и штормовых.

Создал палату «мер и весов». Конечно палата не копия эталонов из моей прежней жизни, но стандартизация мне нужна. Благодаря наличию в швейцарском ноже пятисантиметровой линейки, вопрос с метром и миллиметром племени Руссов решился быстро. Сначала эталон метра сделал деревянным, позднее выковал металлический. С килограммами и граммами и их точностью сложнее. Поначалу смастерил два типа весов, самые простые равноплечие по типу коромысла и ручной безмен. Принимаю за константу, что один литр воды равен одному килограмму веса. У меня есть пластиковая пятилитровая бутылка для воды. Сколько весит пустая бутылка не знаю, по ощущениям в районе семидесяти — ста грамм. Есть упаковки с крупой по 1 кг в неприкосновенном запасе. Ну тут вопрос еще тот, написано 1 кг, а на деле будет 950, а то и 900 грамм. Тоже самое и с банками тушенки. Есть водочные бутылки, но сколько весит пустая бутылка, точно не помню, то ли 400, то ли 500 грамм. Есть еще набор блесен и воблеров, их вес точно указан, но слишком мелкий от 2.2 до 25 грамм, эти веса использую в будущем. Так что за основу беру граненые стаканы. Как геолог, работающий в поле, в том числе и в одиночку, где все приходилось таскать на себе, точно знаю вес граненого стакана — 230 грамм. Положив в него блесну весом 20 грамм, получил 250 грамм. А дальше неделю выплавлял, ковал, формировал и стачивал гири под эталонный вес стакана, определяемый равновесием равноплечными весами. Изготовил четыре 250-ти граммовых гири, две — 500 граммовых, четыре килограммовых, две двухкилограммовых, шесть пятикилограммовых и пять десятикилограммовых гири.

Ручной безмен довольно приблизительный измерительный прибор, поэтому риски наношу по равновесию с одной упаковкой крупы принимая ее вес за 1 кг, следующую по

равновесию уже двух упаковок, потом трех и так довожу до десяти килограмм. Стационарный безмен уже с движущейся гирями для веса до ста килограмм смастерил лишь на пятом году попаданства.

За четыре года без фанатизма намыл восемь килограмм золота. Сначала решил сделать монеты по образцу ауреусов с портретом императора Александра Севера, но передумал. У меня было пять монет по 10 рублей, 2 монеты по 5 рублей, 3 монеты по 2 рубля, две монеты по 1 рублю, одна -10 копеек и три по 1 копейки. Среди десятирублевых монет, одна была юбилейной с изображением на аверсе герба Пермского края. Я и решил лить свою монету. Сделал формы, использовав аверс с гербом России с обычной десятирублевки и в качестве реверса герб Пермского края. В формах убрал год выпуска и надписи, оставил только на аверсе Банк России. Сделав формы, расплавил золото и отштамповал монеты, тратя один час в день, за год получилось 953 золотых монет по восемь грамм каждая, диаметром 2,2 сантиметра.

Дети уже видели римские ауреусы, и что на них можно купить нужные нам вещи у других племен, они знали. После осмотра первых монет, посыпался град вопросов.

— Что значит надпись Банк России? — как всегда первой задает вопрос Эвика.

— Россия — это название нашего племени и окружающая нас территория, а банк, это дом, в котором будут храниться монеты.

— Зачем нарисовал орла с двумя головами, таких не бывает — это уже Борис.

— Орёл — царь птиц, он олицетворяет власть, силу, великодушие, благородство. А две головы символизирует, что мы видим всё и никому свою территорию не отдадим.

— А почему с другой стороны медведь с короной? — Михаил конечно мимо медведя пройти не может.

— Медведь самый сильный зверь и мы будем самыми сильными. Ведь будем?

— Да — восторженно, с горящими глазами, горделиво вытянувшись, хором отвечает мое племя.

Из остатков золота Эвике и Ладе сделал по ожерелью с золотыми круглыми подвесками.

За пять лет лес в радиусе трех километров практически очистили от бурелома, пней и валежника. Древесины потребляем и перерабатываем много, плюс сделал большой запас на два подворья хватит. На освободившихся от леса территориях сеял горох и фасоль, использую их в качестве сидератов, зеленую массу которых скашиваю и оставляю на земле. После чего засаживаю выкопанными кустами смородины, малины, крыжовника и орешником — лещиной. Четыре лимона растут в кадках и зимуют в доме, но пока не плодоносят.

Нашел много, вплоть до выхода на поверхность, полезных ископаемых, каменного угля, железной, медной, марганцевой, свинцово-цинковой, полиметаллической руды, галенит, железный и серный колчедан, да и сама сера в самородном состоянии попадает. С учетом, что в пещерах горы Масленой, облюбованных летучими мышами, обнаружил гигантское количество селитры, скапливающейся там веками, можно подумать о порохе. Правда пушки лить не получится, так что мечты о порохе откладываю в дальний ящик, а вот селитру как удобрение, использую. А еще из селитры и серного колчедана получил серную кислоту, а из нее и азотную, что дает огромные возможности, но тоже в будущем. Можно изготовить нитрат серебра и использовать его как напыление светоотражающей поверхности стекла и будет зеркало. Только залежей серебра тут нет. Можно и из нитрата золота, но это явно

дороже, хотя понятие дороже в моей ситуации попаданства, еще тот вопрос. Ну, а вишенка на торте — изыскал более десятка золотых жил.

За десять дней я с парнями вскопали и засеяли три гектара огорода. Настало боле менее свободное время. Пора испытать шлюп, да и заодно и поохотится на косуль.

На испытание судна отправились все. Хотя и шли против течения и курсом в бейдевинд и ветер был не больше 4 м/с, шли со скоростью около 5 узлов, что было побыстрее каяка на веслах. Река не море и не озеро, приходилось часто совершать повороты, курс ветра менялся на галфвинд, возвращался в бейдевинд и даже один раз был встречным, так что пришлось лавировать. Ребята держались уверенно, хождение под парусом на каяке не прошло даром. Через полтора часа подошли к обычному месту высадки. Шлюп поставили на якорь в двух метрах от берега и по сходням сошли на берег.

Отрабатывали разведку чужой территории. Ребята, разбившись по двойкам, прикрывая друг друга, продвигались вперед. Через три километра лес стал редеть. Взобрался на дерево для визуального наблюдения. Увиденное мне не понравилось. В двух километрах на юге шел бой. И не просто бой, а небольшое сражение.

Обороняющиеся, около полутора сотен мужчин, женщин и детей, находились в вагенбурге, внутри образованного двадцатью повозками круга. Практически все отстреливались из луков, от окруживших их около двухсот всадников, которые непрерывно скача по кругу, из луков обстреливали обороняющихся. В перестрелке из луков, перевес был на стороне засевших в вагенбурге. В сражении наступала тупиковая ситуация. Хотя нападавших было больше, но они не могли прорваться во внутрь укрепления и при этом несли потери. У обороняющихся положение было лучше, но стрелы и среди них находили свои жертвы.

Спустившись, дал племени знаками команду взобраться на деревья. А когда сам вернулся на наблюдательный пункт, то ситуация в сражении изменилась. Обороняющиеся предприняли вылазку. Волы раздвинули две повозки и в образовавшийся проем с места в галоп помчались чуть больше тридцати конников, вооруженных длинными копьями. Вылазка оказалась неожиданной для нападавших. Строй тяжелой конницы ворвалась в нападавших, сметая все на своем пути. Атака оказалась убийственной. Мгновенно нападавшие потеряли убитыми 50–60 человек. Даже если кто был ранен или просто упал с коня, шансов выжить под копытами равны нулю.

После удачного таранного удара, защитники не отошли за укрытие, и вылазка переросла в собачью свалку. И тут сказалось численное преимущество нападавших, при этом лучники, находящие в вагенбурге, не стреляли, боясь попасть в своих.

Оставшиеся от вылазки защитников два всадника пытаются отступить, вернуться в укрытие, но буквально в пяти метрах от ворот, их стрелами сбивают с лошадей. И тут защитники, вместо того, чтобы закрыть проход, пытаются помочь своим воинам, несколько женщин бросились к раненым.

Несмотря, что нападавших осталось менее двадцать, они на хвосте убегающих, врываются во внутрь укрепления и начинается безжалостная резня. Раненых, стариков, детей, способных носить оружие, а также младенцев убивают, женщин насилуют и затем убивают. Забирают только 13 детишек в возрасте 3–4 лет, которые могут идти самостоятельно. Связывают их между собой в цепочку, перекидывая веревку им через голову и отправляют метров на пятьсот в сторону от лагеря. А дальше начинается сбор трофеев,

которые укладываются в пять кибиток.

Победа далась дорогой ценой. У нападавших погибло около двухсот воинов. Осталось семнадцать и то среди них есть легко раненные. А трофеев не так и много, всего две лошади, одиннадцать из сорока волов и отара овец из тридцати голов, которой повезло не попасть под раздачу, поскольку их перед боем отправили пастись на свободе. Есть еще оружие, доспехи, утварь, одежда, да клеть с курами.

Трое степняков, исходя из их вытянутого черепа, скорее всего гуннов, остались в лагере сарматов, в это время только у них был таранный удар и кибитки на колесах, освежевать туши волов. Идентифицирую их как гуннов и сарматов, исходя из советского довоенного учебника истории за 5 класс. В довоенное время история и археология в стране в почете были. Могильников вскрыли немерено, даже до могилы Тамерлана добрались. Десять человек переносили тела соплеменников в овраг, двое охраняли оставшийся табун в головах в сто, пасущийся в стороне, с отарой овец и волами. Еще один охранял полоненных детей и обустроивал лагерь, поставил три шатра, там же был и их вождь, видимо сильно пораненный, так как в шатер его переносили на руках.

Собрал племя на небольшой полянке и только хотел дать команду на отход домой...

— Володя... — дергает меня за рукав Лада. — Мы должны освободить детей!

Оборачиваюсь, все племя смотрит на меня, глаз не отводят, во взоре уверенность и решимость.

— Их семнадцать человек, все опытные воины. Если мы и сможем незаметно подобраться к трем гуннам, занимающимися тушами волов и их убьем, то остальные нас просто из луков расстреляют.

— Так надо ночью напасть, когда они спать будут, — возражает Эвика. Остальные в поддержку утвердительно кивают головами.

С сомнением качаю головой. Однако, молодежь неистово отстаивает необходимость ночного нападения и освобождения детей.

После оценки всех за и против, согласился с их доводами. Гунны после боя устали, идет откат адреналина, да еще до ночи будут перетаскивать трупы и хоронить, со свеживанием волов тоже быстро не получится. Да и попопнее в племя необходимо.

— Хорошо. Ночью нападаем. А сейчас перекусываем и отдыхаем.

Перекусили пеммиканом, парням приказал до ночи спать, на дежурство поставил девчонок. Сам тоже прилег, долго ворочался, но все же заснул.

Проснулся сумерках в девять вечера. Девчонок отправил спать. Гунны только закончили переносить трупы в овраг и пытались засыпать братскую могилу. Получалось плохо, мечами рыхлили землю и руками прикапывали. Троица освежевала только половину волов. Через час, когда уже совсем стемнело, гунны направились в лагерь, поели и еще через час лагерь погрузился в сон.

В три часа ночи с подветренной стороны подкрался к двум охранникам табуна. Оба спали, без шума перерезал каждому горло. В сердце не бил, так как на них могла быть кольчуга, а убивать нужно тихо.

Вернувшись, всех распределил по секторам обстрела, а с Борисом и Николаем пополз к лагерю гуннов. Небо на востоке посветлело, скоро восход. Сторож и тут спал. Коля снял часового, перерезав тому горло. Осторожно прокрались к первому шатру, я проник во внутрь, ребята страхуют снаружи. В шатре кромешная темнота. Справа слышу сопение, аккуратно перемещаюсь на звук, на ощупь зажимаю рот левой рукой, а правой перерезаю

горло, смерть мгновенная. Постепенно глаза привыкают к темноте, начинаю различать силуэты спящих. Еще в шатре шесть человек. Вырезаю поочередно всех. Никто даже стона не издал. Повезло.

Осталось семь гуннов в двух палатках. Чтобы не испытывать везение на прочность, даю команду Эвике и Ладе взять на прицел шатер вождя, остальные берут на прицел другой шатер. Полог в шатер зажат камнем. Поджигаю фитиль коктейля Молотова и бросаю бутылку в камень. Через секунду бутылка разбивается и шатер охватывает пламя. Из шатра выскакивает гунн, в голову которому стреляю из арбалета, гунн заваливается во внутрь шатра.

В это время из второго шатра выскакивает вождь, криком подает команды. Лада стреляет, болт арбалета пробивает челюсть, и вождь замолкает на всегда. Иван в горящий шатер бросает еще один коктейль, который также разбивается о камень. Находящиеся внутри, опрокидывают шатер на землю, двое оказываются снаружи, и их находят болты Бориса и Михаила. Остальные оказываются под горящим шатром. По крикам, там два человека. Еще где-то есть один. Перезаряжаю арбалет, команду:

— Всем лежать — и перекатываюсь в сторону.

Из шатра вождя вылетает стрела и врезается в землю, где я только что лежал. Эвика и я одновременно стреляем, из шатра раздается вскрик, а потом вой.

— Всем перезарядиться — отдаю команду.

Бросаю камень в боковину шатра, раздается звук отпущенной тетивы, заскакиваю в шатер. Передо мной гунн, у которого один болт в ключице, а второй торчит из причинного места. Гунн пытается из колчана достать стрелу, я колющем ударом меча насквозь протыкаю ему горло.

Выскакиваю из шатра, второй шатер продолжает гореть, но крики из-под него прекратились. Вдвоем с Борисом оттаскиваем тлеющий шатер, один гунн мертв, задохнулся угарным газом, второй еще подает признаки жизни, его добивает Иван выстрелом из арбалета.

Освобождать детей. Успеваем вовремя, двое чуть не задохнулись от намотанных на шею веревок. Отпаиваем водой. Волосы у детей рыжие, глаза светло серые, видно, что они из одного племени. Детишки, очухавшись, бегут к лагерю сарматов. Бросаются к своим матерям, где по одному, а где и по два, плачут, тянутся к ним ручками, но вскоре понимают, что родители умерли. Среди детей по две пары братьев, одна пара сестер и еще брат с сестрой, остальные одиночки. Шесть мальчиков и семь девочек.

Сто пятьдесят погибших сарматов нам не похоронить, ни сил не хватит, ни времени. Принимаю решение из пятнадцати кибиток сложить три погребальных костра. Поставили в ряд по пять повозок, на которые положили по пятьдесят трупов. Обложили еще собранным валежником. Облили бензином и подожгли погребальные костры.

Дождаться прогорания костров не стали, время поджигает, пора возвращаться домой.

Дома есть конюшня на восемь лошадей, коровник на восемь коров, овчарня, козлятник, свинарник курятник, птичник.

В трюме шлюпа оборудовано шесть мест для лошадей или крупного скота. Придется делать на шлюпе две ходки.

Запрягли в оставшиеся пять кибиток по паре волов, благо добыча уже гуннами в них погружена, посадили детей и наш караван отправился к шлюпу. Из тридцати овец, отобрал пятнадцать и взял еще одного барана. Остальных отправил пастись в направлении юго-

запада. В табуне отобрал шесть кобыл двухлеток и двух оставшихся сарматских коней. Табун же отогнал километров на семь на юго-восток, потом вернулся к шлюпу. Как раз и мое племя добралось.

В каюте разместил детишек, а в стойла двух коней и четырех кобыл. Загрузил двадцать две шкуры волов, две разделанные туши, клеть с шестью курами. На берегу оставил Николая и Бориса охранять двух кобыл, четырех волов, отару и остальную добычу, а также отогнать остающихся волов с пустыми кибитками на запад и попытаться замаскировать наш проход по лесу.

Полным курсом бакштаг, добрались меньше чем за час. Девчонкам поручил заботу о малышах, на парнях животина и замачивание шкур. Сам же развернув шлюп, пошел за второй партией.

Николай с Борисом более-менее замаскировали следы. Получалось, что волы с кибитками подошли к лесу и повернули на запад. Надеюсь в течении недели люди здесь не появится, а потом все зарастет, пройдут дожди и следов нашего прохода по лесу даже следопыт не найдет. Загрузившись, дошли до дома без приключений.

Среди трофеев было много бытовых изделий из серебра, женских украшений, одежда из холстины, хлопка, войлока и кожи, отрезы хлопковой тканей, выделенная кожа быков и овчины, бытовая утварь из глины, меди и немного бронзы. Различные сельскохозяйственные орудия, в основном из меди, железные тоже присутствуют, но в меньшем размере. Шесть ручных мельниц. 27 золотых ауреусов с портретом императора Александра Севера, мешочек с серебряными монетами около двух килограмм весом. Пятьдесят шесть амфор, литров по тридцать, с виноградным вином, запасы зерен пшеницы и ячменя, индийская фасоль. Семена трав, по запаху определил, как укроп, базилик, горчица, петрушка и люцерна. Различные саженцы яблук, вишни, сливы, винограда. Похоже племя сарматов основательно подошли к переселению.

Много оружия как сарматов, так и гуннов, мечи — есть из бронзы и железа, луки, в том числе составные, копья и стрелы с железными, медными, костяными наконечниками, арканы, доспехи — стеганные войлочные, кожаные, медные, ламинарные, кольчуги, шлемы медные по типу римских, а также железные пластинчатые, различные наручи и поножи. Конная упряжь, потники, седла и среди них 34 сарматских седла с веревочными стременами.

Вооружения и доспехов на триста-четыреста воинов и стыдно за их экипировку не будет. Только где взять столько солдат. Гуннам надо по большому счету спасибо сказать, если бы сарматы спокойно прошли, то вышли бы на наш дом. И не было бы нашего племени.

Хотя это первая ласточка. Боевые племена сарматов давно ушли за Днепр к Дунаю. Там воюют то против Рима, то за Рим. Вторая, меньшая часть сарматов, которая тяготела к оседлой жизни, вытесняемые готами и гуннами, медленно мигрируют вверх по Волге.

Надо ускоряться со становлением племени, да и строить крепостицу. Только на одни стены, более двухсот тысяч кирпичей понадобится. С материалами проблем нет, а вот времени маловато. В первоочередном же плане строительство дополнительного жилья, а лучше сразу усадьбы.

Знакомлюсь с новыми членами племени, они уже отмылись в бане и пообедали. Все знают свои имена. Первая пара братьев, старшего зовут:

— Лепо, — поправляется с небольшой заминкой, — Липоксай, — и указывая на младшего брата и на солнце — Колоксай... Коло.

Понято и без перевода — старший красивый, младший солнечный.

Вторую пару братьев зовут — старшего Гнур, младшего Атей. Сестра с младшим братом Дана и Нап, еще одного четырех летнего мальчика зовут Савлий. Двух сестер — старшую Опис, младшую Ора, четырех летних девочек зовут Сенамотис и Томирас, трехлетние — Талестрис и Амага.

Предлагаю девочкам забрать ожерелья своих матерей. Все поднимают и вешают на шею ожерелья. Только между сестрами происходит заминка, они спорят, но старшая Опис одевает материнское ожерелье на шею Оре. Савлий недолго думая, берет ожерелье своей матери и отдает Опис, то же делают и две пары братьев, теперь у Опис три ожерелья погибших матерей.

Старшие четырех летние дети хорошо говорят на своем языке. Поэтому ставлю племени задачу:

— Новенькие учат русский язык, а старожилы и я постигаем сарматский — знание языков еще никому не вредил.

После того, как все разместились на ночлег, задумался над ближайшими планами.

Состав племени увеличился на тринадцать человек. Запасов продовольствия у нас хватает, излишков много, однако посевные площади нужно увеличить. Завтра надо распахать еще пять гектаров, благо волы есть, засеять пшеницей, ячменем, овощами с картошкой, фасолью, горохом, да и новыми семенами, а также люцерной, теперь запасы на зиму и для скота нужны. На просеке, за смородинно-малинным садом, посадить саженцы. Поставить загоны для выгона лошадей, волов и овец, а то они весь луг затопчут. А еще опять соль на исходе, так что нужно плыть. С молоком надо тоже решать, прикупить коров и коз нужно. Да и для продажи у нас эксклюзивный товар есть. Трофейные изделия из серебра думаю в монеты переплавить. Своя серебряная монета тоже нужна.

Утром, после зарядки и завтрака, запряг двух волов в плуг, а вторую в борону. В помощники взял братьев Лепо и Коло. Остальные пацаны и часть девочек занимаются на конюшне и в овчарне, вторая часть помогает Эвике и Ладе. После обеда со мной Гнур и Атей, остальные также меняются. Вспахал и заборонил за день. На следующий день посадил саженцы и начал делать загоны для лошадей и овец. А остальное племя засеяло вспаханное поле. На лугу в разнорядной засеяли небольшие участки семенами люцерны, разбавив клевер, получится хороший выпас для скота, да и сенокоса.

Не смог удержаться, выбрал коня с нравом покруче, угостил его горбушкой с солью, как, впрочем, и других лошадей, оседлал и по-молодецки вскочил в седло. Сначала рысью, а потом галопом скакал по лугу. Лихая скачка доставила огромное удовольствие.

Сарматские дети к лошадям приучены с раннего детства, судя по чуть кривоватым ногам, на лошадь они садились раньше, чем научились ходить. Старым членам племени пришлось рассказывать и показывать, как ухаживать за лошадьми и прочей животиной, как убирать навоз и удобрять им землю, мочевины укладывать в компост, менять солому, выгуливать, поить. Конечно старичков посадил в седло, шагом дал проехаться, а потом и рысью.

Еще три дня переплавлял часть серебряных изделий в монеты. Отштамповал на два килограмма монет. По форме пяти рублевой монеты 120 монет по двенадцать грамм каждая, диаметром 2,5 сантиметра и по форме 1 копейки 172 монеты по три грамма диаметром 1,5 сантиметра.

В курятнике шесть куриц, петуха нет. Курицы несушки и каждая за три дня принесла по яйцу. Пусть высиживают, вдруг среди цыплят петушок будет. Тогда яйцами мы будем

полностью обеспечены.

У нас два коня, приходится следить, что бы из-за кобыл не подрались. Поступил просто, каждому по три кобылы и выгуливаю в разных загонах. А также остриг овец. Будет шерсть, девчонки нарядут пряжи.

2 мая пятого года попаданства я, Николай и Борис отправились в путь за солью. С собой для возможной торговли взяли подсолнечное масло в двадцати пятилитровых бочонках и в пятидесяти литровых керамических бутылках, алкоголь — по 20 бутылок виски, хлебного вина, бурбона, настойки — рябиновые, смородинные, клюквенные и пару корзин с картофельными чипсами. Пустую тару, бочки, бочонки и кадки, запас питания, солому и сено, на случай покупки коров и коз.

Вооружились с запасом — луки, арбалеты, метательные ножи, мечи и сабли, полные доспехи, под кожаной на войлоке куртках, еще и кольчуга, одних только коктейлей Молотова сто штук. Вспомнил, что патронов бывает либо очень мало, либо мало, но больше не унести. Поскольку унести могли, взял еще двести коктейлей.

В пути договорились общаться на сарматском языке для лучшего усвоения, поскольку к отъезду каждый выучил не менее пятисот слов. Конечно запас слов для полноценного общения маловат, но старались как можно меньше употреблять слова русского языка.

Как только отошли от родного берега, смотрю Борис мнется, словно спросить хочет, но не решается, но минут через тридцать, выпаливает:

— Володя, ты девочкам сказал, что бы они приглядывали за несушками высиживающими яйца, а разве без петуха у куриц из яиц цыплята могут вылупиться?

Наблюдаю, что Николай тоже наострил уши. Видимо данный вопрос интересует все племя. Отвечаю:

— Нет.

— А как же...

— А вот прежде чем ты, Борис, задашь следующий вопрос, давайте вместе проанализируем случившееся с сарматами. Сарматы намеривались переселиться на новое место и везли с собой достаточные для проживания запасы. Да и на тридцать овец у них было два барана, а вот кур у них всего шесть и нет петуха... а по идеи должно было быть как минимум 10–15 кур и один петух.

— Так может других кур и петуха они раньше съели, — предполагает Николай.

— Съели, да не они... Когда мы напали на лагерь гуннов, из котла чем пахли остатки еды, что они ели на ужин?

— Ой, точно, — встрепенулся Борис. — Запах мне показался знакомым, но очень из давних воспоминаний, но что это, вспомнить не смог, а теперь понял — пахло вареной курятиной!

— Так получается, что гунны съели часть кур и петуха, — сделал вывод Николай.

— Вероятность того, что прежде чем попасть в суп, петух потоптал куриц и снесенные курами яйца оплодотворены, очень высока. Вот и весь ответ на твой, Борис, вопрос.

Борис и Николай смотрят мне в глаза, их взгляд выражает восхищение и тут Борис выдает:

— Ну ты, Володя... — я даже вздрогнул от возможной ассоциации из моего прошлого — "Мозг", но услышал, — Умный.

Шли ходко, до места моего первого боя дошли за три дня. Останавливаться не стали. Войдя в Каму шли против течения, но зато полным курсом бакштаг, даже поставили спинакер. Скорость достигала 14 узлов.

Ширина реки достигала двух километров, оба берега высокие, заросшие ивняком, часто попадаются пляжи, вдоль берегов много полузатопленных коряг, стволов упавших деревьев и небольших островков, заросших осокой и ивняком. Шли в метрах пятистах от левого берега, без дневных остановок, питались на борту, благо керосинка есть, на ночь вставали на якорь. Дни сейчас длинные, темнее после девяти вечера, а в четыре утра рассвет.

Движение на реке практически не было, только один раз вниз по течению прошла лодка долбленка с шестью гребцами. Она жалась к правому берегу, разошлись на километровой дистанции друг от друга. В пяти местах, в двух на левом берегу и в трех на правом, в небольших заливчиках, видели вытащенные на берег по две, три лодки долбленки. Самого жилья и людей видно не было, видимо жилье находилось в глубине берега и укрывалось за разросшимися ивами.

На третью ночевку остановились в тридцати километрах от места, где в мое время находился город Березники. Утром, чтобы явно не вызывать нездоровый интерес, шли только под стакселем, можно принять за прямой парус.

К десяти утра увидели на высоком берегу городище, окруженное земляным валом. Подошли к небольшой косе, на которую были пришвартованы, наполовину вытащенные из воды, с десятков лодок долбленок, от десяти до пятнадцати метров длиной и пара насадов, а в метрах пятидесяти к свайной причальной стенке были пришвартованы ладья метров двадцать пять в длину, в восемь в ширину и галера метра на три длиннее ладьи, а в ширину метров восемь с семью парами весел и мачтой для паруса. На ладью шла погрузка соли.

Больше на берегу никого не наблюдалось, лишь в паре долбленок, находилось по одному человеку. Пришвартовались с края косы к двум деревянным сваям, торчащим из воды. Наше прибытия явного интереса не вызвало.

Уложив в рюкзак бутылки с алкоголем, по три каждого, а также с подсолнечным маслом и четырьмя коктейлями Молотова, в руке корзинка с чипсами, облачившись в сарматский халат, прикрыв тем самым разгрузку с метательными ножами, подпоясался сарматским поясом, на который привесил опять же сарматский кинжал, прихватил денег и сойдя на берег, двинулся к городищу. Ребят оставил на шлюпе, наказав при первой опасности, меня не ждать и отходить от берега.

У открытых ворот городища, находилось четыре мужика, вооруженных копьями с железными наконечниками, в кожаных доспехах с железными пластинами, прикрытых войлочными халатами, за спиной у всех щиты, на поясе нож. Пока поднимался к воротам, стражники внимательно за мной наблюдали. У ворот, один из стражников, спрашивает на протоугорском языке:

— Чужеземец, какая цель твоего прибытия?

Раз идентифицируют как чужеземца, не буду афишировать знание языка и отвечаю на сарматском:

— Иду на торг, — и приоткрыв рюкзак, показал керамические бутылки.

Больше вопросов не возникло и стражник пропустил в городище. На кинжал он внимание не обратил, видимо не посчитал его за серьезное оружие.

Сразу за воротами располагалась площадка, на которой стояло пару десятков юрт. А далее городище было застроено срубами изб, окруженных хозяйственными постройками. Торжище было окружено навесами, исполнявшими функции лавок и загонами со скотом.

Обошел торжище, фактически, что мне нужно, на торгу есть. Больше всего продавцов соли, причем и поваренной, и калийной, и натриевой. Пару продавцов продают соду, есть

коровы, козы, куры, гуси, очень много меховых шкур, есть керамические изделия, но наши получше, много железа, от оружия, топоров, наконечников для стрел и копий, до хозяйственных изделий, а также пшеница, ячмень, много репы, капусты, моркови, сушеные грибы и травы, разнообразная рыба.

В качестве оплаты принимались как монеты, так и натуральный обмен — меховая рухлядь.

Пристроился к одному свободному навесу, успел незаметно зажечь три лучины и только начал раскладывать свой товар, как подбежал мужичок, и стал требовать, как я понял оплату за место торговли. Достая свою серебряную копейку.

— Столько хватит — говорю на сарматском языке.

Мужичок осмотрел монетку, попробовал на зуб.

— Нужно две, — отвечает на сарматском и показывает два пальца.

Спорить не стал и отдал мытарю вторую копейку. Вот и первая сделка с моими деньгами.

— Как поселение называется?

— Ибыр.

А дальше на мужичке провожу рекламную компанию.

— Торгую огненной водой, — говорю и показываю. — И ее можно пить.

Наливаю в два керамических стаканчика чистую самогонку, от лучины поджигаю жидкость, и она горит синем пламенем. У мытаря округляются глаза. Раздаются возгласы удивления, от собравшихся любопытствующих. Продолжаю священнодействие. В миску наливаю подсолнечное масло, вокруг разносится ярко выраженный приятный солнечный аромат подсолнечника. Макаю в масло чипсу, после чего беру стаканчик с самогоном, задуваю огонь, делаю сильный выдох, залпом выпиваю, крикаю от удовольствия и закусываю чипсом с подсолнечным маслом. У народа аж слюни потекли от вожделения. Предлагаю мытарю выпить.

— Макаешь чипс в солнечное масло, выдыхаешь и залпом пьешь.

Мытарь выдохнул и выпил, и закусил. Замер, прислушиваясь к себе, удовлетворенно крикнул и попросил повторить. Отказывать не стал, налил тридцать грамм, которые мытарь тут же оприходовал. Окружающие, полтора десятка мужиков, загалдели и накинулись на мытаря с расспросами. Предложил попробовать всем, налил по тридцать грамм, опустошив бутылку и до краев в миску налил солнечное масло. Подсолнухов здесь нет, поэтому масло назвал солнечным.

Пока мужики дегустировали, направился к продавцам соли. Торговались долго, но в конечном итоге к всеобщему удовольствию, приобрел пятьсот килограмм поваренной соли и по двести пятьдесят натриевой и калийной за четыре российских золотых, шесть литровых бутылок солнечного масла и шесть бутылок спиртного, по одной каждого наименования. Золотые монеты Банка России продавцами были приняты без вопросов, золото, оно везде золото.

Купил двести килограмм соды, за два золотых, пять серебряных рублей, двух литров масла и по бутылки спиртного каждого наименования. Спиртного и масла не жалко — реклама двигатель торговли. А сода понадобится для снижения температуры необходимой при выплавке стекла.

За три золотых, бочонок масла и шесть бутылок спиртного по одной каждого наименования купил шесть тощих коров, как в последствии оказалось, две были стельные и

пятнадцать коз с козлом за такую же цену. За три серебряные копейки и литр масла купил двенадцать кур и петуха.

Продавцы перегнали скотину к шлюпу, Николай и Борис расплатились и загрузили скотину в трюм. Ходившим за мной как на привязи мужикам во главе с мытарем, пообещал по стаканчику спиртного и под руководством мытаря, они перетаскали купленную соль и соду на судно. Разлил в стаканчики бутылку бурбона, а с мытарем за организацию, расплатился бутылкой виски. Одновременно сообщил, что буду покупать за бутылки спиртного выделанные шкуры: волков и бобров за одну бутылку за шкуру, рысей за четыре, соболей за семь, а шкуры овец и быков за солнечное масло и за него же семена капусты, моркови.

К пяти часам по полудню расторговал практически всё и в итоге 62 волчьих шкуры, 93 бобровых, 19 рысьих, 53 собольих, 30 бычьих, 50 овечьих, 8 отрезков шерстяной ткани, по три килограмма семян моркови и капусты. Осталось два бочонка и две литровых бутылки с маслом и девять бутылок со спиртным.

Стали готовиться к отплытию. Одна ладья, загрузившись солью, ушла вниз по течению Камы. Галера, по суете на борту экипажа, тоже готовилась к отплытию, но сходни еще убраны не были и человек пять экипажа что-то ожидали на берегу.

На них были надеты чешуйчатые доспехи, под которыми были поддоспешники, изготовленные из войлока и набивной ткани. На голове шлемы с куполом составной конструкции, снабжённые подвижным назатыльником и нащёчками, на ногах узкие штаны, поверх которых железные поножи и кожаные закрытые башмаки на шнуровке, опоясаны ремнями с бронзовыми накладками. На поясе меч, в левой руке щит с железным умбоном, в правой дротик с железным наконечником, снабженным зубцами. У одного поперечный гребень красного цвета из конского волоса на шлеме и алый плащ — вылитый центурион, а с ним римские легионеры.

Смотря на них, задумался:

«Как же в Ибыр и зачем приплыли римляне, притом не торговцы, а военные? Сомнительно, что галеру они перетаскали из Дона в Волгу, хотя могли за охрану и обеспечение волока много золота заплатить. Еще сомнительнее, если они через Парфянское царство прошли и купили галеру, Рим и Парфянское царство, да и в будущем с 228 года Персидское, в состоянии практически постоянной войны. Но и самое невероятное, если они по Дону дошли до волока в реку Шат, а затем по Упе, Оке, Волге и Каме дошли в городище Ибыр. Но вот зачем? Их маловато для военной операции...»

В это время к причалу подошла делегация, состоящая из главы племени и четырех старейшин. Все были одеты в кафтаны красного цвета, опоясаны поясами, на ногах кожаные сапоги, в руках каждого посох, на поясе кинжал. За ними шли с десятков воинов, половина которых была вооружена мечами, а вторая копьями, у каждого в левой руке щит, за спиной луки. В метрах десяти от них понуро бредут, жмущиеся к друг другу, два десятка ребятишек трех — четырёх лет, одетых в холщовые рубахи и босиком, месящие весеннюю грязь.

Один из старейшин подошел к шлюпу, спросил не хочу ли я купить детей и попросил меня пройти с ним к вождю. Дети мне нужны, племя должно расти, но как я понимаю, римляне является моим конкурентами.

Подхожу к вождю, здороваюсь, делая небольшой кивок головой.

— Они, — указывая в сторону детей, говорит вождь. — Дети наших врагов, кормить нам их не чем, если ты их купишь, то они станут твоими.

— Ты мне дал слово, что отдашь их мне, — на повышенных тонах говорит центурион.

— Ты мало за них платишь, если чужеземец даст больше, то дети его, — отвечает вождь.

— По одной золотой монете за каждого, — не задумываясь выпаливаю я и показываю вождю монету.

Вождь берет монету, внимательно ее осматривает, чуть ли не на зуб пробует и передает ее старейшинам, которые по очереди осматривают монету и видимо удовлетворившись увиденным, кивают вождю.

Вождь переводит взгляд на хозяина галеры, но тот отрицательно мотает головой и зло смотрит на меня.

— Мы согласны, но помимо золота, еще твое солнечное масло и огненную воду.

— Согласен!

И мы с вождем, закрепляя сделку, пожимаем друг другу руку. Я отсчитываю 24 золотых монет, ребятишек столько оказалось — 11 мальчиков и 13 девочек, передаю шесть бутылок со спиртным, две для вождя и бочонок с маслом. Вождь машет рукой и детишки, подгоняемые двумя воинами, по сходням поднимаются на палубу шлюпа.

Прощаюсь с вождем и старейшинами, вождь, пожимая мне руку, оставляет в руке небольшой кругляш на цепочке.

— Быстро уходи, — тихо говорит и отходит.

Даю команду отдать швартовы и мы медленно отчаливаем. Ставим грот и стаксель, и идем острым к ветру курсом бейдевинд, со скоростью чуть больше трех узлов.

На берегу между вождем и центурионом явно назревает ссора. Последний, махая руками, кричит на вождя. Его команда на галере, хватается за луки. Вождь тихо отвечает, разворачивается, вместе со старейшинами и охраной уходит к воротам городища.

Центурион с легионерами вихрем взлетает на борт, отдает команды, галера отходит от причала, разворачивается и устремляется в погоню за нами. На галере как минимум 20, а то и 30 воинов, сама галера 28 метров в длину, метров восемь в ширину, грузоподъемностью в пределах двадцати тонн.

Шлюп успел отойти метров на пятьсот и как только за мысом скрылось городище, галера, имеющая по семь весел с каждого борта, с энергично гребущими гребцами, начинает нас настигать. В первую очередь убираем детей с палубы. Шлюп забит почти под завязку, в трюме размещаем восемь ребятишек. Шестнадцать в каюте рассаживаем на четыре койки.

Продолжаем идти прежним курсом со скоростью чуть больше трех узлов. Преследователи разогнались, идут узлов шесть. Расстояние между нами стремительно сокращается. Николаю и Борису даю команду приготовить наши бензиновые бомбы. Бросать будем им на палубу, Николай в носовую часть, Борис в центр под мачту, я в район кормы. После первого заброса буду делать поворот, а ребята продолжат забрасывать ладью бомбами.

Догоняют, до нас метров тридцать.

— Чужестранец, отдай детей, ни груз, ни тебя, не тронем, — кричит на латыни центурион.

— Нет, они мои.

Расстояние сокращается до двадцати метров, гребцы втягивают весла во внутрь галеры, готовятся брать на абордаж.

— Огонь!

Бросаю бензиновую бомбу, ребята бросают вслед за мной. На результат не смотрю.

Меняю галс, за считанные секунды отдаю и затем выбираю стаксель шкоты, делаю поворот оверштаг, прохожу чуть полнее, шлюп набирает скорость, привожу шлюп на курс бейдевинд.

Оборачиваюсь, в тридцати метрах полыхает галера, ребята успели по две бомбы еще бросить. Я присоединяюсь, бросаем еще по одному коктейлю, следующий бросок попадаю только я, расстояние увеличилось, а у ребят силенок меньше и бутылки не долетели. Одиннадцать литров горящего бензина для деревянной просмоленной галеры, простоявшей целый день на солнце, при температуре воздуха 23 градуса — смерть. Тушить галеру никто не пытается, да и бесполезно, люди, спасаясь от огня, прыгают в воду. До ближайшего берега метров пятьсот, а с учетом надетых на них доспехах, шансы выжить приближаются к нулю.

Идем одним галсом практически по центру реки, удаляясь от места боя со скоростью 4 узла. До захода солнца еще пару часов. На примусе Борис готовит похлебку из пеммикана с ячневой крупой. Детишек вытаскиваем из трюма и каюты на палубу. Выглядят они плохо, кожа, да кости, видно, что кормили их не часто, а сегодня маковой росинки у них во рту не было. Подоил коров, молока с гулькин нос, но ничего раскормим и раздоим. Даем всем попить грамм по сто молока и по одной ложки похлебки, больше нельзя, желудок может не переварить. Через час еще чуток покормим.

Пройдя километров двадцать, уже в плотных сумерках, встали на якорь на ночлег за небольшим островком. Покормили по чуть-чуть ребятишек, напоили скотину, подкинули им свежего сена, а курицам крупы. Распределили ночное дежурство — Николаю первые два часа, Борису — вторые, мне два предрассветные. Уснул моментально, показалось, что проспал миг, как меня разбудил Борис, на часах пять минут третьего, моя очередь караулить.

Ночью прошел дождь, зябко, температура градусов 15, кутаюсь в плащ на шерстяной подкладке. Слышно, как плещется рыба, как волна накатывает на гальку, над рекой стелется туман. В предрассветных сумерках из реки, разрывая пелену тумана, на остров напоздает тень, которая шурша о прибрежную гальку, останавливается, уткнувшись в берег островка в двадцати метрах от меня.

Присмотревшись понимаю, что это остов сгоревшей галеры. Осматриваю остов, борта выше сантиметров на двадцать ватерлинии полностью выгорели, палуба отсутствует, в трюме остатки выгоревших переборок, такелажа и жуткий запах паленого мяса — заживо сгоревшие рабы — гребцы. В трюме ближе к корме, среди обугленных досок, стоит покрытый пеплом и сажей сундучок 40 на 30 сантиметров и в высоту сантиметров 20, обитый бронзой. Осторожно открываю крышку, сверху лежит кожаный тубус, внутри которого находится пергамент. Текст, на удивлении, не на латыни, поэтому прочесть не могу. К пергаменту приторочена глиняная печать с изображением лежащего барана с круто загнутыми рогами. На передних ногах барана лента, над бараном полумесяц рогами вверх, перед мордой барана знак горящего пламени. Пергамент положил обратно в тубус. Под тубусом находилось три мешочка, в одном — тридцать золотых римских ауреусов с профилем Александра Севера, теперь у меня ауреусы с восьмью разными портретами императора Севера, то есть их изготавливают не менее восьми лет. В двух других, по килограмму три каждый, серебряные монеты. Серебряные монеты не Рима, скорее всего драхмы Парфянского царства. Вес одной серебряной монеты в районе четырех грамм, с надписью на двух языках, один из которых греческий, а второй, если считать монету парфянской — арамейский.

Сложил все обратно в сундук и перенес на шлюп. На шлюпе завернув в холщовый мешок, спрятал в кормовой рундук. Не надо знать о нем никому. Наверняка сундук будут искать, так что пора отчаливать.

Дальнейшее плавание прошло без приключений. Нас никто не преследовал. В пути знакомился с детьми, кроме одного, остальные своих имен не знали либо не помнили, пришлось называть русскими именами, учили их русскому и сарматскому языку, а сами учили их язык. Да и откармливали детишек, а также и скотину.

Один из четырехлетних мальчиков отличался своей внешностью от других детей, был

более круглолицем, больше походил на иранца и говор его отличался от других детей, чувствовался акцент, да и один раз мой слух уловил произнесенное им слово явно греческого происхождения. А звали его Аршак!!!

«Черт, вляпался!» — от озарения чуть не закричал. — «Надо успокоиться. Учебник истории СССР за 5 класс конечно рулит, но два плюс два складывать рано. Тут бы живым остаться. Мальчишку точно будут искать. Галера именно за ним приходила, поэтому в шлюп из луков и не стреляли, боялись его случайно зацепить. Друзья это его или враги, для меня значения не имеет, если найдут, то мне в любом случае не жить. Зато теперь я знаю какой сейчас год».

К обеду 15 мая 231 года н. э. — пятого года попаданства, добрались до дома.

Перво-наперво отправили детишек в баню. Пока Эвика с Ладой их отмывали разгрузили шлюп. В поместье полный порядок, в доме чистота, скотина ухожена, поле прополото. Все сарматские ребятишки при деле.

Население племени увеличилось на 24 человека и достигло, не считая меня, 43 человек — 21 мальчик и 22 девочки. Сейчас середина мая, если посадить, то урожай успевает к осени созреть. Вспахал еще четыре гектара земли, удобрил листовным перегноем. Засеял пшеницей, рожью, ячменем, горохом, фасолью и конечно посадил картошку. Часть засеял половиной семян капусты и моркови, вторую половину оставил на следующий год. Они растения с двух летнем циклом, семена дают на второй год.

Начались тренировки, обучение различным ремеслам, и конечно строительство усадьбы. Строили с запасом — трехэтажную с двумя двухэтажными флигелями, с оранжереей для лимона, учебных классов и прядильно-ткацкого производства, с печным отоплением, с трубопроводной системой из керамических труб. Благо все материалы для строительства ранее были подготовлены.

На Масленой горе на дереве оборудовали наблюдательный пост, а в усадьбе наблюдательную вышку. С помощью семафорной азбуки научились передавать информацию на расстоянии. Пока только десяток сигналов, а как дети научатся читать и писать, сигналы начнут передавать словами и предложениями.

На скотном дворе полный порядок, коровы откормились и начали раздаиваться, по 10 литров молока надаиваем. Козы тоже не отстают. Появились излишки молока, делаем сметану и сливочное масло, замахнулись и на сыры. Вылупилось шесть цыплят, в том числе три петушка. Подрастут, пойдут на куриный бульон — купленный петух со своим куриным гаремом справляется, по курятнику гоголем ходит, да и будильником работает, так что яйцами и куриным мясом будем обеспечены. Впрочем, как ягнятиной и козлятиной, баран с козлом тоже стараются. У двух коров родилось по теленку, вот и бычки появились. Кони тоже на высоте, у всех шести кобыл жеребость. Пасеку увеличили до сорока ульев.

Урожай собрали солидный. Все новые посадки дали ладный урожай. Капуста и морковь, хотя мелковаты, но это не мешает есть их с удовольствием. Отобрал самые крупные, на следующий год думаю дадут неплохие семена. Произвели осеннюю вспашку и дополняя пашню, еще двадцать гектар вспахали. Удобрили прошлогодней листвой, благо количество не ограничено, в качестве перегноя и, теперь уже имеющимся, навозом. В саду практически все саженцы прижились, посмотрим, как перезимуют.

К середине октября отпраздновали новоселье. Усадьба получилась огромная — трехэтажный дом, на третьем этаже мезонин, с двумя двухэтажными флигелями. На первом этаже зал-столовая с пристроенной кухней, на втором классы для занятий, в мезонине мои

апартаменты, сокровищница и оружейная. В правом флигеле на первом и втором этажах по десять комнат с каждой стороны разделенные рекреацией, всего сорок комнат с большими окнами с двумя стеклянными рамами, три на два с половиной метра по 7,5 кв. м на трех человек. Хотя нас мало и можно детей поселить по двое в комнате, но расселяю сразу по три человека, чтобы в будущем не заниматься уплотнением. К хорошему быстро привыкают, а будущее уплотнение может вызвать дискомфорт. В торце каждого этажа умывальники и туалеты. На первом этаже флигель замыкает оранжерея, в которой появились первые плоды — десять лимонов.

В левом флигеле на первом этаже прядильно-ткацкое девичье царство, второй этаж тоже под жилые комнаты, но пока используем под мелкие мастерские — сапожные, по шитью одежды, меховых, кожаных изделий, травницы. В торце опять туалеты с умывальниками и замыкает флигель вышка с водонапорной башней. От котельной отходят пристройки наших мастерских — столярной, бондарной, гончарной, смолокурни, дегтярной, монетной, кузницы, скобяной, винокурни, бумажной, стекольной, замыкает химическое производство. Кожевную мастерскую по выделки кожи, из-за специфического запаха, оставили на прежнем месте. Рядом с ней оборудовали красильню. После получения щелочи и экспериментов с травами, их корнями, ягодами, корой и листьями деревьев, а также глинами, получили натуральные красители всех цветов радуги и стали красить нитки.

Крышу покрыли глиняной черепицей. Через всю усадьбу проложены керамические трубы дымоходов, а также подведены к кухне, умывальникам и туалетам трубы водоснабжения и канализации. Небольшие печурки также поставили на скотном дворе и части хозяйственных построек, где производилась переработка сельхозпродукции, выжим растительного масла, маслобойня, сыроварня, мололась крупа и мука на ручных мельницах. Молоть необходимо уже много, пора строить мельницу на воловьей или лошадиной тяге.

Парни заселились на первом этаже флигеля, а девчонки на втором. Столярка работала на полную мощность, изготавливали кровати, тумбочки, шкафы, столы, лавки, стулья и прочую мебель. Лесопилка работает на пределе в четыре пилы, получается с одного бревна в тридцать сантиметров в диаметре, три доски пятидесятки и два горбыля. К сожалению мощности ручья на вторую лесопилку не хватит. Придется года через два ставить еще одну лесопилку на другом ручье.

Ребятишки откормились, оттаяли, сдружились, осваивали ремесла, втянулись в ежедневные тренировки. От работы и тренировок никто не отлынивал, да и нет у них такого в привычках.

Началась учеба в школе, учительствовали в основном старички, иногда и я подключался. Написал 37 экземпляров букварей, что привело к мысли заняться книгопечатаньем. Изготовить станок и литерные наборы сложностей не представляет, все необходимое у нас есть.

Я постоянно общался с членами племени, выяснял их желания, интересы и стремления. По результатам их тренировок, учебы и овладением навыками в ремесле стремился развивать их природные таланты.

Вот и с Аршаком поговорил:

— Здравствуй Аршак.

— Здравствуй Володя.

— Ты хорошо учишься, тренируешься, почти в каждом ремесле делаешь успехи. Кем ты хочешь стать?

— Хочу быть воином и отомстить врагам, убивших моего отца.

— А кто твой отец, кто его убил?

— Мой отец самый смелый, сильный и справедливый! Мама говорила, что его убили враги.

— Как ты оказался в городище и где твоя мама?

— Я с мамой, воинами и слугами долго плыли по большой воде, без берегов, на воде были большие волны, потом много дней плыли по широкой реке. Приплыли к вождю Ошу, который взял меня в свое племя. А мама, отдавая меня, плакала и сказала, что Ош научит меня быть сильным и когда я вырасту Ош поможет мне отомстить врагам. Мама сказала, что теперь меня зовут Аршак и повесила мне на шею амулет, который мне поможет вернуться и отомстить. Мама потом на галере уплыла. Ош меня учил быть сильным и ловким, а через год на племя напали, всех убили, а меня с другими детьми забрали, а амулет отобрали. Больше меня никто не учил и кормили плохо. Много детей умерло, а зимой нас отдали в городище, где тоже плохо кормили, и дети умирали. А потом приехал ты и нас спас. Ты учишь нас быть сильными и ловкими, но я теперь не знаю, как найти и отомстить убийцам отца.

«Похоже не просто так пять с половиной лет назад к Ошу галера приходила и его намеривались убить», — думал я, слушая монолог Аршака. — «Амулет, который незаметно передал мне старейшина городища, это печать с изображением царя со скипетром и луком в руках и с надписью Аршак на греческом языке и ее сняли с сидящего передо мной маленького мальчика. А на реверсе серебряных монет изображение практически идентично с изображением на печати, только без имени. А имя Аршак может носить из живущих в Парфии людей только один. Пожалуй, о печати ему еще рано говорить».

— Стать сильным, ловким и умным воином я тебя научу, — говорю Аршаку. — А как найти твоих врагов, подумаем, когда ты вырастешь.

— Я верю тебе Володя! — смотря мне в глаза, отвечает Аршак. — Буду изо всех сил учиться и тренироваться.

Началась подготовка к зиме. Создали запасы замороженной рыбы и утиных тушек, а также засолили красную рыбу, черную и красную икру. Урожай заложен в амбары, овощи перерабатываются для длительного хранения. Помимо соленых огурцов и помидоров, будет у нас соленая и квашенная капуста.

Фруктовый сад также подготовили к зиме, особенно виноград, обрезал лишние побеги лозы, над лозой сделал каркас из жердей и обложил плотным слоем соломы.

30 октября, со всем мужской частью племени и прихватив еще пять самых бойких девчонок, на шлюпе отправились на загонную охоту. Обнаружив около сотни косуль, Николая, Бориса, Ивана, Михаила, Аршака и пять девчонок распределил в засаде по номерам, а сам с оставшимися ребятами обошел с другой стороны косуль и разойдясь полукругом начали кричать, стучать и махать палками. Напуганное стадо понеслось в сторону засады. Засадные номера не подвели, 22 косули стали нашей добычей. Освежевав на месте туши, уже в сумерках добрались до дома. Теперь и мясом с избытком обеспечены.

Шлюп, с помощью волов, вытащили на сходни, и занялись кренгованием.

Прялки и ткацкие станки девичье пополнение клана освоили быстро, а вот шитьем занимаются по-прежнему Эвика и Лада. Одно дело обшить семь человек, а вот с обшиванием 44 человек застопорилось. Впрочем, как и у меня с шитьем обуви. Пора механизировать процесс. Швейную машинку помню еще с довоенных времен. В детском доме на уроках труда девочки на них шили, а парни машинки обслуживали и чинили, так что их

конструкцию я знал досконально.

Погода портилась, дожди сменились мокрым снегом, с середины ноября начались ночные заморозки, а 25 ноября зима вступила в свои права. Снег шел неделю, температура постепенно понижалась и в декабре стабильно держалось на уровне минус 5–7 градусов. Все племя переделось в зимнюю одежду в дубленки, меховые шапки, из бычьей кожи меховые сапоги. Успели пошить всем.

К концу декабря собрал первую швейную машинку с ножным приводом. Пришлось помучаться. Отказался от устройства автоматической протяжки ткани — можно и вручную, да и для толстой кожи и шитья обуви протяжной механизм пока не нужен. Сделал каркас, центральный вал, который скрепил с помощью шатуна с осью маховика, запускающий держатель с иглой и второй вал, отвечающий за работу челнока. Центральный вал с помощью шатунной передачи соединил с ножной педалью, а кожаной ременной, соединил со вторым валом. Самое сложное было добиться полной синхронизации работы иглы и челнока, но за неделю добился желаемого. Дальше пошло легче, за счет формового литья крупных деталей и штамповки, за январь изготовил еще шесть швейных машинок. На очереди косилки и сеялки, а также два плуга с тремя ножами, волю плуг с двумя ножами очень легко тащат, так что с тремя ножами тоже потянут. Подготовил строительный материал для мельницы. Печатный станок смастерил быстро, литерные наборы ребятишки вырезали из дерева, в будущем заменим на свинцовые. Первым напечатали 40 экземпляров букваря и 40 экземпляров арифметики. Затем, что смог вспомнить — шесть сказок и четыре басни Крылова. Пишу учебники по русскому языку, математике, окружающему миру, на очереди по физике, геометрии и химии.

На тренировках увеличиваю физические нагрузки, совершаем лыжные марш-броски, патрулирование территории, охрану строений и их захват, стреляем из луков и арбалетов, метание ножей. Отрабатываем взаимодействия десятков и пятерок, а всем кланом — защиту усадьбы.

В начале февраля морозы усилились до — 15 градусов, а в поместье тепло, температура ниже 18 градусов не опускается. На скотном дворе не ниже семи.

10 февраля после 15 часов наблюдатель с вышки сообщил о приближении волков. Объявил тревогу, все члены племени разбившись по двойкам заняли свои места по отведенным позициям по обороне усадьбы, с пристреленными секторами обстрела. Первым номером у меня Аршак.

Волки пришли не в гости, а пришли за добычей. Одно дело, когда нас было семь человек и совсем другое, когда племя разрослось и обзавелось скотом.

Стая разрослась до семнадцати особей, на дворе февраль, холодно и голодно. А тут коровы, лошади, овцы и козы, да еще ребятишки. Вожаку надо заботится о стае, тут не до перемирия. Волки поднялись на луг, не нападают, расположились от нас в двухстах метрах. Ждут ночи, ну что же, будет им сюрприз.

По наступлению сумерек, по всему периметру усадьбы зажгли керосиновые фонари, при этом свет был направленный в сторону от усадьбы, а все бойцы племени оставались в темноте. Через час часть стаи — девять самых матерых волков пошли в атаку, при том пошли в лоб. Вожак, с подернутой сединой шкурой, волчица и еще шесть волков, по виду молодняк — два последнего помета и четыре — прошлогоднего, остаются стоять на месте.

«Как-то странно для матерого вожака — атака в лоб и сам стоит» — удивился про себя.

Как только волки вошли в полосу света, командую:

— Первые номера залпом огонь!

Последовал залп первых номеров из двадцати двух арбалетов, а через пару секунд командую:

— Вторые — огонь!

Следует залп вторых номеров из двадцати двух арбалетов по недобиткам. Все было кончено, девять волков в одночасье ушли в мир иной.

Командую:

— Перезарядиться! Никому не расслабляться!

А дальше все страннее и страннее. Вожак, постояв еще с минуту, издал короткий взвон, развернулся и неспеша спустившись с утеса, перепрыгнул ручей и скрылся в лесу. Волчица с оставшимися волками, также проследовали за вожаком.

"И что это было?" — мысленно пытаюсь проанализировать произошедшее. — "Вожак привел половину стаи на убой?! И остался довольным полученным результатом?! Как-то это не вяжется с моим представлением о поведении волков, сложившимся о них в моей прежней жизни. Хотя в прежней жизни соседом у волков в лесу мне не сподобилось пребывать, да и встречаться в лесу не приходилось. Больше о их повадках из книг знаю, да и из рассказов пары охотников, а охотники, как и рыболовы, о свои победах как приукрасить, так и приврать могут."

Среди ребятишек слышались, сначала отдельные восторженные возгласы, а потом и разговоры. Расслабились.

— Разговоры прекратить! Еще ничего не закончилось. Всем наблюдать по секторам и находиться в полной боевой готовности!

Наблюдая за окрестностями, продолжаю свои размышления:

"Не знаю на сколько развиты у вожака мозговые способности, его врожденные и приобретенные инстинкты, но получается, что сегодня он защищал себя. По волчьим меркам он уже достаточно возрастной, наверняка знал, что весной один из его детенышей от умершей волчицы бросит ему вызов и вряд ли бы он его пережил. Вот и отправил старших матерых волчар на убой. Во всяком случае другого логичного объяснения поведения вожака я в настоящее время не нахожу."

Через час даю команду, — Отбой!

Осмотрев трупы девяти волков, среди трупов нашел Зевса. Тридцать шесть болтов попало в цель, отличный результат, если принять во внимание, что стреляли дети. Ребятишек как прорвало, все загалдели, наперебой рассказывая о своей первой победе над врагом. Только старая гвардия стояла, понуриив головы.

— Зевс сам сделал свой выбор, волк остается волком, он стал полноценным членом

стаи и погиб вместе со своей стаей — пытаюсь поддержать старичков и дальше для молодых — Поздравляю вас с первой победой, все молодцы! Мы отстояли наш дом!

За исключением Зевса, с остальных волков сняли шкуры, а плоть спустили в прорубь. Зевса похоронили в лесу на противоположной стороне ручья, вырыв в мерзлой земле глубокую могилу.

К концу февраля морозы спали, а в первых числах марта весна бурно заявила о своем приходе, снег стаял буквально за неделю, к середине месяца река освободилась от льда. Начали сбор березового сока, а с хвойных деревьев живицы. В конюшне пополнение — два жеребенка и четыре кобылки. В овчарне и козлятнике также пополнение. Козочек и овец оставляем. А козлята, ягнята и один теленок пошли на мясо. У коз начали вычесывать пух.

Садовые деревья, в том числе и виноградная лоза, зиму перенесли без последствий. К посевной успели изготовить по две сеялки, косилки и два плуга. Поставили фундамент под мельницу и отполировали жернова. На винокурне, помимо уже сложившегося ассортимента спиртного, перегнали сарматское вино тройной перегонкой и залили в двадцать пятидесяти литровых дубовых бочек. Лет через пять будет коньяк. Спустили на воду шлюп, предварительно проконопатив и просмолив.

15 апреля 232 года, шесть лет попаданства. Как всегда, в этот день начали посевную, площадь посева увеличили до сорока гектар, а после ее окончания, опять в путь. Нужно увеличивать состав клана, собирать по округе сирот. Перед отплытием остригли овец и коз.

26 апреля, загрузив шлюп спиртным и подсолнечным маслом, отправляемся. В этот раз беру с собой Михаила, Аршака и Савлия. Лучше конечно взять проверенных в плавании Николая и Бориса, но они нужны в усадьбе.

На Николае лежит военная подготовка, охрана поместья, лесопилка, столярное производство, строительство. Борис руководит производством керамики, кирпичей, винокурней. Иван всей химией, смолокурней, дегтярней, обработкой кожи, стекловарением и изготовлением бумаги. Эвика следит за домом, учебой, санитарией, банно-прачечным комплексом, в связи с увеличением племени, пришлось построить, еще целительство, изготовлением из волокна нитей, прядением, вязанием, ткачеством, пошивом одежды, постельного белья и прочей текстильной продукцией, а также шитьем летней обуви. Лада обеспечивает питание, осуществляет контроль за скотным двором, копильней, ловлей рыбы и добычей уток, следит за садом и огородом, за сбором даров леса. Вот только в кузнице меня заменить пока никто не может. Все девчонки и мальчишки распределены за старичками по своим способностям и желаниям, а для тех, кто еще не определился в выборе ремесла, постоянно происходит ротация.

У Михаила, Аршака и Савлия самые лучшие успехи в военном деле. Михаил лучший пластун, а Аршак и Савлий лучшие среди своих сверстников в боевой подготовке.

Через три дня вошли в Каму и пошли вниз по течению. Конечным пунктом путешествия определил впадение Камы в Волгу. На этом перекрестке водных путей, не могло не быть крупного поселения.

До низовья Камы дошли за десять дней. Шли по середине реки, на ночевку вставляли на якорь, прячась в камышовых и ивовых зарослях небольших островков. По пути достаточно часто попадались небольшие долбленки и насады, но к нам они не приближались, старались наоборот держаться подальше, ладьи и галеры нам не встретились. На обоих берегах изредка наблюдали небольшие поселения, но к ним не заходили.

Городище располагалось на высоком утесе на берегу залива почти у устья Камы. У

причальной стенки было пришвартовано три десятка судов — крупные насады, ладьи и шесть галер. Насады поменьше и долбленки различных размеров швартовались прямо на берегу, их просто наполовину вытаскивали из воды. Мы пришвартовались чуть поодаль от причальной стенки к двум деревянным сваям, вбитым у берега в дно реки.

Только поставили сходни, как появился мытарь. Швартовка обошлась в три серебряных рубля моего производства. Монеты мытарь воспринял благосклонно и никакого недоверия к ним не выказал.

— Уважаемый, как называется это поселение, — интересуюсь на сарматском языке.

— Имень.

Городище внушало уважение, занимало площадь около семи гектар. Было окружено двумя земляными валами с тыном, а последний рубеж обороны — ров и стены, рубленные гроднями. Через ров был перекинут подъемный деревянный мост.

Торг располагался между двумя земляными валами и был намного больше, с богатым выбором товаров, но цена на них была намного выше, чем в ранее посещенном мной городище Ибыр. Тут был еще и невольничий рынок, рабов на продажу было более пятисот. Самые дешевые были дети, как раз нужного мне возраста — трех, четырех лет. Когда проходил мимо девушек рабынь, выставленных на продажу в обнаженном виде, мой девятнадцатилетний организм среагировал моментально, встав в стойку. Пересилив себя, прошел мимо, не хватало мне еще и секс рабынь. Вопрос с сексом надо срочно решать, гормоны играют и молодой организм требует свое.

Вокруг торгового места расположились юрты, чумы, шатры, различные навесы и палатки. Проходя мимо одного из чумов, обратил внимание на кормящую пятерых щенков суку хаски. Щенкам около одного месяца, глазки и ушки открыты, два кобелька и три сучки. Не торгуюсь, предложил, сидящему рядом с чумом старику тунгусу, за трех щенков девочек три серебряных копейки. Кобельки мне не нужны, взрослыми они могут и сбежать, хаски же, с девочками спокойнее. Тунгус, взяв деньги, внимательно посмотрел на меня, затем что-то сказал, стоящему рядом с ним пацаненку лет шести, который быстро скрылся в соседнем чуме. Старик же, поднявшись с земли, возвратил мне две копейки и жестом пригласил проследовать в соседний чум, из которого выбежал, кивнув деду, мальчишка.

Не став отказывать тунгусу в гостеприимстве, проследовал за ним. Подойдя к чуму, старик откинул шкуру, прикрывающую вход и пропустил меня первым зайти внутрь. Войдя, в полумраке увидел двух тунгусок 15–16 лет полностью обнаженных. Первым среагировала моя плоть, а подошедшие ко мне тунгуски с двух сторон прильнули ко мне, и дальнейшее происходило как в тумане. Пришел в себя часа через два. В чуме больше никого не было. Моя одежда аккуратно сложенная, лежала рядом. Быстро одевшись, выбрался из чума. Старик, сидевший на прежнем месте, увидев меня встал, приблизившись ко мне передал корзинку с тремя щенками, а следовавший за ним мальчишка — вязку из пятнадцати шкурок полярного песца.

"Володя, ты принес свежую кровь аборигенам," — ухмыльнулся про себя.

Отнеся щенков и шкурки на шлюп, вернулся на торг, где за пять золотых покупаю шесть дойных коров. Коров загоняю по сходням в трюм, где ребята их размещают в стойла, а щенков сажаем в корзинку с мягкой подстилкой из войлока.

Возвращаясь на торг, арендую торговое место, находящееся в поле зрения торговцев рабами и начинаю рекламную компанию по продаже огненной воды и солнечного масла. На продажу у меня 400 керамических и 600 стеклянных бутылок со спиртным и 500 бутылей с

подсолнечным маслом. Продавать пока буду лишь масло и спиртное в керамике. Спиртное в стеклянных бутылках, закупоренных пробками из коры дуба, опечатанных сургучом, а также сотня стаканов и тридцать штук штопоров, как эксклюзивный товар, пока придерживаю.

После снижения температуры выплавки стекла, изготовили формы для бутылок и стаканов. Иван наострился по форме выдувать штофы с горлышком и с помощью пресса форматировать практически 150 граммовые граненые стаканы. Из канифоли и воска делаем сургуч.

Рекламная компания, как и в городище Ибыр, удалась. Собралось десятка два мужиков, в том числе и один из торговцев рабами. Всем на пробу наливаю по 50 грамм огненного вина и на закуску по чипсу с солнечным маслом.

Один литр солнечного масла продаю за три римского динария или три парфянской драхмы, либо беру за них по три шкуры коз, две овчины, либо одну бычью, либо оленью. Демпингу, оливковое масло продают в десять раз дороже, конопляное и льняное в два раза. Спрос бешенный, даже очередь выстроилась. Покупают в основном за шкуры, хотя римские и парфянские монеты тут в ходу, но их мало. В основном идет натуральный обмен.

А огненной водой, как я и рассчитывал, заинтересовались торговцы рабами и сразу стали предлагать обмен на их не ходовой товар — детей.

— Чужестранец, продам одного мальчика за 50 бутылей огненной воды — предлагает торговец.

— Зачем мне ребенок, — отвечаю, скрывая свою заинтересованность.

— 45 бутылей, — начинает торговаться.

— Да зачем он мне, если хочешь, я тебе еще угощу, — наливаю торговцу 50 грамм самогонки.

Подтягиваются еще два торговца рабами, их тоже угощаю.

— Володя, — предлагаю познакомиться.

— Гачет, — представляется первый.

— Гут.

— Обыр.

Наливаю еще по тридцать грамм за знакомство.

— Купи за сорок, — не унимается Гачет.

— Да не нужен он мне.

Наливаю еще по 30 грамм. Мы уже лучшие друзья.

— 15 бутылей.

— Хорошо, лучшему другу не могу отказать, куплю всех детей по три бутылки за каждого, — включаюсь в торговлю и наливаю еще по 30 грамм.

В конечном итоге останавливаемся на семи бутылках за ребенка, бьем по рукам ко всеобщему удовольствию. За три серебряных рубля мытарь организует двадцать мужиков, которые переносят на шлюп купленные шкуры. А торговцы приводят 53 ребенка — 18 девочек и 35 пацанов. На шлюпе расплачиваюсь с ними 371 бутылками самогонки.

Детишек размещаем в трюме.

— Миша, каждому ребенку надо дать по сто грамм молока, а через часа два еще раз покормить молоком с кукурузными хлопьями, — даю указания Михаилу.

Только разместили детей, как заметил направляющуюся к шлюпу группу из пяти человек. Шедший впереди, похож на парфянского купца, одетого в дорогую плечевую одежду. На голове шапка, очень похожа на вязанную. Подол плечевой одежды свободно

свисает, закрывая колени. Подпоясан поясом с серебряными бляшками. Нанюгах широкие шаровары с декорированной полосой, ноги обуты в кожаные сандалии. Вся одежда украшена узорами из жемчужин, нашитых на ткань. За ним идет здоровенный негр в одной набедренной повязки, с опахалом в руках, которым периодически обмахивает купца, отгоняя от него мух. Следом два охранника, в кожаных доспехах, вооруженных мечом, щитом и луком, висящих за спиной и кинжалом за поясом. Замыкал процессию еще один раб, несущий в руках рулон ткани.

Шлюп пришвартован с краю пристани, за нами больше никто не швартовался, так что купец идет к нам. Идти ему еще метров сорок. В каюте переодеваюсь в парадную одежду, Эвика и Лада на славу постарались. Брюки по типу джинсовых темно фиолетового цвета, черные кожаные сапоги на шнуровке по типу берцев, белая рубашка с вышивкой темно фиолетового цвета на груди герб в виде двуглавого орла, на спине — медведь с короной, на голове соболья шапка с золотой кокардой в виде герба, на плече соболья накидка типа гусарского метника с алой подкладкой, на шее килограммовая золотая цепь с золотой медалью с гербом диаметром 15 сантиметров. Пояс кожаный, украшенный золотыми пластинами, с притороченным булатным мечом.

«В конечном итоге, я же монарх» — ухмыляюсь про себя — «но знать посторонним об этом еще рано».

Михаил, Аршак и Савлий тоже приоделись, у каждах темно фиолетовых брюк, черные берцы, фиолетовые рубашки, на голове рысьи шапки с хвостами, и плащи, по типу мушкетерских, скорее гвардейцев кардинала — красного цвета с вышитым на груди и спине гербом фиолетового цвета, с кожаными поясами, украшенными серебряными пластинами. У каждаго на поясе сабля, кинжал, за спиной составной лук.

Аршак и Савлий, встав у борта, взяв на изготовку луки, демонстрируя возможность в любую секунду открыть огонь.

Купец, в пяти метрах от шлюпа остановился как вкопанный и стал с опаской смотреть на ребят.

— Я парфянский купец Куруш из рода Каренов, верноподданный Приклоняющемуся Мазде владыки Ардашира царя царей Ирана, происходящего от богов, Шаханшаха Ардашира I из династии Сасанидов, — представляется. — Я пришел с добрыми намерениями.

— Приветствую тебя достопочтенный Куруш! Я, Владимир из рода Руссов, — выхожу на палубу и представляюсь.

Вся спесь с купца моментально улетучилась, и он ошалевшим взглядом уставился на меня. Выглядел я со своим 180 сантиметровым ростом по местным меркам исполином.

— Я принес тебе, уважаемый Владимир, образец шелковой ткани, — взяв себя в руки, с небольшим поклоном головы, произносит купец. — И хотел бы оценить твой товар — огненную воду.

— Я с удовольствием осмотру твой товар, — приглашаю купца подняться на борт.

Купец с двумя рабами поднимается на борт шлюпа, два его охранника остаются на пристани.

На палубе, под натянутым тентом, Михаил установил изготовленные Николаем два резных деревянных полукресла с подлокотниками с войлочными подушками, обтянутыми льняной тканью красного цвета и резной столик. Приглашаю купца присесть. Раб разворачивает рулон ткани, раскладывает на столике. Ткань шелковая, красного цвета, хорошей выделки, шелка в рулоне шириной около метра в районе десяти погонных метра.

— Уважаемый Куруш, я вижу перед собой настоящий шелк? — спрашиваю купца.

— О да, уважаемый Владимир, этот шелк из далекой страны, находящейся на востоке. Очень дорогая ткань.

— Куруш, распробуй наше огненное вино, мы его называем водкой.

Раб убирает шелк, а Михаил накрывает столик плоской с подсолнечным маслом, керамическими тарелками с солеными огурчиками, картофельными чипсами, ржаными сухариками, приготовленными во фритюре с чесноком и кукурузными хлопьями с плоской меда. Выставляет керамическую бутылку с рябиновой водкой и, ТА ТАМ, два СТЕКЛЯННЫЕ стакана.

Глаза купца стали округляться, если бы это было возможно, то округлились бы до размера блюдца. Я же неспешно, пусть насмотрится, штопор вкручиваю в пробку бутылки, откупориваю ее и наливаю по пятьдесят грамм водки в стаканы.

— Водку нужно пить залпом одним глотком, а потом сразу нужно закусить.

Куруш с трудом воспринимает мои слова, никак не может оторвать взгляд от стаканов.

— За знакомство! — предлагаю выпить.

С благоговейным трепетом Куруш берет в руку стакан, залпом выпивает, закусывает огурчиком, а потом долго рассматривает стакан, вертя его в руке, пробует на зуб, рассматривает на просвет и наконец с явной неохотой ставит его на столик.

— Уважаемый Владимир, из какого материала изготовлен такой прозрачный стакан?

— Это стекло, оно достояние моего рода.

— Я бы хотел его купить.

— Изделия из стекла очень дорого стоят.

— Я знаю, на моей родине из стекла делают украшения в виде шариков, размером с жемчужину и они очень дорого стоят.

Выпиваем еще по тридцать грамм, закусываем. На купца подсолнечное масло впечатления не произвело, а вот огурчики, чипсы, хлопья и сухарики зашли.

— Уважаемый Куруш, я слышал о твоём славном роде Карен. Твоему знатному роду уже несколько сотен лет.

— Уважаемый Владимир, мне приятно, что ты слышан о моем роде. Роду Карен более семисот лет и он самый знатный в Парфянском царстве, а теперь и в царстве династии Сасанидов. Я живу на берегу Каспийского моря в городе Сари области Мезендаран, входящей в Мидию, правителем которой является мой дядя.

— Уважаемый Куруш, ты сказал, что Парфянским царством правит династия Сасанидов, но как я слышал венценосной династией являются Аршакиды.

— Владимир, пять лет назад ныне правящий Шахан-шах Ардашир I из династии Сасанидов сверг династию Аршакидов.

— А как это произошло, сюда известия долго доходят?

— Ныне правящий Шахан-шах Ардашир I в Парфянском царстве был правителем парфянской провинции Парс. Он поднял мятеж против Парфянского царя Артабана V и в битве убил его. Вассальные провинции парфян стали переходить на сторону Ардашира. Брат Артабана V — Вологез V, вступив на престол поредевшего Парфянского царства, пытался противостоять Сасанидам, но был также убит Ардаширом I.

— Из династии Аршакидов кто-нибудь в живых остался?

— Нет, все были уничтожены. Хотя ходили слухи, что жене последнего царя с младенцем удалось избежать сей печальной участи, но уже пять лет о них ничего слышно не было. Скорее всего их тоже убили. Присваивать венценосное имя Аршак принцу, ожидающему коронации, больше некому. Династия прервалась.

— Печально, ведь Аршакиды правили не одну сотню лет.

Еще выпили и, как водится, после третьей стали лучшими друзьями.

— Дорогой Куруш, в знак нашей дружбы прими от меня подарок, — передаю купцу шкатулку, в которой находится литровый стеклянный штоф водки, пробка которого запечатана сургучом, два стеклянных стакана и штопор. На одной грани штофа выпуклые изображения двуглавого орла и медведя с короной, на противоположной грани надпись на латыни RUS vodka и стилизованное изображение ветки рябины.

— Владимир, бутылка тоже из стекла! — восклицает купец, вскакивает, цепляется ногой за ножку кресла, чуть не падает, но я успеваю его удержать.

— Да, дорогой друг.

— Я не могу принять столь дорогой подарок.

— Не беспокойся друг мой, я на продажу привез шестьсот бутылок водки, виски и бурбона.

После моих слов, Куруш стал моментально трезветь, включилась купеческая натура.

— Владимир, я покупаю у тебя весь товар, за него отдаю одну из галер с гребцами рабами, две тысячи ауреусов, пять тысяч драхм, весь шелк, хлопок и вино. Если этого не хватит, отдам еще купленных здесь рабов и меховую рухлядь.

— А маленькие дети рабы у тебя есть.

— Нет, зачем они мне, дети ничего не стоят. Хотя есть один четырех лет, он даже читать умеет. Его отец в прошлом году бунтовал против Сасанидов, так его казнили, а жену и сына продали в рабство, вдова полгода назад умерла, а мальчишка только ест и спит.

— Дорогой Куруш, ты мой друг, и я не буду тебя до нитки раздевать. Я продам тебе 600 стеклянных бутылок водки, 50 стаканов и в придачу десять керамических бутылок с водкой и сто бутылей с солнечным маслом за две тысячи ауреусов, пять тысяч драхм, весь шелк, хлопок и вино, а также за мальчишку раба.

— Дорогой Владимир, я поражен твоей щедростью, на следующий год я вновь приеду сюда и отдам тебе двадцать процентов прибыли, а еще прими от меня в подарок парфянские сладости — финики, рахат-лукум, нугу, халву.

— Хорошо, Куруш, а я привезу тебе еще стеклянные бутылки с водкой, бурбоном и виски. А ты мне шелковую и хлопковые ткани, хлопок сырец, вино, а также парфянских лошадей для тяжелой конницы — катафрактарии — двух жеребцов и четырех кобыл.

Подсолнечное масло отдал не просто так, пусть попробуют, на нем ведь жарить можно и как фритюр использовать, в отличие от нынешнего оливкового. Масло у нас прозрачное и держит высокую температуру, хотя и не рафинированное, но за счет его нагрева и обжаривании в нем луковицы, масло становится прозрачнее, долгохранящимся и

выдерживает значительно большие температуры.

Скрепив сделку стопкой водки, Куруш стал своим людям раздавать команды и через мгновение все вокруг завертелось. На шлюп понесли сундуки с монетами, амфоры с вином, мешки с тканями, а со шлюпа бутылки с водкой и маслом.

Прощаясь с Курушем, подарил ему бадейку с пятью килограммами соленых картофельных чипсов и кукурузных хлопьев.

На шлюпе с трудом все разместили, кроме пяти амфор с вином. Пришлось их продать за 10 драхм мытарю, который клятвенно пообещал, что в следующие посещения Именя, он мыто с нас брать не будет, но верится с трудом.

В семь вечера отдали швартовые и пошли под попутным ветром ходко домой.

В пути знакомился с детьми. Все ребятишки были светловолосыми, почти блондины. Глаза светло серые, скорее серо-голубые. Говорили они на языке близком к угорскому, во всяком случае было много однокоренных слов, так что языкового барьера между нами не возникло. Из бесед с детьми выходило, что они зыряне. По их общению между собой дети были как минимум из шести разных поселений. А вот их истории были одинаковые, на поселения напали враги, родителей убили, а их из поселений увезли и продали.

— Меня зовут Владимир, я король Руссов. С сегодняшнего дня вы все тоже русские и я ваш король. Я сделаю вас сильными и ловкими, научу владеть оружием, различным ремеслам, а когда вы вырастите, мы вместе найдем ваших врагов и отомстим за смерть ваших родителей.

Притихшие дети смотрели мне в глаза и слушали очень внимательно. Михаил продемонстрировал свои навыки обращения с луком и метательными ножами. В импровизированную мишень трижды выстрелил из лука, попав точно в яблочко, также метко метнул ножи.

— Вы также, как Михаил, научитесь стрелять из лука и метать ножи, а еще биться на мечах и саблях, скакать на лошади. Нам идти на шлюпе до дома двадцать дней, спать придется в тесноте, но надеюсь неудобства мы переживем.

Парфянского мальчика звали Ракс. Познакомил его с Аршаком.

— Аршак, Ракса я выкупил из рабства, у него нет родителей, надеюсь вы подружитесь. Ракс будет тебя учить парфянскому языку, а ты его русскому. Дома вы будете жить в одной комнате.

Детей кормили молоком, молоком с кукурузными хлопьями, потом рыбными бульонами, потихоньку увеличивая порции, восстанавливали работоспособность желудка, на третьи сутки перешли к нормальному питанию. Приступил к обучению их русскому языку, начальному счету, развивал моторику.

Ракс еще учил Аршака парфянскому языку. К ним в свободное время от вахты и занятий с детьми присоединялись я, Михаил и Савлий. У Ракса было полтора десятка глиняных пластинок с начертанным на них письменами размером с тетрадный лист. Рамка из бамбука, в которой он тонким слоем раскатывал глину, а после бамбуковой палочкой писал текст, притом справа налево. Парфянский алфавит состоял из двадцати двух букв. Для ускорения изучения письменного языка, выдал бумагу, очиненные утиные перья, чернильницу.

Удивлению Ракса, когда он увидел листы бумаги, не было предела. Как я понял из его рассказа, в Парфии для письма употреблялись глиняные таблички, а указы царей наносились на глиняные колонны, устанавливаемые в городах. Пергамент использовался только для официальных документов — наделение земель, разрешение на торговлю.

Проанализировав сделку с купцом пришел к выводу, что она удалась. Купец получил эксклюзивный товар — стеклянные бутылки. Сдавать поставщика интереса у него нет, для него я курица несущая золотые яйца, хотя купцы во все времена шпионили в интересах своих государств. Когда Куруш распробует крепкие спиртные напитки, то и за них уцепится. В будущем удивлю его томатной пастой и аджикой, оконным стеклом и зеркалами, бумагой и мылом. Я же получаю стабильные поставки шелка, хлопчатобумажной ткани, хлопка сырца, парфянских лошадей для тяжелой конницы и конечно вагон и маленькую тележку золота и серебра, которые ой как мне пригодятся в скором будущем.

В пути обошлось без происшествий. Идя по Сылве, перед заходом в устье реки Шаквы, сделали остановку на дневку, спрятавшись в небольшом заливчике, на стрелке, образованной впадением реки Ирень в реку Сылву, где в мое прежнее время находился город Кунгур.

Оставив за старшего Михаила, сам по сходам спустился на берег. Поднявшись по крутому утесу высотой около шести — семи метров, влез на дерево, осмотрелся, присутствие людей не обнаружил. Спустившись к шлюпу, дал команду на сход на берег. Всем надо размяться. А сам, стал обследовать полуостров, образованный двумя реками.

Полуостров имел неправильную вытянутую геометрическую форму, зажатый с двух сторон петляющими руслами двух рек. Длина полуострова до перешейка составляла около трех километров, ширина в самом узком месте около километра, в широком достигала почти двух километров. Ширина перешейка не превышала двухсот метров. Лес на полуострове был смешанным и ни чем не отличающийся от леса, окружающего усадьбу, с такими же буреломами. Следов человека на полуострове не обнаружил.

"Подходящее место для укрепленного поселения," — откладываю в своей памяти. — "А может быть и для крепости. Если хорошо оборудовать, то фактически поселение будет непреступным. Окруженное со всех сторон водой, не считая перешейка, защитить крепостицу можно малыми силами. Лет через пять можно заняться возведением."

Взобравшись на дерево, стал осматривать в прицел окрестности. Обзор был великолепный, русла рек Сылвы, Ирень, да и Шаквы просматривались вверх по течению километров на десять. Сылва вниз по течению просматривалась километров на семь. Уже собрался прекратить наблюдение и спустится на землю, как снизу по течению заметил долбленку, поднимающуюся вверх по течению. В долбленке пять человек, четверо на веслах, один на носу.

В течение пятнадцати минут продолжаю наблюдать за долбленкой. Поведение сидящего на носу человека кажется странным. Он периодически наклоняется к воде, зачерпывает ладонью воду и толи пьет, толи ее нюхает. Через пару километров, сидящий на носу, поднимает руку и машет в сторону левого берега, где в Сылву впадает небольшая речка. Долбленка поворачивает и заходит в впадающую в Сылву речку и скрывается за зарослями из вида.

Спустившись с дерева, бегу к месту швартовки шлюпа. За пятьдесят метров перехожу на спокойный шаг. Бегущий вождь может вызвать панику, поэтому медленно спускаюсь к шлюпу. Михаил как раз закончил разминку. Спокойным голосом даю команду ребятишкам подниматься на борт и размещаться по своим уже привычным местам в трюме и каюте. Минут за двадцать все ребятишки погрузились на борт.

Для Михаила, Савлия и Аршака объявляю боевую тревогу:

— Похоже купец послал за нами хвост на долбленке из пяти человек. Сейчас они зашли в приток Сылвы, если вернутся и продолжают путь вверх по течению, то они точно следят за

нами.

— Как далеко они от нас, — интересуется Михаил.

— Километрах в пяти вниз по течению.

— Раз они сейчас находятся в притоке Сылвы, мы можем быстро пройти в Шакву и они нас не заметят.

— Нет, будем принимать бой, они и так слишком близко к нам подобрались. Живыми их оставлять нельзя. Всем приготовиться к бою, проверить арбалеты и бензиновые бомбы, особенно запалы. Занимаем оборону на шлюпе. Михаил распредели сектора обстрела. Всем надеть маскировочные халаты. Я пока продолжу наблюдение.

Взобравшись на дерево, продолжаю наблюдение. Минут через двадцать из притока в Сылву выплывает долбленка и идет вверх по течению. Пройдя с километр, сидящий на носу долбленке человек, зачерпнув в очередной раз воду, делает знак рукой, после которого лодка замедляет скорость движения, приблизившись к левому берегу, фактически крадучись, продолжила движение в нашем направлении.

Когда до лодки остался один километр, стало понятно по траектории движения, что наши преследователи будут заходить в приток Сылвы. Спускаюсь к шлюпу, даю команду всем переместиться на косу, заросшую мелким кустарником, закрывающую от реки заливчик, где пришвартован шлюп. Занимаем позиции на берегу косы, замаскировавшись в кустарнике. Распределяю цели:

— Аршак, стреляешь в первого гребца ближнего к нам борта, Салвий — во второго, Михаил — в первого гребца дальнего борта, я — во второго. Стреляем в голову, на теле под одеждой может быть защита. После перезарядки, если будут недобитки, каждый добивает своего, если нет, стреляем по сидящему на носу. Всем понятно?

Ребята кивают головой. Начинается ожидание. Через пятнадцать минут появляется долбленка, идет на расстоянии от нас метрах в сорока, бензиновую бомбу из положения лежа вряд ли докину, значит только стрелять. Когда лодка поравнялась с нашей засадой, знаком даю команду на стрельбу.

Четыре выстрела, четыре трупа. Первым перезаряжаю арбалет и добиваю пятого, он бедняга даже не успел понять, что попал в засаду. Я дальше раздеваюсь, плыву к долбленке и работая буксиром, толкаю её к берегу.

Обыскав аборигенов, ничего представляющего для нас интерес, за исключением двадцати серебряных парфянских монет, не обнаружили. Вырезав болты, к ногам трупов привязали камни, обвязанные бочковыми узлами, и спустили их на корм рыбам и ракам.

Вернувшись на шлюп, с удивлением обнаружили, что практически все ребяташки спят сладким сном. Стараясь не шуметь, отдав швартовы, пошли домой. Чтобы не оставлять следов, долбленку взяли на буксир с собой.

Больше приключений не было и 30 мая прибыли домой.

С наблюдательной вышки нас загодя заметили, отсемафорили, что все в порядке и когда мы подошли к мосткам для швартовки, на берегу нас встречало все племя.

После радостных приветствий, обнимашек, знакомства с вновь прибывшими, сообщил что за ужином будет праздничный стол с восточными сладостями. Эвике и Ладе передал корзинки со сладостями и корзинку с подростками щенками хаски.

Пока новички моются в бане и примеряют новую одежду, разгружаем шлюп, и я осматриваю усадьбу. Эвика, Лада Николай, Борис, Иван как всегда на высоте, в усадьбе чистота и порядок, все младшие здоровы и при деле.

После новичков, я, Михаил, Аршак и Савлий попарились в бане, а затем приступил к решению административных вопросов.

В целях предотвращения разделения новичков на группы по прежнему проживанию в поселениях, расселил всех в разную по комнатам. Стали жить по три человека, притом на одного старенького, приходилось два новичка из разных поселений. Таким образом новички быстрее адаптируются к новым реалиям и выучат русский язык.

После сладкого ужина, у меня в мезонине собралась старая гвардия. Рассказал о походе в городище Имень, о встрече с купцом и об уничтожении шпионов, посланных купцом по нашим следам. Также показал, на нарисованной мной карте, предполагаемое место, для строительства в будущем поселения с крепостицей.

— Что ты собираешься сделать с купцом? — спрашивает Николай.

— Да ничего с ним делать не надо. Купцы всегда хотят знать о своем контрагенте все, его слабые и сильные стороны. Просто в следующий раз будем осторожнее. Подумать просто надо, как ходить в туалет детям, когда их много на борту, а шлюп идет против течения.

— Место для крепости хорошее, — это уже Борис. — Доставить туда бревна и кирпичи просто будет. Свяжем из бревен плоты, загрузим кирпичами и сплавим по Шакве вниз по течению.

— Хорошая идея, но пока рано строительством крепости там заниматься, надо чтобы наши ребятки подросли. А сейчас займемся текущими делами, — возвращаю всех к сегодняшнему дню.

Далее продолжаю:

— Нас 98 человек, 57 мальчиков, 40 девочек и я. Потребление всего, от продуктов и одежды, до продукции химии возрастает минимум в два раза, а закладывать на ближайшее время надо в три раза, — начинаю совещание. — Какие будут предложения?

Первой берет слово Лада:

— По продовольствию: запасов зерна, моркови, бобовых, лука, чеснока, сушеной зелени хватит на год, как соли и молотого красного перца. Картофеля переизбыток, хватит года на полтора. Рыба и мясо утки всегда свежие, добываем ежедневно. До загонной охоты мороженого мяса хватит. Удой молока 80 литров в день, с учетом привезенных сегодня коров, молока как минимум будет 140 литров, если раздоим — будет больше. Но еще 3–4 коровы нужно для покрытия всех молочных потребностей, самого молока, масла, сметаны, творога, сыра. Уж больно детям сырники и блины со сметаной по душе пришлись, — смеется и продолжает:

— Козье молоко — 50 литров, практически все идет на изготовление сыра, его мало кто пьет, предпочитают коровье. Курицы дают 15 яиц в день, но растут еще 15 курочек. Солода много, спиртного около тысячи литров. Подсолнечного масла 400 литров. Томатной пасты осталось 35 литров, аджика закончилась, по одной 30 литровых бочек соленых огурцов и помидор, 20 бочек квашенной капусты, по 5 бочек маринованных болгарских перцев и кукурузы. Копченой колбасы — 150 кг, пеммикана — 370 кг, сушеных грибов 40 кг, сушеных ягод до нового сбора хватит. Кормов для скота в достатке. Деревья в саду отцветают, судя по цветению можно ожидать небольшой урожай. Поймали 36 семей пчел, теперь 76 ульев. Желательно купить двух волов и пару десятков куриц. Картофель пора переработать в крахмал и чипсы. Нехватки продовольствия нам не грозит.

Второй докладывает Эвика:

— По дому все в порядке, больных нет, русским языком владеют все, умеют читать и считать, складывать и вычитать, освоили таблицу умножения. Бумаги изготовлено пять тысяч листов. Напечатали 50 экземпляров твоего учебника русского языка, набираем математику. Надо по 20 экземпляров букваря и арифметики допечатать для новеньких. Запасы нитей и красок достаточный, все девочки научились вязать, прясть и ткать, почти все овладели шитьем на машинках. Одежды с избытком: у девочек по два льняных сарафана, у мальчиков по паре рубашек и штанов, еще у всех по комплекту холщовой одежды. С обувью тоже все в порядке. Новичков одели также, как и остальных. У всех на зиму будут вязанные шерстяные шарфы. Запас сотканной ткани еще комплектов на сто. Одежда из кожи у всех, к концу осени для новеньких сошьем зимнюю одежду. С учетом тобой привезенных шкур и кожи запаса для зимней одежды, а также обуви, хватит на триста комплектов. Но надо помнить, что все мы растем. Для ускорения пошива потребуется увеличить количество швейных машинок в два раза, но это не срочно.

Потом Николай:

— Военное обучение идет по твоей программе, тренируем скорость и ловкость, на лошадях держимся уверенно, освоили шаг и рысь, все умеют стрелять из арбалета, точность и время перезарядки высокая. Осваиваем стрельбу из лука, но еще рано говорить о результатах, для полного натяжения тетивы силенок пока маловато. Посменно осуществляется охранение на наблюдательных вышках, все освоили «семафор». Начали тренироваться ходить на каяке под парусом. Заготовка леса постоянная, лес на пять километров на запад и север очистили от бурелома, перетаскав древесину на волах. Лесопилка работает безостановочно, заготовок хватит еще на одну усадьбу. Для строительства мельницы материал подготовлен. Для усадьбы вся мебель изготовлена. Бочковой тары в достатке.

Следующий Борис:

— Керамической посудой все обеспечены, дефицита нет. Керамических бутылок более тысячи штук. Винокурня работает. Основная работа связана с изготовлением кирпичей, черепицы, труб. Кирпичей на сегодняшний день изготовлено более 30 тысяч штук из них огнеупорных более тысячи.

И завершает Иван:

— Вся кожа переработана, на сегодняшний день необработанных шкур нет. По химии производим требующееся по мере надобности, при этом есть небольшой запас. Коктейлей Молотова готовых к использованию 1100. Запас керосина двести литров, бензина — триста, мыла двести штук. Оконного стекла 100 штук, запас ламповых плафонов 50 штук,

стеклянных стаканов 300 штук. Основная работа — производство литровых штофов для спиртного и 250 мл бутылок с широким горлышком для аджики и томатной пасты. Их запас 700 и 400 бутылок соответственно. Запаса соды хватит только на два месяца.

Подводя итоги озвучиваю свое решение:

— Через две недели пойду в Ибыр за четырьмя коровами, двумя волами, содой, курицами и еще может детишки будут, но не думаю, что много. Через год еще шесть лошадей должны привезти. На обмен в Ибыр, кроме водки и подсолнечного масла в керамических бутылках, возьму картофельные чипсы. До отъезда возводим мельницу.

— С чем чипсы делать, сколько и во что упаковывать? — наморщив лобик, в раздумье интересуется Лада.

— Делать из килограмм двухсот картошки, с солью, с солью и луком, с солью и чесноком. Упаковка самая простая, но при этом крепкая, способная не дать чипсам раскрошиться.

— Могу слепить из глины высокие стаканы, типа бутылей, но без горлышка, — предлагает Борис.

— Завернуть в бумагу, — неуверенно высказывается Эвика.

— Боря хорошую дал идею, но делать надо не керамические, а плести из лозы длинные коробки, — опять наморщив в задумчивости лобик, выдает свою идею Лада.

Еще поступило несколько предложений по хранению в бочках, мешках, корзинках. Резюмирую:

— Предложение Лады принимается. Но из лозы плести каркас не стакана, а шкатулки, что бы туда полкило чипсов помещалось, дальше оплетать соломой. Плести наверняка новые ребятишки умеют, если нет, то Лада и Эвика их научите, пусть моторику развивают.

— Что делать с шелковой тканью? — это уже Эвика.

— Лада и Эвика вы шьете себе по два наряда, а также рубашки Николаю, Борису, Ивану Михаилу и мне для парадного выхода. Остальной шелк неприкосновенный запас.

Только хотел закончить совещание, как Иван из рюкзака, висящим у него за спиной, достает две не большие шкатулки, ставит их на стол и медленно открывает. Внутри шкатулок находится по куску мыла, а по кабинету начинает распространяться запах цветущей черемухи. Все разом притихли, впились глазами в куски мыла, а затем не сговариваясь смотрят на Ивана. А Иван стоял перед столом с самым невинным видом, как будто он тут ни при чем, но не выдерживает и расплывается в широченной улыбке.

— Как?!

— Я собрал цветки черемухи, немножко похимичил, сварил отвар и использовал его вместо воды при варке мыла.

Не успел Иван договорить, как Эвика и Лада, практически синхронно уставились на него умоляющим взглядом. Николай, Борис и Михаил захихикали. Иван посмотрел на меня, в ответ я прикрыв глаза кивнул, после чего он широко улыбнувшись, махнул рукой:

— Забирайте! Девчонки, принес специально для вас. Но запах пока не стойкий, быстро улетучивается, надо еще поработать... — далее уже обращаясь ко мне. — Я другие еще цветы и травы пробую использовать, не все еще получается, но к осени сортов пять-шесть душистого мыла думаю получить.

«Какие же молодцы.» — слушая ребят, думаю про себя. — "Определились три будущих ярких лидера — Николай в военной сфере, Эвика и Лада в управлении поселением, при этом, девчонки фактически конкурируют между собой. Иван — "ботаник", химия похоже его

полностью полонила. Борис спокойный и рассудительный, в его хозяйстве всегда полный порядок — растет рачительный хозяин. Михаил лучший "пластун", пока лидерские качества не проявляет, но просматривается интерес к управлению шлюпом.

Утром закипела работа. А я с Михаилом принялись за строительство мельницы. Использовали при строительстве доступные средства механизации, кран-балку, лебедки, в качестве тяговой силы — вола. Управились за четыре дня. Еще день потребовался для наладки и в конце пятого дня смололи первую муку. Дальше перешли на скотный двор, где увеличили конюшню, коровник, овчарню и поставили второй курятник. По окончании строительства сходили на охоту, добыли четырех косуль.

За пару дней перед отъездом, Николай предложил провести проверку спортивной и боевой подготовки ребятишек на тренировочном полигоне:

— Володя, ты просил подобрать двух лучших ребят на шлюп, вот сам на них в деле и посмотришь.

На полигоне на старт вышли 17 парней, в том числе Савлий и Аршак и 20 девчонок. Новички, построившись неровной шеренгой, расположились чуть в стороне.

Обращаюсь к новичкам:

— Вы увидите, чему можно научиться за один год. Ребята, принимающие участие в соревновании, еще год назад были такими же как вы неумежами. Так, что все в ваших руках.

— Приготовиться... Марш! — отдает команду Николай.

Детвора сорвались с места, вначале был двух километровый кросс по пересеченной местности. Бежали плотной группой, за сто метров перед полосой препятствий вперед вырвались четверо — Аршак, Савлий, а также Олег и Денис из ребят, которых в прошлом году я привез из городища Ибыр. После кросса по три выстрела лежа из арбалета с перезарядкой. Первым был Аршак, за ним Денис, третьим Савлий и замкнул четверку Олег. Остальная группа, закончив кросс, только начала приступать к стрельбе.

«Отстают всего на минуту» — удовлетворенно отметил про себя.

Далее преодоление препятствий — бревно, забор, десять подтягиваний, подъем по канату на дерево, откуда форсирование двадцатиметровой «речки» по натянутому канату, спуск по канату, далее метание в цель гранаты на 25 метров, скрытное перемещение ползком через пятидесятиметровую просеку, бросок гранаты на меткость, опять бревно, забор и пятидесятиметровый спринт.

Первым финишировал Аршак, через 10 секунд Савлий, который на последних метрах на секунду обогнал Дениса, с отставанием в пять секунд четвертым закончил Олег. Финишировавший пятым, отстал от Олега на 40 секунд, и что удивительно это была Опис — сарматская девочка. Остальные финишировали практически плотной группой, замыкающий отстал от Олега всего на три минуты и то это была младшая сестра Опис — Оре.

Остался довольным, финишировали практически плотной группой, все ребятишки из арбалета попали в цель, в бросках гранаты конечно были недолеты, но менее чем на пятнадцать метров никто не бросил.

— Аршак! Поздравляю тебя с победой! Все молодцы! Никто не подвел. Денис и Олег завтра отправляются со мной на шлюпе в плавание. Опис, как лучшая среди девочек, награждается корзинкой сладостей.

Больше всех радовался победе Аршака Ракс.

«Похоже они подружились, а Аршаку в будущем понадобится верный кунак», — резюмировал я про себя.

Утром 14 июня загружаем шлюп товаром — тысячей упаковок чипсов, 600 литровых керамических бутылок со спиртным, 500 бутылок и 100 пятилитровых бочонка с маслом, а также кормом для скота, запасом пищи для экипажа, оружием и в большом количестве бензиновых бомб. Со мной отправляются Михаил, Аршак, Савлий, Денис и Олег, последние двое аж светятся от счастья.

Провожала нас только старая гвардия. Эвика и Лада повязали нам шелковые нашейные платки. Когда Эвика повязывала платок мне на шею, пришлось наклониться. Эвика, положив руки мне на плечи, подняла голову, чмокнула меня в щеку и моментально покраснев, отбежала метров на пять и утирая слезу промолвила:

— Володя и вы ребята, возвращайтесь быстрее. Мы вас ждем!

Вот от кого, так от всегда спокойной и практически безэмоциональной Эвики, сентиментальности не ожидал.

— Мы скоро вернемся, — последним поднимаюсь на борт. Командую — Отдать швартовы.

Шлюп медленно отчаливает. Провожаящие помахав руками, уходят. Только стройная фигурка еще оставалась на берегу. Эвика, махала нам вслед рукой, пока шлюп не скрылся за поворотом.

«Вот, что это было? Ей только одиннадцать лет» — вздохнул про себя и у меня невольно защемило в груди.

До прошлогоднего места ночевки в тридцати километрах от городища Ибыр добрались за семь дней. В пути ребяташек гонял в хвост и гриву, отрабатывали смену галса, лавирование, хождение острым и полным курсом, повороты оверштаг и фордевинд, управление парусами и такелажем, а также защиту шлюпа, стрельбу из арбалета с качающейся палубы, в движении и по перемещающейся цели.

Утром пришли в Ибыр. Пришвартовались практически на том же месте, что и в прошлом году. К причальной стенке пришвартованы две ладьи, на которые идет погрузка соли, на кесе долбленки и насады, которых намного больше, чем в прошлый заход.

В городище беру с собой Савлия, остальным приказываю одеть кольчуги и находиться в полной боевой готовности:

— При опасности, немедленно рубить швартовы и уходить на шлюпе, нас не ждать, главное сохранить себя и судно.

Не успели с Савлием по сходням сойти со шлюпа, как появился старый знакомый — мытарь.

— Приветствую тебя, уважаемый чужестранец! Жителя Ибыра целый год только о тебе и твоём чужеземном товаре вспоминают. Привез ли ты огненную воду и солнечное масло?

— Здравствуй, уважаемый! Я рад вновь оказаться в прекрасном городище Ибыр. Я привез и огненную воду, и солнечное масло, и чипсы, которые можно длительное время хранить и есть как хлебные сухари.

Бросаю мытарю серебряный рубль, поймав который, мытарь моментально прячет у себя за пазухой.

Идем с Савлием на торг, таща на себе часть товара для рекламной компании.

«Черт...» — ругаюсь про себя. — «Надо было взять с собой хотя бы одну тележку, из десятка, используемых дома в хозяйстве».

На торгу, по сравнению с прошлым годом, народу прибавилось, даже торговцы рабами появились. Среди рабов было полтора десятка ребятишек, выглядели они страшно, кожа да кости.

В арендованной лавке вновь организую презентацию, но сегодня делаю упор на чипсы. На халявную выпивку потянулись мужики. Когда собралось около двух десятков, открываю две упаковки чипсов и наливаю в глиняные стаканы по тридцать грамм водки. Мужики выпили и стали, сначала с осторожностью, а потом войдя во вкус, закусывать чипсами. Упаковки моментально опустели, пришлось выставить еще две, которые тоже не задержались. Чипсы явно народу понравились. Объявил, что продажа будет осуществляться со шлюпа за обработанные бычьи и оленьи шкуры, а также за овчину.

С Савлием отправился к загонам для скота, где приобрел четыре дойные коровы, двух молодых волов, 70 кур несушек и пять петухов. Дальше к работоторговцу, который даже торговаться не стал, когда я за шестнадцать детей предложил 32 бутылки спиртного. Савлия отправил сопровождать на шлюп детей, наказав напоить их молоком, не более чем по сто грамм. Откармливать будем постепенно.

С торговцами солью и содой торговался азартно и самозабвенно. Приобрел по двадцать пятидесятикилограммовых корзин соли и соды за 10 золотых, 10 бочонков солнечного масла, 100 упаковок чипсов, 50 бутылей огненной воды. Мытарь за три бутылки виски, уж больно они ему понравились, и серебряный рубль, организовал мужиков на погрузку корзин на шлюп.

Обойдя лавки ремесленников, купил подарки для старой гвардии, парням по кожаному поясу приличной выделки, а девчонкам по пуховому платку.

К шести часам вечера практически полностью расторговались. Осталось семь упаковок чипсов, две бутылки масла и 6 бутылей спиртного. В трюме 67 бычьей, 246 оленьих выделанных шкур и 484 овчины. Также 180 шкурок горноста и 100 соболя. Принес их светловолосый невысокого роста жилистый тридцатилетний мужчина, то ли купец, то ли охотник, но народ отнесся к нему с уважением, когда он приблизился к шлюпу, мужики расступились и он с мешком за спиной поднялся на борт.

— Здравствуй, чужеземец! Я Чоткар из племени Волка!

— Здравствуй, Чоткар! Я Владимир из рода Руссов!

— Ты берешь мех в обмен на товар? Мне нужно золото и немного солнечного масла, — выкладывает из мешка на палубу шкурки соболя и горноста.

«Плащ, нет, мантия из горноста для короля в самый раз будет!» — ухмыляюсь про себя.

Торговались недолго, шкурки соболя и горноста купил за 40 золотых, 30 бочонков масла, 400 упаковок чипсов и 100 бутылей спиртного.

Ослабленные детские организмы от недоедания, молоко усвоили без каких-либо последствий. Вывел детей на небольшой пляж и каждого ополоснул на мелководье, одел в новые холщовые рубахи и на борту разместил ребятишек в каюте.

Старейшины городища Ибыр в этот раз встречаться со мной не стали. Не думаю, что о моем приходе им не доложили. Неоднократно, находясь на торгу, замечал на себе долгие взгляды стражников. Наверно это к лучшему, не достаточно я еще влиятельный и нет за мной еще той силы, чтобы общаться с ними хотя бы на равных.

Пора отправляться домой.

Отдав швартовы, вышли на середину Камы и под острым курсом со скоростью 3 узла пошли вниз по реке. Пообщался с детьми, шестью мальчиками и десятью девочками. Дети все черноволосые, цвет глаз темно серый, язык похож на угорский, но диалект отличается, от зырянского и от диалекта, отданных мне в прошлом году старейшинами Ибыря, ребятишек. Своих имен, никто не знал. Так, что нарекать придется мне. Их история, ничем не отличалась от истории других ребятишек — на поселение напали, потом их долго везли на лодках, передавали из рук в руки, в пути умерло двенадцать детей, в конце они оказались в Ибыре, где я их и выкупил.

На ночевку встали, как и в прошлом году, за островом. До наступления вечерних сумерек, всматривался в речную даль пройденного пути, но никаких преследователей не обнаружил. Покормили детей небольшими порциями кукурузных хлопьев, разбавленных молоком и разместили на ночлег. Ночь прошла спокойно и ранним утром тронулись в путь. Утром также не выявил ни одного соглядата. В пути, как всегда, приступил к обучению ребятишек русскому языку и счету.

Через два дня, при подходе к устью реки Чусовой меня охватило чувство тревоги. Сходу в Чусовую решил не заходить, встав на якорь за заросшим порослью ивы и осины островком. Берег находился в ста метрах, которые преодолел вплавь, взобрался на дерево, растущее на утесе, практически на стрелке, стал осматривать окрестности.

По Чусовой, практически уже в устье, плыли по течению сотни плотов, на которых находились люди, лошади, крупный и мелкий рогатый скот. На части плотов возвышались шалаши и кибитки. Первые плоты вошли в Каму, воды которой понесли их вниз по течению. По внешнему виду, похожи на сарматов.

Прошло два часа, а плоты все шли и шли. Спустился обратно к реке и просемафорил на шлюп, что наша стоянка будет долгой и вернулся на наблюдательный пункт. Плоты сплавлялись еще три часа. По приблизительному подсчету, переселялось сарматское племя, насчитывающие в своих рядах шесть — семь тысяч человек.

Переселенцы по Каме будут сплавляться вряд ли дальше двухсот — трехсот километров. Если им нужно нижнее течение Камы, то сплавлялись бы по реке Белой, впадающую в Каму значительно ниже по ее течению.

«Как их встретят местные племена? Просто так землю никто отдавать не будет. Драться будут. И чем мне это грозит? Похоже нам надо серьезно заняться нашей безопасностью. Не пора ли "придумать" порох?» — задумался я.

Еще час понаблюдав, убедившись, что отставших переселенцев нет, вернулся к шлюпу. Подняли якорь и вошли в Чусовую. Курс полный бейдевинд. Поставили спинакер. До Сылвы просто летели, выдавая не меньше 14 узлов. Войдя в Сылву, спинакер убрали, много поворотов, но скорость приличная 6–7 узлов.

Километров через двадцать, войдя в очередной поворот русла реки, скорость хода пришлось резко сбавлять и прижиматься к берегу. На встречу нам двигался огромный плавник, состоящий из сцепившихся между собой десятков полуразбитых плотов. Каких-либо признаков наличия людей на этой шаткой конструкции не было. Пропустив, идущий вниз по течению, деревянный остров, отметил про себя, что переселенцы справлялись именно по реке Сылве.

Днем 1 июля без приключений пришли домой. Встречать вышло все племя. Знакомлю с новым пополнением, которое Эвика и Лада сразу забирают парить в баню. Остальные

разгружают шлюп, а затем команда остается драить палубу и трюм. После уборки, я, Михаил, Савлий, Аршак, Денис и Олег отправляемся в баню.

Племя увеличилось, не считая меня, до 113 человек — 63 мальчика и 50 девочек.

После ужина старая гвардия собирается у меня в мезонине. Раздаю подарки: Эвике и Ладе по пуховому платку, Николаю, Борису, Ивану и Михаилу по кожаному поясу. Все радостно рассматриваю подарки, Лада примеряет платок, только Эвика, принимая подарок, сконфузилась, покраснела, но вскоре собралась и накинула на плечи платок.

«Дела, похоже девочка в тебя старик влюбилась», — сверкнула мысль.

— Как будем расселять новеньких? — возвращает меня из задумчивости Эвика.

— Новеньких по одному подселяем к старичкам. На втором этаже левого крыла у нас больше половины комнат свободны. Пора их заселять. Эвика и Лада занимайте каждая по одной комнате в левом крыле. Николай, Борис, Михаил и Иван также по двое заселяйтесь на второй этаж и туда же переселите Аршака с Раксом. Остальные парни живут по трое на первом этаже правого крыла и там будет одна свободная комната, а у девочек на втором этаже останется четыре свободных комнаты.

Дальше Лада:

— Урожай ожидается хороший, за счет удобрением навозом и сидерации, лучше, чем прошлогодний. Особенно много кукурузы. Заморозили в леднике осетров, стерлядь, кумжу, хариусов, жерехов и судаков, засолили по три бочки черной и красной икры. С учетом привезенных тобой коров, молочной продукции достаточно.

— Раз кукурузы много, то попробуем из нее делать сахар, — отвечаю Ладе.

— Сахар? — переспрашивает Лада.

Все остальные старички также вопросительно смотрят на меня.

— Это такие же кристаллы как у соли, только сладкие, — предаю Ладе инструкцию по производству сахара из кукурузы, написанную в плавании.

И далее продолжаю:

Из зеленой массы кукурузы, помимо силоса, еще можно получить спирт и изготовить сырье для производства бумаги. Зерна пшеницы, ячменя и ржи тоже много понадобится. На Каму переселилось 6–7 тысяч сарматов. Вряд ли у них большие запасы зерна, а тем более круп и муки, ранней весной они у нас много купят, а деньги у них должны быть.

— А когда срезать початки и с какой площади посева кукурузы? — читая инструкцию, спрашивает Лада.

— Срезай с одной сотки уже завтра. За месяц — полтора стебли и листья накопят сахарозу. Если все правильно сделаем, килограмм сто сахара должно получиться.

— Это сколько же надо вырубить леса, чтобы на плотках семь тысяч человек перевезти, да еще и со скотом? — задумчиво произносит Борис.

— Да, территория вырубки должна быть огромна и при том, рядом с берегом реки. Зимой надо будет разведку произвести. Напрямик, если идти на юг, до русла Сылвы не так далеко. Заодно осмотримся там, может еще какое местечко интересное заметим на будущее. Попутно сани испытаем.

Далее продолжаю уже для Ивана:

— Пора наших девочек порадовать, хватит им свое отражение в воде рассматривать. Стекло ты уже варишь полностью прозрачным, так что будем лить зеркала на золотой и серебряной основе. А для предотвращения военных угроз, пора серьезно вооружаться. Будем делать порох, ингредиенты у нас все есть: селитра, сера и уголь. Возьми инструкцию с

пропорциями ингредиентов и последующего гранулирования. Только сейчас прочти, а завтра утром мы вместе зеркала и порох начнем делать.

Услышав про зеркала и поняв, для чего они нужны, девчонки вскочили со стульев с восторженными возгласами и захлопали в ладоши.

Далее для Николая:

— Надо готовить материалы для строительства второго шлюпа, делать будем по старым чертежам.

— А кто капитаном второго шлюпа будет? Одно дело под твоим командованием ходить и совсем другое без тебя, вряд ли кто справится, — высказывает свои сомнения Николай.

— Команда у нас есть, Михаил вполне успешно справляется с управлением, в последнем плавании, я практически в его руководство не вмешивался, да и ты с Борисом вполне справитесь. Для управления шлюпом вполне хватит двух человек, а у нас уже есть состоявшиеся матросы — Савлий, Аршак, да и Денис с Олегом себя хорошо проявили, а за лето и осень еще четверых научим.

Утром после тренировки, отправив учеников Ивана в распоряжение Эвики для помощи по хозяйству. В пропорции 75 процентов селитры 15 угля и 10 серы делаем с Иваном порох, через сито просеиваем и затем гранулируем.

С зеркалами пришлось повозиться и вспоминать уроки химии за седьмой класс. Вымыли и обезжирили шесть стекол, по краям из воска сделали на них бортики и положили на ровную поверхность. Золотой ауреус и два серебряных драхма растворил в азотной кислоте в двух стеклянных колбах с широким горлышком и получил нитрат золота и серебра, которые разбавили в горячей воде и аккуратно залили на стекла — два серебряным, два золотым и два смесью золота с серебром, добавил горячий раствор гашеной извести и селитры — нашатырный спирт, образовались оксиды золота, серебра и золота с серебром, добавил горячий раствор с глюкозой — мед в горячей воде растворил и минут через пять на стеклах образовался тонкий слой золота, серебра и золота с серебром.

— Фу, какая гадость. — отреагировал Иван на исходивший от химической реакции запах.

— Отойди подальше, скоро реакция закончится.

Подождав минут пятнадцать полного охлаждения раствора, слил жидкость в отдельную емкость и устался на свое довольное и улыбающуюся в тридцать два зуба физиономию, отраженное зеркалом. Затем повернул зеркало в сторону Ивана.

Мальчишка бросил на меня растерянный взгляд и устался на собственное перепуганное изображение в зеркале. Задвигал руками и стал чесать свою макушку. То, что изображение в зеркале повторило его движение, вызвало у него скорее испуг, чем недоумение. Глаза его были широко распахнуты, в них отражалась вся гамма чувств его охвативших. Через секунду он был уже радостный, в восторге от увиденного, обхватил меня за плечи, стал трясти и с энтузиазмом кричать что-то невразумительное.

— Вот это, да! Вот это, да! — кричал он и корчил рожи, смотря на свое зеркальное отражение.

— Ну все, все. Успокойся! И позови сюда Николая, Бориса и Михаила. Эвике и Ладе пока ничего не говори, будет для них сюрприз.

Иван побежал за ребятами, а я стал внимательно осматривать зеркала. Увиденное превзошло все мои ожидания. Отражающий слой серебра, золота, и золота с серебром лег тонким ровным слоем, светоотражающая способность зеркальной поверхности была просто

зашкаливающей и явно превышала 85 процентов у всех видов покрытия. А если стекла предварительно отполировать, то светоотражение может достичь и 90–95 процентов. Для завершения работы, осталось только покрыть светоотражающие слои защитным лаком и вставить зеркала в рамки. Для нас хватит простых деревянных рамок, а вот для экспорта в Парфянское царство, над дизайном рам нужно подумать.

Мои размышления прервало появление парней, которые шли быстрым шагом, только Иван двигался в припрыжку, махал руками и с энтузиазмом что-то вещал ребятам.

— Вы все видели свое отражение в воде, а теперь увидите его в зеркале, — беру в руки одно зеркало и поворачиваю его в сторону подошедших ребят.

Реакция у парней была не столь бурной, как у Ивана, всё-таки своими рассказом он их подготовил, но эффект неожиданности, переходящий в восторг, был у всех. Когда ребята, корчив рожицы, махая руками, насмотрелись на свое изображение и успокоились, возвращаю их к насущным делам.

— Покрываем светоотражающий слой защитным лаком. После высыхания лака, Николай, делаешь на четырех зеркалах деревянные рамки с кронштейном для крепления на стене. Два зеркала повесим в комнатах Эвики и Лады, одно в мезонине и еще одно в холе первого этажа усадьбы, пусть все детишки на себя любуются. Для двух с серебряным покрытием Николай и Борис подумайте над красивой рамой, эти зеркала продадим парфянскому купцу. Иван, стекла для следующих зеркал необходимо тщательно полировать, когда отполируешь сорок стекол, будем вместе серебрить. Новые зеркала повесим в комнатах у всех девочек.

После ужина Эвике и Ладе преподнесли по зеркалу. Радости у девчонок не было предела. Они не могли оторвать взгляд от своего отражения и рефлекторно стали поправлять волосы и непослушные локоны, складки на одежде. Что бы не смущать девчонок, хотели повесить зеркала на стену их комнат и быстро удалиться.

Но быстро не получилось. Каждая из них подолгу прикидывала на какой стенке, под каким углом, на какой высоте от пола стоит повесить зеркало, перегоняли рябят с места на место и только после десятка примерок, дали добро на установку зеркал.

Повесили зеркала в мезонине и в холе первого этажа, где сразу началось столпотворение. Зеркало у детей вызвало бурю эмоций. Сообщил, что у всех девочек в комнатах со временем будет зеркало, чем вызвал всеобщее ликование.

Последующие дни, вместе с шестью учениками, не вылезал из мастерских. Итогом стало изготовление косилки, одного плуга с тремя ножами, четырех швейных машинок, двух ткацких станков и трех прялок.

Затем взялся за гранаты. Изготовил два варианта гранат в керамической оболочке с толстыми стенками в виде бутылки с узким горлышком для запала и из тонкого листа кованного железа путем кузнечной сварки с ручкой для запала. Вес гранат по шестьсот грамм. Время горения запала в районе семи секунд, ну конечно плюс минус. Внутри порох и по двадцать свинцовых девяти граммовых шариков.

На полигоне стали подготавливать площадку для испытаний. Вырыли окоп, поставили бревенчатую защитную стенку высотой полтора метра и с двухметровым участком высотой полметра, имитирующим борт шлюпа, с тремя смотровыми щелями на высоте 25 сантиметров от земли, изготовили тридцать чучел из мешков с землей.

В испытаниях участвовали Николай, Борис, Иван и Михаил. Всех заставил одеть доспехи и шлемы. Выставили два чучела в ряд на расстоянии тридцати метров. Ребят отправляю в окоп. Из-за защитной стенки, первую бросаю железную гранату, она падает в метре за чучелами. Секунды через три раздается взрыв. Взрыв достаточно мощный, ударной волной с близстоящих деревьев сшибает сухие ветки и часть шишек, а над местом взрыва поднимается облако дыма, полностью скрывающее место нахождения чучел.

Подождав, пока дым рассеется, побежали к месту взрыва. Чучела лежали на земле, притом одна палка, на которых чучела были воткнуты в землю, была срезана. В каждое из чучел, с учетом срезанной палки, попало по два осколка, притом один из осколков был частью корпуса гранаты.

— Эти двое трупы, — резюмирую я. — Ищем остальные осколки, надо определить их разброс.

Поиск осколков занял минут пятнадцать, разброс составил от 25 до 40 метров, притом один пришлось выковыривать из дерева, находящимся в 20 метрах от места взрыва, в котором осколок засел на глубине пяти сантиметров, а три осколка ушло в землю под местом взрыва.

— Оттаскиваем «трупы» и ставим на том же месте новые два чучела. Теперь будем испытывать керамическую гранату.

— Можно мне бросить? — Мишка смотрит на меня преданными глазами.

— Можно. Все по очереди бросать будем. Только наблюдай в смотровую щель и бросай лежа, через борт. Николай, в тренировки для всех также введи бросок гранаты лежа из-за укрытия.

Николай с Борисом установили новые чучела, и мы возвратились на исходную позицию за защитную стенку и прыгнули в окоп. Михаил лег на землю, через щель примерился, зажег фитиль и бросил керамическую гранату, которая упала в метре перед чучелами. Место падения гранаты заволкло дымом. Взрыв был такой же сильный, после которого над окопом пролетел осколок и застрял в заднем бруствере. Осколком оказался небольшой кусок керамической оболочки. Я взглядом обвел каждого:

— Теперь всем понятно, почему рыли окоп?

В ответ ребята закивали головами.

Оба чучела также, как и предыдущие, лежали на земле. В каждом было по два осколка и у одного еще был боковой порез мешка. Разброс свинцовых шариков был почти такой же, как и у железной, а осколки керамической оболочки разлетелись вплоть до 50 метров, а четыре

шарика ушли в землю.

Одели чучела в кожаный и ламинарный доспехи и вернулись на исходную. Следующий бросок железной гранатой выполнил Николай. Граната разорвалась в метре перед чучелами. Все попавшие в чучела осколки пробили насквозь, как кожаный, так и ламинарный доспех и застряли в земле внутри мешков. Бросок Бориса керамической гранаты привел к похожему результату, только керамический осколок оболочки, ламинарный доспех не пробил.

Далее установили две группы по пятнадцать чучел в шахматном порядке в три ряда по пять штук. Обращаюсь к Ивану:

— Бросай гранату между первым и вторым рядами.

В одну группу металлическую гранату бросил Иван, в другую группу я бросил керамическую. Обе гранаты разорвались между первым и вторыми рядами. От железной гранаты в группе «погибли» четыре чучела, от керамической — три.

— Подведем итоги. Обе гранаты показали практически одинаковый результат. Какую из них будем использовать в бою?

— А почему надо выбирать? Пусть будет две, — безапелляционно заявляет Михаил.

— Две не рационально, вооружение лучше иметь однотипным, да и изготавливать одну легче. Болты для арбалета, стрелы, метательные ножи, мы же одинаковые делаем.

— Если говорить о легкости изготовления, то керамическую проще и быстрее сделать, — продвигает свое детище Иван.

— У нее осколки оболочки далеко разлетаются, можно и самому покалечиться. — Борис рукой указывает на место прилета осколка за окопом.

— А если гранате ускорение придать, как мы в лапту битой бьем. Она же дальше полетит, — выдает идею Николай.

— Нет, при ударе битой может взорваться, — возражает Иван. — А вот если к гранате приделать кольцо и привязать веревку, а потом раскрутить и бросить...

— Сейчас проверим... — беру веревку метра полтора длиной, завязываю в середине веревки керамическую гранату двойным бочечным узлом.

— Всем в окоп!

Поджигаю фитиль, раскручиваю веревку с гранатой над головой и бросаю. Граната летит метров 40, попадает в сосну и разбивается. Осколки и содержимое падает на землю, порох от фитиля загорается и быстро выгорев, огонь затухает. Взрыва нет, а вот дыма полно.

— Подъем! Пошли смотреть.

Ребята с недоумением смотрят на меня, первым не выдерживает Михаил:

— А где взрыв?

— Взрыва не будет. Граната разбилась.

Под сосной от пороха остался небольшой участок подгорелой земли, а рядышком россыпью лежали пули и расколота на две части оболочка керамической гранаты. На стволе дерева в двух метрах от земли, осталась вмятина глубиной около сантиметра.

Собираем осколки и возвращаемся к окопу. Таким же образом привязываю железную гранату.

— Всем в окоп.

Поджигаю фитиль. Раскручиваю веревку и бросаю. Прыгаю в окоп. Граната летит метров семьдесят и взрывается в воздухе. С глухим стуком в защитную стенку вбивается осколок.

— На сегодня испытания закончены.

— Так какую гранату делать будем? — спрашивает Иван.

— Рано, Ваня, еще определять. Сперва по полученным результатам надо решить пару математических задачек.

— А причем здесь математика? — наморщив лоб интересуется Михаил. Остальные ребята благоразумно промолчали.

— А вот ты нам сейчас и расскажешь, — глядя на Михаила, ехидно улыбаюсь.

Николай, Борис и Иван захихикали.

Михаил оглядывает всех непонимающим взглядом, хлопает глазами. Прихожу ему на помощь:

— Что произошло, когда граната взорвалась в метре от двух чучел?

— Осколки их убили. — еще не понимая к чему я клоню, отвечает Михаил.

— То есть, поражение врага было сто процентным?

— Да.

— А когда граната взорвалась в гуще пятнадцати чучел, каждое из которых, находилось от центра взрыва на расстоянии не более пяти метров?

— Погибло в одном случае четыре чучела, во втором три. То есть, в среднем чуть больше 20 процентов! — выдает Михаил.

По его выражению лица было заметно, что в его мозгах происходит активный мысленный процесс, но дальше своего ответа о двадцати процентах, он двинуться не может.

— Правильно. А почему осколки убили 20 процентов чучел?

— Осколков не хватило! — первым сообразил Николай.

— Правильно. В среднем человек имеет рост 165 сантиметров и его ширина 60 сантиметров, то есть площадь человека 1 кв.м. А сколько нужно осколков, чтобы в радиусе пяти метров достичь сплошного поражения врага?

Быстрее всех был Михаил:

— Да тут все просто, вычисляем площадь окружности, делим на площадь человека, получаем нужное количество осколков.

— Нет! — вмешивается Борис. — Часть осколков уходило в землю, а значит и в верх часть летело. Надо считать площадь сферы и делить на площадь человека. Четыре пи R квадрат и делит на единицу. То есть понадобится 314 осколков.

— Молодец! — треплю Бориса по вихрастым волосам.

— Тяжелая граната получится, даже на 20 метров не докинем, — чешет затылок Иван.

— Вес шариков снизим до 2–3 грамм, а для сплошного поражения хватит и семидесятипроцентной вероятности. Да и гранату керамическую делать будем, с более тонкой оболочкой, вес меньше получится.

— Бросок гранаты из пращи еще будем испытывать? — интересуется Николай.

— Бросок из пращи гранаты, пока возможен только из-за укрытия. В чистом поле и на шюпе, с учетом расстояния броска в семьдесят метров и необходимого времени для раскручивания пращи, пращника убьют из лука. Но учиться надо. Тренируем броски шестьсот граммовых камней из пращи и рукой из положения лежа из-за укрытия. Николай, а для ребятшек в тренировки включи броски 50-ти граммовых камней из пращи на меткость и дальность. Только смотри, чтобы в поместье стекла не побили.

Николай сквозь смех:

— Володя, не беспокойся у малышей очень бережное отношение к имуществу.

— Тогда все за работу.

Я отправился изготавливать новую форму для литья 2–3 граммовых свинцовых шариков, а Борис — лепить из глины корпус гранаты с двойной оболочкой для порохового заряда и поражающих элементов. Николай, Иван, Михаил возвращались к повседневным заботам.

Производство образцов новой гранаты много времени не заняло. Сделал в двух вариантах, во втором уменьшил количество пороха. Единственно не удалось достичь количества поражающих шариков до вероятности сплошного поражения семьдесят процентов. Для сохранения веса гранаты в шестьсот грамм, пришлось ограничиться только 180 свинцовыми шариками.

Через два дня в том же составе собрались на полигоне.

— Ставим пятнадцать чучел как в прошлый раз в шахматном порядке, на четверых надеваем доспехи. За защитной стенкой, имитирующей борт шлюпа, кладем мешки с песком. А к высокой защитной стенке прикрепляем по паре кусков холщовой ткани.

— А зачем мешки с песком и ткань? — спрашивает Михаил.

— Бросающий гранату, тоже находится в зоне ее поражения. Борт на шлюпе от осколков гранаты может не защитить. Поэтому защиту усиливаем мешками с песком. А ткань имитирует парус, надо знать о его возможных повреждениях.

После установки чучел и закрепления ткани, ребят загоняю в окоп, а сам ложусь, прижавшись к мешкам за защитной стенкой. Вслух отдаю команду:

— Приготовились! Всем лежать! Огонь!

Запалив фитиль, бросаю гранату и вжимаюсь в землю. Через две секунды происходит взрыв. От взрывной волны с деревьев падают с десятков шишек и небольших сухих веток, а место взрыва заволочло дымом.

— Подъем! Идем смотреть результаты. Ищем осколки внимательно, они намного меньше, чем в прошлый раз.

Результаты порадовали, осколки попали в тринадцать чучел. В чучелах по два-три попадания, только в двух по одному. Доспехи пробиты все четыре, свинцовые шарики застряли глубоко в мешках.

— Три осколка попало в парус, дырки по два сантиметра, — кричит Николай.

— Володя, один осколок почти пробил защитную стенку, за которой ты лежал. А бревнышко раза в два потолще борта шлюпа будет. — с места где я лежал, раздаётся голос Бориса.

Через пятнадцать минут результатами поиска делится Иван:

— Осколков практически не нашел, маленькие, на земле не видно, два попали в деревья, на расстоянии 30 и 40 метров от места взрыва.

Последним прибегает Михаил:

— Нашел пять осколков, только один на земле, остальные в деревьях, самый дальний в метрах пятидесяти. Володя, почему осколки так далеко разлетелись, они же в три раза меньше, чем прошлые? Ты пороховой заряд увеличил?

— Нет, заряд тот же, а вот шарик легче и для пробития брони энергии тратиться меньше. Во втором образце гранаты пороха меньше. Ставьте обратно чучела и испытываем второй вариант гранаты.

После восстановления мишеней, возвращаемся в укрытие, ребята в окоп, я залегая за мешком с песком.

Второй взрыв был послабее, а вот результат поражения чучел тот же. При этом ткань не пострадала и разлет осколков хотя и был за тридцать метров, но не так далеко, как у первой

гранаты.

— Принимаем на вооружение данный образец гранаты. Есть ли замечания и возражения?

Ребята замотали головами.

— Тогда испытания закончены. Борис, потихоньку лепи и обжигай корпуса гранат, к весне много понадобится.

— Сделаем, — отвечает Борис.

— Иван, на тебе порох и свинцовая начинка.

— Боюсь у меня времени на все не хватит, — с сомнением говорит Иван.

— В помощь возьми еще пару-тройку ребятшек, только от пороха держи их подальше.

— Удержишь их, хотят все знать, притом сразу, — смеется Иван и вместе с Борисом уходит с полигона.

— Николай, для второго шлюпа подбери мне трех-четырех пацанов, пока до сбора урожая дней пять есть, начну их учить ходить на шлюпе.

— Только пацанов подобрать или можно девчонок, а то две сестрички просятся к тебе на шлюп.

— ???

— Да это Опис и Оре. Если помнишь, Опис пятой полосу препятствий прошла. Да и и арбалета они получше большинства парней стреляют. Да и с парусом на каяке не плохо получается.

— Как, Михаил, возьмем девочек? — Мишка, ухмыляясь кивает. — Хорошо, уговорил. Николай, после обеда новички пусть собираются у шлюпа. Миша, а ты оповести остальную команду и прихвати еще Ракса.

Пообедав, подхожу к месту швартовки шлюпа. На берегу уже ждут три мальчика Виктор, Петр и Семен, которых я привез в прошлом году из городища Ибыр, две сарматских сестренки Опис и Оре, и Ракс. Михаил, Аршак, Савлий, Денис, Олег ждут на борту шлюпа.

Ко мне подходит Опис и глядя в глаза, говорит:

— Володя, ты не пожалеешь, что согласился нас взять с сестрой, мы не подведем.

Глажу Опис по голове и команду:

— Все на борт!

Новички, неуверенно, гуськом по сходням поднимаются на шлюп. Всем, новичкам и старой команде, выдаю по комплекту рабочей одежды, состоящей из посконной рубахи, штанам и митенками. Эвика со швеями постаралась, специально сшили рабочую форму и перчатки без пальцев для корабельной команды.

За пять суток тренировок новички овладели азами управления шлюпом, а старички закрепили свои знания. На вторые сутки я полностью устранился от командования и обучения ребят. Принялся за написание учебника по основам геологии и вскоре осознал, что написание учебника доставляет мне истинное удовольствие. Все функции капитана взял на себя Михаил. Вначале осторожно и не очень уверенно, с постоянной оглядкой на меня, как бы спрашивая все ли правильно делает, но видя мое полное невмешательство, осмелел и с каждым днем все увереннее, принялся командовать экипажем.

В последний день тренировки, прошли вверх по Ольховке к месту обычной высадки на охоту. Двойками отработали разведку территории, тренировались устраивать засады, заодно и поохотились, добыли четыре косули. На обратном пути провели генеральную уборку шлюпа и к ужину вернулись домой.

На следующий день вся команда влилась, идущую уже два дня, битву за урожай. За исключением Михаила и Савлия, которые целыми днями пропадали на реке, обеспечивая племя свежей рыбой и утятинной, да и Лада, которая с пятью девочками всех кормит и следит за скотным двором.

Сбор урожая продолжался месяц. С сорока гектар пахотной земли собрали 32 тонны пшеницы, 20 тонн ржи, 24 тонны ячменя, 30 тонн овса, 26 тонн кукурузы, 24 тонны семечек подсолнуха, 20 тонн огурцов, 6 тонн гороха, 10 тонн фасоли, 50 тонн помидор, 100 тонн картофеля, 15 тонн капусты, 10 тонн моркови, 10 тонн болгарского перца, 15 тонн красного острого перца, 20 тонн репчатого лука, 20 тонн чеснока, 200 тонн кукурузного силоса, 68 тонн силоса подсолнечника, 15 тонн люцерны, по 300 кг укропа, петрушки, базилика, 400 кг хрена, 250 кг горчицы, 1 тонна редиса, 150 тонн соломы.

С учетом шестнадцати коров с надоем по двести литров молока в день, 18 коз с надоем сорок литров в день, 120 куриц несушек, ежедневной ловлей рыбы, добычей уток и убойного мяса косуль, питания хватит на 350–400 человек.

У нас 160 га луга, из которых пашню можно увеличить до 60 га и 100 га остается на выпас скота и покос сена. Еще 10 га на месте вырубки леса занимает сад яблоневый, вишневый и сливовый по пятьдесят деревьев каждого, хотя они цвели, но урожай пока мизерный 160 яблок, 10 кг вишни и 12 кг слив. Съели их практически сразу, каждому по яблоку и по сто грамм вишни и слив. Плодоносят только крыжовник, малина, смородина, да и сотня кустов орешника дает около одной тонны фундука в год. Виноград плодоносит мелкими и не сладкими ягодами. В оранжерее на четырех кустах созревают 42 лимона разной степени спелости и взошли еще 29 ростков от прошлогодней посадки.

Сено-силосных кормов для скотного двора на зиму получается с запасом. Накосили 240 тонн сена. Поголовье крупного рогатого скота и лошадей можно увеличить еще на 30–35 голов.

После сбора урожая тремя парами волов за семь дней вспахали и заборонили шестьдесят гектар пашни. Внесли в качестве удобрений навоз, селитру и перегной прошлогодних листьев, а сад еще подкормили картофельными очистками.

Только закончили осеннюю вспашку, прибегают Лада, светящаяся от удовольствия:

— Володя, у нас получилось! — протягивает мне туесок, в котором настоящий сахарный песок, сверкающий белыми кристалликами.

Не удержавшись, беру щепотку, кладу в рот — настоящий сладкий сахарный вкус. Непроизвольно, облизав пальцы, обращаюсь к улыбающейся Ладе, довольной произведённым на меня эффектом и моей бурной реакцией на сахар:

— Молодец! Лада, как получили и сколько?

— Володя, как ты в инструкции написал, долго выжимали из стеблей сок, который затем выпаривали до сиропа, а потом до появления белых кристаллов. Получилось 83 килограмма сахара. Что с ним будем делать?

— Очень хорошо, теперь мы умеем делать сахар. Но от сахара портятся зубы, поэтому мы сами его употреблять не будем, а продадим. У нас есть мед и он намного лучше сахара.

— Что даже немножко не попробуем? — делая обиженное личико, вопрошает умоляюще Лада.

— Хорошо, уговорила. — улыбаясь, продолжаю — Оставь 3 килограмма сахара. Пить взвар с ним вместо меда будем. Сами увидите, что мед лучше.

Лада кивает, улыбается и уже почти выбежала из кабинета. Как я ее останавливаю, вспомнив свое не легкое до военное детство, скрашиваемое в редкие праздники леденцами.

— Лада! Стой! Будем делать леденцы.

— Леденцы. Что это?

— Пошли на кухню, как готовить покажу, а по пути заглянем в оранжерею за лимоном.

В оранжерее сорвал боле менее созревший лимон и прихватив с десятков плотных соломин, вместе с Ладой пришел на кухню. На кухне помимо Лады, было пять девочек и на подхвате двое парней. В стакан выжал лимонный сок, после чего в кастрюльку насыпал 150 грамм сахара, налил воды и лимонный сок, все размешал и поставил на керосинку на медленный огонь. Когда полученная масса стала жидкой и превратилась в карамель, разлил ее в девять пятидесятиграммовых глиняных стаканчиков, стенки которых предварительно смазал подсолнечным маслом, затем в карамель вставил плотные соломинки,

предварительно обрезав их до десяти сантиметровой длины. Дождавшись, когда карамель застынет, отнес стаканчики в ледник и оставил там на пятнадцать минут. После чего, за соломинки достал леденцы, получившиеся цилиндрической формы, из стаканчиков и раздал детворе, во главе с Ладой и конечно себя не забыл.

За моими манипуляциями все находящиеся на кухне, наблюдали в абсолютной тишине и с явным благоговением. Всех предупреждаю, чтобы леденец не раскусывали, а то зубки поломаются. Но пробовать никто не решался. Леденец облизываю и кладу себе в рот. Задуманное получилось, конфета по вкусу ничем не отличался, от леденцов моего детства. Следом конфету кладет себе в рот Лада, а за ней все остальные.

Минуты через две, оценив вкусовые качества новой сладости, Лада выражает общее мнение:

— Вкусно! Спасибо Володя!

— Лада, ты запомнила как делать леденцы?

— Запомнила, все очень просто. Сделаем для всех детей.

— Вместо воды можно и даже нужно смешивать сахар с соком ягод — черники, смородины, малины, а вместо лимонного сока, использовать клюквенный. А еще попроси Бориса, чтобы он формочки слепил, пусть для начала петушок будет.

— Хорошо. Только я не поняла, зачем ты стаканчики подсолнечным маслом смазывал?

— Когда карамель застынет, конфету легко можно будет вытащить из формы. Только с леденцами не увлекайтесь, делайте их не чаще одного раза в три месяца.

Вернувшись в кабинет, решил попробовать прочесть пергамент из сундука с сожженной галеры. Пора проверить, дали ли результаты мое обучение парфянского языка. Дословно перевести изложенное на пергаменте не смог, но общий смысл понял. Фактически это была подорожная, разрешающая трем купцам со слугами, товарами и охраной из тридцати легионеров и одного центуриона, находиться на территории Персидского царства династии Сасанидов на срок три года на период перемирия с Римом и осуществлять торговлю.

Прочитав, задумался и попробовал расставить точки над *i*:

"Римляне прошли через Персидское царство, в порту на Каспийском море купили галеру с гребцами-рабами и через море направились по Волге в городище Ибыр. Но купцов и их слуг, да и товаров на галере не было... А это значит, что купцы высадились раньше, а высадиться имеет смысл только в низовьях Волги или в ее дельте. Сейчас перемирие и в полную силу работает Шелковый путь, но перемирие скоро закончится. Во время войны Риму Шелковый путь становится не доступным, Парфяне и Персы, просто его перекрывают и караваны с востока на римскую территорию не пускают. Похоже римляне решили на Волге сделать, что-то типа фактории и перезапустить Шелковый путь мимо Персии, в обход Каспийского моря с севера, к Черному морю, где сейчас их территория. Вряд ли персам это понравится. Так, что через год в низовьях Волги может быть "жарко". А там еще и дикие племена, на чью сторону они встанут? Но это уже гадание на кофейной гуще. Информацию можно получить только у Куруша, хотя он еще тот жук."

Продолжая дальше свои размышления:

"Кто же послал легионеров в Ибыр? Если предположить, что мать Аршака, вернулась вниз по Волге в район будущего города Волгограда, оттуда совершила переход по степи до Дона и дальше добралась до римлян, а потом и в Рим, где встретила с императором Севером. По ее статусу он должен был ее принять, а состоявшиеся договоренности ее

устроили и она рассказала, где находится наследный принц, за которым был послан отряд легионеров во главе с центурионом, а купцы были лишь прикрытием. Центурион, выяснив, что Ош и его племя убиты, а детей забрали в плен, путем не сложных вычислений легко мог определить место нахождения детей, поскольку на многие сотни километров Ибыр единственное городище, где можно продать рабов. Все вроде логично складывается, но есть одно но — почему старейшины не отдали детей либо одного Аршака римлянам, да и деньги у них были, чтобы всех детей выкупить. Но старейшины отдали детей мне, фактически первому встречному чужеземцу, и не просто отдали, а еще и с венценосной печатью. И еще одна нестыковка, что мешало матери вместе с Аршаком сразу этим путем направиться в Рим и вряд ли условия договоренностей с императором были хуже тех, если она бы поехала без сына. Так, что вывод делать рано. Тогда есть еще версия, инициатива центуриона, которому стало известно... А вот, что и от кого... Можно предполагать, что угодно. А еще есть самая невероятная версия, что если Ош выжил, а у римлян, чего то не хватало для идентификации их, как действующих от лица матери Аршака, вот и попросил он старейшин отдать детей мне, а не узнать он меня не мог."

Дальше перестал забивать себе голову, будет новая информация, тогда и думать буду.

Переработка урожая заняла четыре месяца.

В первую очередь все девичье население перерабатывали скоропортящуюся продукцию: замочили клюкву и бруснику, сушили и делали варенье дедовским способом без сахара из черники, малины, крыжовника, смородины. Сушили укроп, петрушку, базилик. Парни обмолачивали зерно, которое на телегах с небольшими бортиками, запряженных лошадьми, отвозили в амбары. Сено же перевозили на мажаре.

Николай к уборочной смастерил шесть телег с бортиками и четыре мажары — телеги с решетчатыми бортами, используемые нами для перевозки сена и различных грузов, от болотной руды в корзинах, до кирпичей. А также двухсот литровую бочку водовозку. К зиме готовит сани.

После ягод, девочки и самые маленькие мальчики из новичков, переработали большую часть помидор в томатную пасту, в которую добавили для густоты крахмал. Готовили аджику, солили и мариновали огурцы, помидоры, зерна кукурузы, болгарские перцы, капусту, которую еще и квасили.

30 октября с парнями пошли на шлюпе на загонную охоту. С собой взяли четырех лошадей и на палубе закрепили две телеги. Охота удалась, добыли 43 косули. Потребовалось две ходки на телегах, чтобы освежеванную добычу доставить на шлюп.

После возвращения начался учебный года. Вслед за тренировкой, новички учились читать и писать по букварю и считать на уроках арифметики. У старших — уроки по русскому языку, математике, окружающему миру. После обеда продолжаем перерабатывать урожай и готовиться к зиме. Шлюп вытащили из реки и подняли на стапель на кренгование и зимовку. Рядом на втором стапели строиться заложенный летом второй шлюп. На зиму укрыли виноград и корни садовых деревьев. Проверили все печки и дымоходы.

Михаил с двумя помощниками пропадает на реке, добывая на зиму уток, которые со дня на день улетят в теплые края. Из части мяса с загонной охоты в коптильне делает сырокопченую колбасу. Для оболочки использует кишки косуль.

Борис с учениками формирует и сушит кирпичи, обжигать зимой будет. Николай с помощниками к зиме мастерит сани и строит шлюп. Иван закончил полировку стекол, и я с ним начинаю изготавливать зеркала.

Интерлюдия.

Как не спешил Куруш, как не рвали жилы гребцы, но только через два месяца, пройдя реку Ра и преодолев Каспийское море, галеры вошли в реку Таджан и пришвартовались в порту главного города области Мазендаран Сари, входящей в Мидию, наместником которой был родной дядя Куруша шах Вардан глава рода Каренов.

Куруш находился в эйфории от приобретенного в городище Имень товара и в предвкушении от ждущей его баснословной прибыли. Но, было одно серьезное, но. Пять лет назад при правлении Аршакидов, он бы не задумываясь продал привезенный товар и получил свою тысячапроцентную прибыль. В Парфянском царстве Мидия фактически полностью управлялась семьей Каренов и была лишь в формальной вассальной зависимости от правящей династии Аршакидов. Но Парфянское царство и династия Аршакидов закончило свое существование. У власти персы и новая династия Сасанидов. Шахиншах Ардашир I из династии Сасанидов создает единое централизованное государство и вольностей у знатнейших семей с каждым годом становится все меньше. А продажа стекла незаметной не останется, соглядатае доложат в столицу, и что последует за этим, знает только один шахиншах.

«Надо ехать к дяде», — с этой мыслью Куруш успокоился. Раздал команды приказчикам по разгрузке галер, размещению рабов и подготовке к утру каравана в столицу Мидии Экбатану и к вечеру добрался до своего дома. Подарив подарки детям и любимой жене, выполнив супружеский долг, моментально уснул.

Утром, оставив в доме 12 стеклянных штофов с водкой, виски и бурбонов, 12 стаканов, пять керамических бутылок с водкой и пятьдесят бутылей с солнечным маслом, отправился с караваном по горным дорогам и перевалам гор Эльбурса в Экбатану, рядом с которой в Нахаванде размещалась резиденция наместника Мидии шаха Вардана главы рода Каренов, куда добрался 16 октября.

— Любимый мой племянник, ты наконец то решил навестить своего дядю, — с неподдельной радостью приветствовал наместник Мидии Куруша. — Но зачем ты привел с собой караван, а не оставил его в Экбатане?

— Уважаемый шах Вардан глава рода Каренов! Я недостойный твой племянник, тоже очень рад тебя видеть. Прежде чем я дам ответ на твой вопрос, прими от меня подарок, — и Куруш протягивает дяде шкатулку, подаренную Владимиром, в которой находится литровый стеклянный штоф водки, пробка которого запечатана сургучом, два стеклянных стакана и штопор.

Открыв шкатулку, Вардан в немом изумление смотрел на ее содержание. Через минуту, придя в себя, Вардан взяв в руку стакан, стал просматривать его на просвет, то же самое проделал со штофом:

— Это же стекло! Притом чистое и прозрачное. Стоит огромных денег.

— Да, это стекло. Стоит очень дорого и я намерен его продать. Я привез из городища Имень более пятисот стеклянных штофов с крепким вином.

— Это же огромное состояние. — У Вардана чувство изумления сменилось чувством реальной опасности, — Куруш, немедленно всё рассказывай.

Куруш поведал Вардану о поездке в Имень, о Владимире, о его судне, о его покупке детей и сделанным заказом на лошадей, вино, шелк и хлопок. О том, что он расспросил

мытаря и часть торговцев в Имени, но никто раньше Владимира не видел, род Руссов им не известен и он нанял лучшего следопыта, который клятвенно его заверил, что от плывущих в лодке большего количества людей остаются следы даже на воде и он может по этим следам найти Владимира. Что он выкупил часть монет, которыми в Имени расплачивался Владимир и передал золотые и серебряные монеты Вардану, который их внимательно осмотрел.

— Куруш, ты всё рассказал? Продали ли ты хоть один стеклянный штоф или стакан?

— Дядя, я рассказал всё. Стекло не продавал. В своем доме в Сари я оставил 12 стаканов и 12 штофов, только переночевал и сразу направился к тебе.

— Хорошо. Ты правильно сделал, что приехал ко мне. Мы немедленно отправляемся в Ктесифон на аудиенцию с шахиншахом Ардаширом I, которому ты все подробно расскажешь, за исключением продажи Владимиру мальчика раба и, что ты послал за Владимиром следопыта. Как я понял из твоего рассказа, Владимир не так прост и вряд ли твой следопыт жив. Скажешь, что пошлешь следопытов.

— Что делать с заказом Владимира на лошадей для тяжелой конницы — катафрактерии?

— Я думаю, что шахиншах даст разрешение на продажу и думая, что намного больше, чем шесть лошадей. Владимир слишком далеко и угрозы не представляет, а вот в союзниках он может пригодиться для отстаивания интересов нашего царства на севере. Римляне в дельте реки Ра, что-то затевают. Всякое может произойти. Может он и нам, Каренам, пригодиться. Перемирие с Римом скоро закончится, римские купцы скупают все, что привозят караваны торговцев с востока. Цены на их товар взлетели до небес. Ты, Куруш, подожди три месяца покупать товар у восточных купцов, их караванный путь проходит через мой город Экбатану. После прекращения перемирия, римские купцы уйдут, караваны с востока пропускать в Рим не будут и товар можно будет купить намного дешевле.

— Спасибо за совет, дядя. Я так и поступлю.

— А перед аудиенцией с шахиншахом встретимся с правой рукой Ардашира питиахшем Арташиром. За шесть стеклянных штофов и шесть стаканов он решит вопрос о твоей эксклюзивной торговле с Владимиром и продажей его товаров во всех городах, в том числе тех, в которых есть резиденции шахиншаха, да и налог установит не пятьдесят, а тридцать процентов. Они уверены, что род Каренов за возможность получать скидки на налоги и эксклюзивную торговлю, склонит голову и будет верной собакой этим выскочкам безродным Сасанидам, — зло усмехнулся Вардан. — А теперь приглашаю тебя откусать со мной и сыновьями, они рады будут тебя видеть, да и заодно испробую русской водки.

Интерлюдия (продолжение).

5 ноября 232 года в Ктесифоне бывшей столицы Парфянского царства, а ныне столицы Персидского царства, в своем новом дворце шахиншах Ардашир I из династии Сасанидов строил планы по укреплению централизованной власти, взамен, действовавшей в поверженном им Парфянском царстве, вассальной раздробленности. О ликвидации мелких царств и превращении их в сатрапии во главе с назначаемыми им чиновниками.

Его размышления были прерваны, как всегда бесшумно подошедшим, главным зрителем за царством питахшем Арташиром:

— Великий шахиншах! Воспользовавшись дарованным тобой правом, наместник Мидии шах Вардан глава рода Каренов просит срочной аудиенции.

— Неожиданно. Вардана, первый и последний раз я видел четыре года назад на коронации, где род Каренов с шестью другими знатнейшими родами, присягнул мне на верность. Вардан ранее никогда не просил аудиенции, а тем более срочной, в отличии от других шестерых глав знатнейших родов, которые просят о встречи постоянно, особенно Сурены и Варазы. Что же такого он хочет просить?

— Не думаю, что он пришел просить. Пришел он с племянником, который по реке Ра, которая впадает в Каспийское море, возит товар далеко на север, откуда привозит мех соболей и горностаев. В этот раз привез еще и стекло.

— Откуда у варваров на севере стекло?

— Не просто стекло, а прозрачные колбы из стекла.

— Хорошо, приглашай Вардана и его племянника. Хочу посмотреть на чудное стекло.

Через распахнувшуюся дверь вошли шах Вардан глава рода Каренов и его племянник. Следом за ними зашли слуги, держа перед собой на подушках пурпурного цвета шесть стеклянных штофов и два блюда со светло-жёлтыми сухими круглыми пластинками явно растительного происхождения.

Не доходя пяти метров до Ардашира, Вардан с племянником остановились, низко поклонившись в пояс.

— Приклоняющейся Мазде владыка Ардашира царь царей Ирана, происходящий от богов, Шаханшах Ардашир I из династии Сасанидов, Великий шахиншах! Разрешь представить тебе моего племянника Куруша, который недавно вернулся из дальнего плавания.

Разрешающе кивнув и пока Куруш витиеватыми восхваляющими выражениями приветствовал его, Ардашир с интересом рассматривал, поднесенный к нему питахшем Арташиром, стеклянный штоф.

Тем временем, Куруш, закончив приветствие, продолжал:

— Великий шахиншах! Прими от меня в дар штофы, сделанные из прозрачайшего бесцветного стекла, привезенные мной из далекого городища Имень, расположенного далеко на севере на реке Ра, где проживают дикие лесные племена.

— Стекло в сосуде действительно бесцветное и прозрачное, но я вижу надписи, сделанные римскими буквами. Разве в Риме могут такое стекло изготавливать? И что за жидкость в сосудах?

— Я много путешествовал, в том числе торговал с Римом, но такого стекла у римлян я никогда не видел, да и в Египте и на востоке таких стекол тоже нет. Купил я их у Владимира из рода Руссов в городище Имень, куда Владимир приезжал торговать. А в штофах крепкое вино, которое производит племя Руссов, и как называет его Владимир, водка, бурбон и виски. Также я привез немного странной сухой еды — чипсы и хлопья. Хлопья кушать надо с медом либо с молоком, а чипсы можно есть просто как хлеб.

— Расскажи о Владимире из рода Руссов. Кто он? Откуда? Богат ли?

— Ему около двадцати лет, он очень высокого роста, на голову выше меня, широк в плечах. Говорит на сарматском языке, но заметно, что это не его родной язык. Владимир богат, пояс и головной убор отделаны золотом, на груди на широкой золотой цепи большой золотой медальон с изображением его герба. Его судно весьма необычное с одной высокой мачтой и двумя треугольными парусами. Гребцов на судне нет, но оно ходит по реке почти против ветра и достаточно быстро. Управляют судном три мальчика 5–7 лет, одетых в одинаковую и дорогую одежду, хорошо вооруженных, производящих пугающее впечатление волчьей стаи, преданной своему вожаку... В городище Имень Владимир скупил всех детей рабов в возрасте 3–4 лет... — о том, что он подарил Владимиру четырехлетнего раба, Куруш благодарно не упомянул.

Куруш глубоко вздохнул, вытер со лба крупные капли пота и продолжил:

— Расплачивался Владимир золотой и серебряной монетой. Я выкупил у торговцев немного монет, — поклонившись, Куруш передал золотой и серебряные рубль и копейку смотрителю за царством Арташиру, который в свою очередь передал их шахиншаху Ардаширу I.

А Куруш продолжал:

— В городище Имень о Владимире, роде Руссов и где их земля ничего не известно. Скорее всего он живет в непроходимых лесах, которые простираются на огромные территории. Он просил привезти шесть лошадей для тяжелой конницы — катафрактарии — двух жеребцов и четырех кобыл, вино, шелк и хлопок. Его судно вмещает шесть лошадей, а я привезу двенадцать и под предлогом помощи в доставке лошадей Владимиру, узнаю где его земля.

— А если Владимир откажется от лишних лошадей? — спрашивает главный смотритель за царством питиахш Арташир.

— Тогда за ним проследить я найму варваров.

— Арташир, какой награды достоин Куруш? — интересуется шахиншах.

— Я полагаю, что эксклюзивная торговля товарами Владимира с налогом в тридцать процентов будет достойной наградой.

— Да будет так. Аудиенция закончена.

После ухода Вардана с Курушем, шахиншах, задумчиво разглядывая штофы и монеты, а затем прервав молчание, обратился к своему главному смотрителю:

— Арташир, почему мы снизили налог для Вардана, преданное от этого престолу Карены не станут?

— Вардан попросил снизить налог на товар Владимира на тридцать процентов и преподнес шесть стеклянных штофов, но если бы он попросил снизить налог до двадцати процентов и ничего не преподносил, я бы тоже согласился...

Шахиншах бросил недоуменный взгляд на Арташира, а тот быстро продолжил:

— Снижением налога, ты Великий Шахиншах, настроишь против Каренов шесть других

знатнейших родов, а за защитой от них, Вардан придет к тебе, Великий и будет он намного сговорчивей.

Шахиншах Ардашир I в знак согласия кивнул и продолжил:

— Арташир, что ты думаешь о Владимире?

— Он достаточно образован, знает о династии Аршакидов и тяжелой коннице — катафрактарии, но информация у него 4–5 летней давности. Думаю, что он изгой знатного рода из дальних земель. О том свидетельствуют чипсы и хлопья, напоминающие овощ и зерно, неизвестные нам, да и очень крепкое вино, такое у нас не делают, а еще язык и монеты. Людей у него не много, иначе он не прятался бы в дремучих лесах, хотя есть хорошие стеклянных и монетных дел мастера. Пока он не опасен, но лет через десять-пятнадцать у него будет огромная волчья стая, которую он взрастит из покупаемых им сегодня детей и немалый табун боевых лошадей.

— Так зачем мы продаем ему лошадей?

— Владимир проживает в непроходимых лесах, а для выпаса лошадей нужны пастбища, чем больше лошадей, тем больше нужно пастбищ. Значит он будет занимать пастбища у южных границ леса. Варварским степным племенам это вряд ли понравится и тут два варианта: первый — варвары уничтожат род Владимира и мы чужими руками убираем возможную будущую угрозу. И второй: Владимир теснит варваров на юг и они будут вынуждены собирать всё большие и большие силы для борьбы с ним, тем самым ослабнут их набеги на наши северные провинции, значит можно будет часть войск перебросить на запад для захвата римских территорий.

— После рассказа Куруша, меня, гложет нехорошее предчувствие. Пусть Куруш торгует и следит за Владимиром. В конечном итоге эта торговля принесет в казну огромный доход. Время как минимум 7–8 лет у нас есть, но за этот срок мы должны выяснить о Владимире всё, кто он, откуда и каковы его цели. В случае враждебных действий Владимира в отношении моего царства, мы должны нанести по нему превентивный удар.

Главный смотритель Арташир поклонился, а шахиншах, удостоверившись, что его повеление будет исполнено, продолжал:

— До окончания перемирия с Римом осталось три месяца. Сколько римлян на время перемирия получили разрешения на посещение моего царства?

— Около трех тысяч римлян. Почти все купцы, которые доставляли караваны в приграничные города и в столицу. Одна группа купцов в сопровождении тридцати легионеров во главе с центурионом проследовала до Каспийского моря, где купили галеру и ушла на север. Как я полагаю, для обустройства фактории в устье реки Ра, поскольку назад они не возвратились. Надеются организовать проход караванов с востока в обход твоего царства по северному берегу Каспийского моря.

— Римские шакалы всегда ищут свою выгоду, даже во время перемирия пытаются меня обокрасть. С этого дня новые разрешения на проход в мое царство римлянам не выдавать. Через три месяца легионеры и центурион, как воины, станут нашими врагами. После окончания перемирия легионеров с центурионом убить, а факторию сравнять с землей.

Главный смотритель Арташир в очередной раз поклонился, повинувшись жесту шахиншаха, почти скрылся за дверью, как его остановил голос шахиншаха:

— Арташир, три штофа из шести, поднесенные Варданом, можешь оставить себе.

Арташир в очередной раз поклонился шахиншаху и оставил его одного, продолжать размышлять об обустройстве государства.

28 ноября началась зима, Температура упала до минус 5 градусов, все вокруг завалило снегом.

Больше всех радуются приходу зимы подростки щенки. Хаски сложные собаки, но для нас все их качества работают только в плюс. Сильные и выносливые, но при этом добрые и настоящие няньки для детей, с отменным здоровьем и с другой стороны неприхотливы к еде, умные и активные, упрямые, но я не слабохарактерный и путем несложных тренировок, хаски признают во мне вожака стаи и об упрямстве своем даже не вспоминают. Не охотники и не сторожа, но мы сами охотники, а об опасности, хаски в любом случае своим воем, предупредят. Да и от их линьки, только прибиток в виде собачьей шерсти. Щенков понемногу приучаю работать в упряжке как совместно, так и по одиночке.

Ребятишки тоже не отстают. Лепят снеговиков, играют в снежки, на сделанных с десяток Николаем санках, катаются с горки, самые сообразительные запрягли собак в санки и гоняются по лугу.

Новые зеркала получились на загляденье, светоотражающая способность зеркальной поверхности превзошла все мои ожидания и превышала 95 процентов. В комнатах Эвики и Лады старые зеркала заменили на новые, также новые зеркала повесили во всех комнатах девочек. Парням в комнаты зеркала решил не вешать, хватит им одного в холле.

Олег для двух зеркал подготовил две рамы из высушенной липы, с прорезным листовым орнаментом. Рамы покрыл льняным маслом и олифой, а когда рама высохла, использовал для дальнейшего покрытия раствор для серебрения зеркал. Произвел обжиг, после которого рама приобрела золотистый цвет и покрыл тройным слоем лака.

Сам я опять в кузнеце и мастерских. Плавлю, кую, штамую и вытачиваю детали к различным механизмам, в том числе к швейным машинкам. Параллельно учу кузнечному делу троих наиболее крепких мальчишек.

В конце декабря решаю провести разведку южных границ. Больше двадцати километров на юг до сих пор не удалялись. Надо аккуратно посмотреть, что там делается, а то сарматы зачастили. Планирую пройти до самой северной точки русла реки Сыльвы, а по ней 300 километров вверх по течению до самой южной точки ее русла.

Утром 30 декабря я, Михаил, Савлий, Денис и Олег отправляемся на разведку южного направления. Я и Савлий верхом на конях, Денис и Олег возницами на санях, запряженных кобылами и Михаил каюром на нартах на собачьей упряжке. Также две кобылы в качестве сменных лошадей, все-таки по снежной целине пойдем. Запаса кормов и еды берем на два месяца, хотя планирую обернуться меньше чем за месяц.

Вверх по Ольховке до ее поворота на восток, прошли за полтора часа, за час преодолели хоженный и перехоженный во время охот лес, вышли на открытое пространство.

Объявляю небольшой привал:

— Денис и Олег, переапрягите лошадей. Михаил, как собаки?

— С трудом их остановил, вперед рвутся, не нравится им, что в хвосте плетемся.

— Молодые они еще, по снежной целине путь прокладывать еще не готовы, могут надорваться. Через пять минут продолжаем движение в том же порядке строго на юг.

По целине двигались со скоростью 5 км/час. Я и Савлий поочередно шли впереди, прокладывали путь, за нами сани, сменные лошади и замыкал колонну Михаил на упряжке.

Через час пути обратил внимание, что гуннские кобылы намного увереннее передвигаются по снегу, чем сарматские кони. Кобылы имеют высокий вынос ног и когда они заходят в снег, то подгребают его под себя и отталкиваются вперед. Поставил сани первыми и на удивление, скорость движения на пару-тройку километров возросла.

Еще через час уперлись в огромный массив леса, преградивший нам путь по диагонали, вынудив двигаться на юго-восток по его кромке. Через метров пятьдесят наткнулись на покрытое льдом русло речки, шириной 10–15 метров, с обрывистыми берегами высотой до 2–3 метров, буквально выскочившей перед нами из лесной чащобы. Пришлось останавливаться и искать пологий спуск, который обнаружили через полкилометра. Дальнейший путь продолжили по руслу реки, по левому берегу которой сплошной стеной стоял лес, а по правому простирались луга. Лесной берег периодически разрывался оврагами и ложбинами с замершими ручьями, впадающих в речку. Через пять километров, речка стала огибать утес, высотой около двадцати метров, фактически сделав вокруг него петлю, оставив небольшой, метров тридцать, перешеек.

Световой день подходил к концу, прошли 30 километров, принял решение становиться на ночлег и заодно осмотреть утес, уж больно пригодное с точки зрения обороны его положение. Дав ребятам указание обходить, накормить и напоить лошадей и собак, растопить снег и готовить ужин, сам поднялся на утес.

Площадка на вершине утеса представляла собой достаточно ровную окружность диаметром около двухсот метров, обрывающуюся по краям обрывом к огибающей утес речке, а вот спуск к перешейку был пологим. Идеальное место для небольшой крепостицы. А рядом с местом, где мы спустились к реке в будущем можно построить лошадиную ферму, благо пастбищ тут предостаточно.

Спустившись к ребятам, принялся за возведение шалаша, управился уже практически в темноте. Сейчас темнее рано, световой день менее семи часов.

Напоив и накормив животину, лошадям — сено с овсом, собакам мороженой рыбы, сами поужинали кулешом и с умиротворением притихли. Разъясняю завтрашний маршрут:

— Двигаться будем по руслу речки, она впадает в реку Сылву практически в самой северной части ее русла. До Сылвы осталось не больше 15 километров. Дальше идем по ее руслу на юг, ищем место спуска сарматов на воду, найдем легко по огромной площади вырубки леса. Наверняка там осталось часть сарматов — больных или старых, которые не смогли бы выдержать дальнейшего их перехода.

— А зачем их искать? — спрашивает Денис.

— Нужно выяснить почему они решили переселиться, если их преследовали, то кто? Где конкретно они собираются поселиться и каковы их цели? А самое главное — представляет ли это племя сарматов для нас опасность?

— А если их будет много, и они будут нам враждебны? — интересуется Михаил.

— Значит возьмем языка и у него узнаем.

— А если там никого нет? — это уже Олег.

— Отрицательный результат — тоже результат. Зато точно будем знать, что опасности с юга нет.

Савлий весь разговор молчал, а по его окончании встал и отошел к лошадям.

Минуты через три иду вслед за Савлием, тот слыша мои шаги, оборачивается, смотрит в глаза и их не отводит:

— Володя, мы будем воевать с сарматами?.. Я ведь тоже сармат...

— Если придется, будем воевать. И ты будешь воевать. В нашем племени состоят ребята из разных племен: сарматов, угоров, зырян, парфян, но в первую очередь ты член племени Руссов. Я принял тебя в свой род, и я тебе верю, как и другим членам племени, которых я также принял в свой род. Я знаю, что ты не подведешь и на тебя можно положиться.

— Спасибо, Володя. Я не подведу.

— Я в этом не сомневаюсь, а сейчас пора ночевать, пошли к ребятам распределять ночное дежурство.

Ночь прошла спокойно. Утром, еще затемно тронулись в путь. Когда через час забрезжил рассвет, русло речки повернуло на юг и нас с двух сторон окружил девственный лес. Пройдя еще около десяти километров к 10 часам вышли к Сылве фактически в самой северной части ее русла. По правой стороне речушке и по правому берегу Сылве возвышалась сопка высотой около пятидесяти метров.

Объявил привал, а сам поднялся на сопку. Крутизна подъема составляла около пятидесяти градусов. На вершине находилась практически ровная площадка диаметром около семидесяти метров. С вершины открывался великолепный вид.

С юга от сопки на протяжении километров пятнадцати просматривалось русло реки Сылвы, которая перед сопкой делала фактически разворот, похожий на подкову и устремлялась обратно на юг, а затем на юго-запад и уже на пределе зрения поворачивала на запад. Находящийся передо мной на противоположной стороне реки, зажатый между руслами участок берега, возвышавшийся над рекой метров на десять, весь заросший лесом, напоминал вытянутый язык, длиной около 7–8 километров и шириной около полукилометра.

Если строить крепостицу на сопке, то фактически можно контролировать все перемещения людей с верховьев Сылвы к Каме. По реке мимо проскочить будет невозможно, да и конным ордам тут негде разгуляться.

«Эх, мечты, мечты...»

Спустившись с сопки, отдал команду на движение. Пошли на юг по руслу Сылвы вверх по течению. Идем по середине реки со скоростью 7–8 километров в час. Наш небольшой обоз заметный и его хорошо видно с большого расстояния. Идем на стороже, я практически постоянно в прицел осматриваю окрестности, но признаки присутствия людей полностью отсутствуют. За четыре часа прошли около тридцати километров, еще до наступления сумерек часа два, но принимаю решения для остановки на ночлег. Лошадям и собакам нужен отдых, все-таки за сегодня прошли около 45 километров.

Ночью пошел снег. Снег шел, не прекращаясь четыре дня. Скорость движения резко снизилась, за день проходили не более пятнадцати километров. На седьмой день нашего путешествия, тучи развеялись, выглянуло солнце, и температура воздуха резко понизилась до 15 градусов мороза. По правому берегу лес постепенно перешел в лесостепь, по левому пока стоял сплошной стеной, но изредка попадались узкие луговые проплешины.

На двенадцатый день пути, пройдя около трехсот километров, мы достигли цели нашего

путешествия. По левому южному берегу реки была огромная вырубка. Вырубка тянулась вдоль берега километра на три, глубиной до двухсот метров от берега. Оставались нетронутыми только деревья исполины, да подлесок.

Проведя разведку, людей и каких-либо признаков жилья не обнаружили. Из рукотворных сооружений, в трестах метрах от берега, на узком языке, пробившегося через заросли леса к реке, луга находился курган, прямоугольной формы со сторонами 30 на 20 метров и высотой около шести метров. На вершине кургана в землю, почти по рукоятку, был воткнут меч.

У кургана, я снял шапку и преклонил голову, ребяташки последовали моему примеру, отдавая дань умершим, молча стояли, думая каждый о своем. Первым не выдерживает Михаил:

— Сколько же здесь народу похоронено?..

Вопрос Михаила оставляю без ответа. Настроение препоганое. Цель нашего путешествия достигнута, но результат нулевой. Хотя это тоже результат, но надеялся все же на более информативный. Настроение у ребят тоже не из лучших.

На часах двенадцать дня, но в плохом настроении двигаться назад желания нет, да и лошадям с собаками лишний отдых не повредит.

— На границе вырубке с лесом обустроиваем лагерь. Домой отправляемся завтра утром.

Выбрав место, я, Савлий и Денис занялись обустройством лагеря, обиходом и кормежкой лошадей и собак, возведением шалаша, Олег в охранении, а Михаила отправил на охоту, может глухарей добудет, бульончик сварим. А то питаемся пеммиканом, горячей кулеш только на ночевках.

Через полтора часа Михаил возвращается с добычей — тремя глухарями и занялся их потрошением и ощипыванием, а Денис растапливает снег. В этот момент подходит Олег и тихим голосом докладывает:

— В трехстах метрах из леса на вырубку вышли восемь человек, направляются в нашу сторону.

— Всем приготовиться к бою! Савлий, отводи лошадей и собак в лес, — командую, и обращаясь к Олегу:

— Веди, показывай.

В прицел рассматриваю направляющуюся к нам группу людей. Впереди идет старик, одетый в выдавший виды халат, ранее подчеркивавший знатность и богатство человека, его носившего, а теперь представляющее жалкое зрелище. За ним старуха в таком же халате, у каждого из них за спиной приторочены луки, у старика на поясе меч, за ними, одетые в лохмотья, плетутся шесть детей.

«Эти точно не воевать идут», — определяю про себя и командую:

— Отбой тревоги. К нам гости идут.

Когда до группы осталось пятьдесят метров, выхожу им на встречу. Ладони рук держу перед собой, показывая, что у меня добрые намерения. Старик в ответ также демонстрирует ладони рук. Я и старик продолжаем сближаться. В двух метрах друг от друга останавливаемся. Старик внимательно меня осматривает, а потом на сарматском языке представляется:

— Я царь сарматского племени Сираки Зорсин VI, приветствую тебя чужеземец.

— Я Владимир, король Руссов, приветствую тебя, царя племени Сираки Зорсина VI. Приглашаю тебя и твою свиту к нашему очагу разделить с нами трапезу.

Пока гости рассаживались на шкуры вокруг очага, Денис раздал всем глиняный миски и деревянные ложки, и как раз поспел суп из глухарей, заправленный луковицей, морковкой и картошкой. Да и кулеш уже подходил к готовности.

Отобедали в полной тишине.

— Спасибо. Владимир, за угощение. Мы уже давно сытно так не ели.

— Уважаемый Зорсин, что случилось с твоим племенем? Почему ты здесь один с горсткой детей?

— Почти сорок лет назад, мой отец вел войну с Боспорским царством. Сражение отец проиграл, более двадцати тысяч наших воинов погибло, а отец был убит. Двадцатилетнем юношей я вступил на престол, однако радости мне это не принесло. Мое племя было согнано с нашей земли, большинство населения было перебито. Я обратился за помощью и поддержкой к другим сарматским племенам. Но помощи не оказали, даже стали сгонять сираков с оставшимися за нами небольших территорий. Мы вынуждены были постоянно перемещаться с места на место, вести кочевой образ жизни, но сираки не кочевники, мы воины. Население племени постоянно уменьшалось.

Зорсин тяжело вздохнул и продолжил:

— Два года назад на нас напало кочевое племя, значительно превосходящее нас по численности. Битва была жестокой, в ней полегли множество славных воинов, все мои сыновья и почти все вожди родов. Жалким остаткам племени удалось скрыться. Среди них был я, моя жена и мой последний внук, а также раненый шаман. Перед смертью шаман сказал, что племя сираки проклято и спастись можно лишь в лесах на севере, сплавившись на плотях по этой реке. Я был против переселения в леса, но мой внук и двенадцать, из ста пятидесяти, оставшихся в живых вождей родов поддержали внука. Внук захватил власть, назвал себя царем, присвоил себе имя Зорсин VII. Заставил всех рубить деревья и вязать плоты, на которых весной они отправились в путь. Все несогласные с ним были убиты, в том числе женщины и дети. Меня с женой он не убил, а бросил здесь умирать от голода, а также оставил в живых трех мальчиков и трех девочек, семьи которых убил.

— Как же вы выжили?

— Внук оставил немного зерна и корову. За лето и осень мы с женой попытались сделать запас, но как наступила зима, запас быстро иссяк, кормить корову стало не чем и десять дней назад ее пришлось забить.

А дальше, Зорсина словно подменили, он встал, выпрямился, взгляд его приобрел орлиную зоркость, и хорошо поставленным голосом, глядя мне в глаза, продолжил:

— Король Руссов, прими в свой род шестерых детей племени Сираков. С этого дня они перестали быть сарматами, у них нет имен, король Руссов наречет их новыми именами, и они будут до своей смерти ему преданы и будут биться за тебя до последней капли своей крови!

— Царь Сираков, ты первый раз меня видишь и отдаешь мне детей твоего племени, да и еще с такой клятвой верности.

— Я видел, как ты и твое племя преклонили головы у могилы совершенно неизвестных тебе людей. Этого мне было достаточно, чтобы сделать о тебе вывод как о человеке. Ты не смотри, что им по четыре года и среди детей три девочки. Сираки рождаются и умирают воинами, а воины не могут умереть от голода, смерть их может быть только в битве за своего короля. Достань свой меч и они принесут клятву верности на твоём мече.

Достаю меч, каждый из детей подходит, приносит клятву верности и целует лезвие

меча. А же нарекаю их новыми именами — Александр, Константин, Григорий, Вера, Надежда, Любовь.

Зорсина приклоняет голову в знак благодарности, снимает с себя амулет, просит меня подойти и наклонить голову и одевает амулет мне на шею.

— Владимир, это старинный амулет рода Сираков, когда-нибудь он поможет тебе и даже сможет сохранить жизнь.

Зорсина еще раз приклоняет голову и вместе с женой отходят метров на пятнадцать, резко выхватывают луки, разворачиваются к друг другу и одновременно запускают стрелы, пронзающие их сердца.

Я и все мое воинство заморожено наблюдаем за падающими телами. А в моей голове эхом проносятся слова Зорсина: «Воин не может умереть от голода, смерть может быть только в битве...»

Отойдя от шока, все разом подбегаем к распростертым на снегу телам. Зорсина и его жена мертвы.

— Доставайте лопаты и копаем могилу перед курганом, — отдаю распоряжение.

Могилу в мерзлой земле выкопали минут за сорок, опустили в нее царя Сираков и его жену, сверху положили их луки со стрелами и кинжалами. Закопав могилу, в ее центр вонзаю почти по самую рукоять меч Зорсина.

Вернулись в лагерь уже в сумерках. Новенькие замерзли, но вида не подают. Укутал их в овечьи шкуры, вскипятив воду, заварили взвар с медом, каждому выдали по глиняной кружке, пусть отогреваются.

Ночь прошла спокойно. Утром еще затемно отправились в обратный путь. День выдался солнечный, но морозный, температура около минус 15 градусов. Новеньких укутали в овчину, разместили по трое в санях. По накатанной нами дороги лошади тащили сани легко и скорость была повыше, но за счет дневных остановок, средняя скорость не увеличилась. На одиннадцатый день обратного пути, почти добрались до места нашей первой ночевки, как услышал крик Михаила, ехавшего на собачьей упряжке последним:

— Волки! 12 штук! В трехстах метрах! Догоняют!

До утеса около километра. Раздаю команды:

— Олег! Денис! Гоните сани на утес на самый верх.

Волки бегут по укатанному нами следу и их скорость намного больше нашей. Догонят нас быстрее, чем мы доберемся до утеса.

— Салвий! Михаил! Бросаем в деревья бензиновые бомбы, надо волков притормозить. Гранаты не бросать, осколки могут и нас зацепить.

Проскакиваю развесистую иву и в нее бросаю бомбу. Одновременно Салвий бросает в иву на другой стороне речки. Обе ивы вспыхивают. Михаил бросает в небольшой ледяной торос, бомба разбивается, бензин течет под уклон поперек русла и загорается. Волки притормаживают и останавливаются, но через минуту прыжками взбираются на берег и по снежной целине продолжают преследование. Однако, их скорость резко падает, а сани с детишками через перешеек влетают на утес, за которыми проскакивает Михаил с собаками, а затем я и Савлий. Спешиваемся, подбежавший сверху Денис, забирает лошадей и бегом уводит их наверх.

Кричу:

— Всем зарядить арбалеты! Савлий и я, внизу за крупными деревьями. Михаил и Денис прикрывает сверху. Олег с детьми, лошадьми и собаками. Савлий, приготовь гранаты.

Мы с Савлием расположились за деревьями в 20 метрах выше перешейка. Волки остановились перед входом на перешеек на расстоянии около пятидесяти метрах от нас с Савлием. Из арбалета выношу самого ближайшего к нам волка. Остальные бросаются вперед. Буквально в три-четыре прыжка преодолевают двадцать метров и в этот момент Савлий, а затем и я бросаем гранаты. Сами же ничком бросаемся на снег за деревьями и бросаем еще по одной гранате. Два взрыва раздаются практически одновременно, а через пару секунд еще два. От взрывной волны ветки деревьев освобождаются от снега. Место взрыва заволочено дымом, что там происходит не видно, но слышен вой как минимум двух волков.

Мы с Савлием, продолжаем лежать за деревьями с взведенными арбалетами. Минуты через две дым начинает рассеиваться и перед нами открывается картина кровавого побоища. Десять волков лежат бездыханными, двое ранены, у одного из них перебит позвоночник, у второго — задние лапы. Медленно подходим и из арбалетов добиваем раненых. Сразу перезаряжаю арбалет и осматриваю остальных волков. Савлий в десяти метрах сзади на подстраховке. Предосторожность оказалось не лишней, один из волков, видимо оглушенный взрывом, стал подниматься. Савлий среагировал молниеносно, произвел выстрел и поразил волка болтом.

Больше сюрпризов не было. Освеживали только шесть волков, остальные шкуры были безнадежно попорчены взрывами. Топором стал вырубать во льду прорубь, чтобы спустить в речку останки волков. Толщина льда была около двадцати сантиметров. Только вырубил квадратную прорубь со сторонами в полметра, как началось, что-то невообразимое. На лед из проруби начала выскакивать рыба, которую ту же прихватывало морозом. Пришлось всем взяться за топоры и пробить во льду на расстоянии двадцати метрах друг от друга еще с десяток небольших лунок, чтобы остановить рыбе самоубийство и хоть как-то дать в реку доступ кислорода. Выброс рыбы прекратился минут через тридцать. Но еще практически до сумерек из проруби и лунок, высывались рыбы рты, жадно глотающие воздух. Но все равно на лед выбросилось рыбы не меньше чем на триста килограмм.

Останки волков, уже практически в темноте, сбросили в прорубь, мелкую рыбешку оставили на корм собакам, а крупную погрузили в сани, повезем домой.

Переночевав, утром в предрассветных сумерках пошли домой, до которого осталось тридцать пять километров. Перед отъездом прочистили лунки и прорубь, от льда, затянувшегося за ночь. День был солнечным и морозным. Своих следов не нашли, замело снегом, так что двигались по снежной целине. Добрались до леса за четыре часа и еще час потребовался на его преодоление и вышли на русло родной Ольховки.

После обеда погода стала портиться, задул порывистый ветер, небо затянуло тучами и пошел снег, постепенно переходящий в пургу. Последние три километра преодолели практически в слепую и в усадьбу прибыли уже в полной темноте, полностью запорошенные снегом и со стороны, выглядевшими как снеговики.

Выскочившие из дверей усадьбы Эвика и Лада, запричитали, но быстро взяв себя в руки, организовали баню, а Николай и Борис занялись обиходом лошадей, отведя их в конюшню и освободив от постромков собак, подкинули им рыбешки, которые быстро их проглотили и устроились на ночь в сугробе во дворе усадьбы. Ребятишки хотя и намерзли в дороге, но обморожений ни у кого не было.

К концу января практически полностью закончили переработку урожая. Все ребятишки при деле, после завтрака занятия в школе, потом тренировки, после обеда часовой сон, а затем обучение ремеслам и еще часик игр на свежем воздухе. Ребятишки растут здоровыми, практически даже простуды ни у кого не было, а вот мелкие повреждения в виде ушибов, ссадин и царапин, бывают постоянно, самым «страшным» было пару вывихов.

Усиленно идет подготовка к весне. Строительство второго шлюпа практически закончено, идет наладка стоячего и бегущего такелажа. Девочки пошив парусов закончили, дошивают запасные. Осталось дожидаться ледохода и можно спускать на воду. В мастерских авралов нет, изготавливаем все по текущим потребностям, за исключением экспортного товара и вооружения, да и безостановочно производим кирпичи и из намытого золота штампуем монеты.

Практически все необходимое для проживания, в том числе с относительным комфортом для данного времени, у нас есть. Закупаем только соль, соду, овчину, да оленью и бычью кожу и в небольших количествах меха. Дети растут, постоянно приходится обновлять зимнюю одежду и обувь. С пошивом летней одежды без проблем справляемся своими силами. Осталось прикупить шесть волов, шесть коров, надеюсь купец привезет лошадей и на этом останавливаемся. Хотя можно еще увеличить на пятнадцать голов, но с учетом вероятного приплода, возможности луга для содержания скота будут исчерпаны.

Изготовив три плуга с тремя ножами под будущие пары волов, задумался о дальнобойном оружии. Наши гранаты и бомбы эффективны в ближнем бою, на средней дистанции есть луки и арбалеты, но с учетом экипажа на шлюпе, плотной стрельбы у нас не получится, и лучники с галеры нас рано или поздно перестреляют. С римской галерой сработал факт неожиданности и плюс они не стреляли, а шли на abordаж. А если нападут две галеры или ладьи, или пять? У того же Куруша было шесть галер.

Направился к Николаю:

— Николай, какие результаты у ребят по владению пращей?

— Дальше тебя шестисот граммовую болванку никто не метает. У меня и Бориса максимальная дальность с точностью попадания в шит длиной три метра и высотой два метра 80 метров, у Ивана и Михаила — 70 метров, у экипажа шлюпа, за исключением девочек — 60 метров, у всех остальных в пределах 40–50 метров.

— А как насчет метания 50-ти граммовых камней?

— Тут результаты получше, но опять же дальше тебя никто не метает. Я и Борис в силуэт человека попадаем со 120 метров, Иван и Михаил со ста, все остальные поражают силуэт с 80 метров.

— Хорошо.

— Подрастем, будем дальше метать и тебя опередим!

— А пока не подросли, будем на шлюпы делать стрелометы. Это как арбалет, только больше и значительно мощнее, — передаю Николаю сделанный мной чертеж.

Изготовление первого стреломета заняло две недели. Стреломет получился довольно громоздким весом в шестьдесят килограмм, на вертлюге со сто двадцатиградусным поворотом в обе стороны и со стационарной стойкой с длинным рычагом с зацепом с передаточной шестерней, для взвода тетивы. Все члены экипажа легко смогли взвести

арбалет. Что позволило создать силу натяжение в полторы тонны. С учетом времени взвода тетивы, скорострельность будет пять выстрелов в минуту, а если потренироваться, то и побольше. Для защиты стрелка от стрел установил две повезы. Железный наконечник стрелы снабдили половинчатым зарядом гранаты.

На испытание позвал всех старичков и экипаж шлюпа. Стреломет поместили на повозку, с которой и осуществляли стрельбу. В качестве мишени, имитирующей борт галеры, установили стенку размером два на три метра из двойной доски пятидесятки. Силуэты людей были из такой же доски. Мишени установили на расстоянии трехсот метров, притом пять силуэтов на борту на возвышении, чтобы было видно верхнюю половину силуэта, друг за другом.

Первый выстрел провожу стрелой без порохового заряда, замененного свинцом с тем же весом. Прицелившись в голову силуэта, стреляю. Вижу, как разлетаются щепки от досок, слышу восторженные возгласы присутствующих. Все вместе идем к мишеням. Результат впечатлил всех. Стрела попала в силуэт на уровне груди, притом доска разлетелась в щепки, во второй доске дыра сантиметров десять в диаметре, в третьей примерно такая же, четвертую доску стрела пробила, но застряла в ней.

Второй выстрел произвожу стрелой с пороховым зарядом в борт. При прицеливании, с учетом первого выстрела, беру поправку на двадцать сантиметров вверх. Произвожу выстрел, летящая стрела оставляет за собой небольшой дымовой след от горящего порохового фитиля, но результата не видно. Кто-то из ребят с досадой выкрикнул:

— Мимо...

И тут раздается взрыв и мишень заволакивает дымом.

— Урааа! — заорали ребята в несколько глоток.

Результат превзошел все ожидания. Стрела пробила, состоящий из двух досок, борт, за которым взрывом разворотило деревянную конструкцию, удерживающую силуэты на возвышении. С внутренней стороны борт посечен осколками, также, как и все пять досок, имитирующие силуэт человека.

— Круто! Если стрела взорвется в трюме, мало никому не покажется, — резюмирует результаты испытаний Николай.

За две недели изготавливаем четыре стреломета, которые устанавливаем на носу и корме каждого шлюпа. Пока шло изготовление стрелометов, старички, экипаж шлюпа и десять самых метких стрелков из арбалета, тренировались стрелять из первого стреломета, который впоследствии установили на крыше усадьбы.

15 марта начался ледоход, а 16 марта спустили на воду два шлюпа, предварительно их проконопатив и просмолив. На старый шлюп назначил капитаном Михаила. В состав его экипажа вошли Савлий, Денис, Олег, Виктор и Петр. У меня на новом шлюпе в экипаж Аршак, Ракс, Семен, Опис и Оре. 17 марта загрузившись четырьмя тоннами зерен ячменя тонной пшеничной муки и тонной ржаной, сотней пяти литровых бочонков и сотней керамических бутылей с подсолнечным маслом, тысячей полукилограммовых упаковок чипсов, и сотней керамических бутылей спиртного, отправились искать на реке Каме переселенцев сарматов. Провожало нас все племя. Когда отдали швартовы народ постепенно стал расходиться, только одна Эвика махала нам вслед, пока шлюпы не скрылись за поворотом. Я шел первым и постоянно поглядывал за шлюпом Михаила, первый час его шлюп немного рыскал, не добирал полностью ветер, было заметно, что капитан нервничает, но со временем Михаил взял себя в руки и шел за мной, не отставая на расстоянии

пятидесяти метров.

В реку Каму вошли на четвертые сутки и двинулись вниз по течению. Шли ближе к правому берегу на расстоянии трехсот метров от него. По моим представлениям, сарматы высадку должны были производить на правом берегу, смысла обосновываться им на левом берегу нет, туда бы дошли и по земле, не затратив столько усилий.

Пройдя около ста пятидесяти километров, в месте впадения в Каму реки Сюзьвы, замечаю на правом берегу Сюзьвы пяток кривых бревен, а берег реки вверх ее течения, превращен в сплошное месиво непроходимой грязи, образованной от высадки тысяч людей и сотен голов лошадей и скота. Шлюп Михаила оставляю в устье Сюзьвы, а сам на шлюпе поднимаюсь вверх по течению. Идем по центру реки, ширина которой около двухсот метров. Через километр месиво грязи на берегу заканчивается, а вдоль берега наблюдаю грунтовую дорогу фактически убитую, если бы это было в предыдущей жизни, то сказал бы тяжелой техникой, а так понимаю, что волами тащили бревна с разобранных плотов.

Дальше на шлюпе идти не решаюсь, впереди поворот реки, без разведки не обойтись. На правом берегу заросли ивняка, за которым невысокий подлесок. Хотя листвы еще нет, но через подлесок не видно, что за ним находится. На левом берегу сплошной стеной смешанный лес. Разворачиваю шлюп, подхожу к левому берегу и пристаю к иве, ствол которой метров на пять вытянулся над водой. Даю команду Аршаку отвести шлюп от берега на десять метров и быть в полном внимании. Сам же по стволу перебираюсь на берег, подыскиваю высокое раскидистое дерево и вскарабкиваюсь на верх.

На расстоянии пяти километров по правому берегу реки, на ее излучине, наблюдаю поселение сарматов, состоящее на взгляд из сотни кибиток и юрт, а также пары сотен шалашей. За поселением на обширном лугу, на котором только-только, появились первые зеленые всходы травы, пасется стадо коров из почти полсотни голов, небольшой табун лошадей и отара овец. В двух километрах на востоке от поселения возвышается свеженасыпанный курган, размерами не меньше, чем мы видели во время зимнего вояжа по реке Сылве.

В центре поселения на небольшой пустующей площадке находится с десяток человек, других людей в поселении не видно. На берегу реки, вытащенные из воды на небольшой пляж, лежат штук пятнадцать долбленок, а также пришвартованы шесть плотов. Замечаю, как из подлеска, в трех километрах от нас, выскакивает всадник и скачет по дороге, а вернее по грязевому месиву в направлении от нас в сторону поселения.

«Похоже нас заметили, посмотрим какая будет реакция», — думаю про себя.

Минут за пятнадцать всадник доскакал, вернее добрался до поселения и спешил в центре на площадке. Его окружили, находившиеся там люди, двое из которых секунд через тридцать побежали в сторону наиболее большой юрты. Куда через минуту направился и всадник. Из юрты вышел мужчина, одетый в длинный халат, выслушал всадника, а затем, подняв руку вверх, отдал распоряжение. Поселение сарматов мгновенно превратилось в людской муравейник, но через пару минут хаотичное движение превратилось в осмысленное. Человек тридцать побежали на берег реки к долбленкам, а человек пятьдесят на луг за пасущимися лошадьми. На взгляд человек пятьсот мужчин и двести женщин, вооруженные луками, выстроились в пять рядов перед поселением.

«Тут их не больше тысячи, а где же остальные» — мелькнула мысль.

Ждать больше не стал, быстро спустившись с дерева, выбежал на берег, дал сигнал на шлюп, который через пару минут подошел к стволу ивы, и я поднялся на борт. Даю команду

спуститься ниже по течению к второму шлюпу и рассказываю об увиденном. Подойдя к шлюпу Михаила, объявляю боевую тревогу. Шлюпы выстраиваем в боевой порядок на носовом и кормовом якорях под сорок пять градусов к течению реки, практически по центру в ста метрах от каждого берега. Я облачаюсь в ламинарные доспехи, а ребята в кожаные доспехи на войлочной подложке и такие же шлемы.

Через двадцать минут появляются семь долбленок по четыре человека в каждой. С идущей первой долбленки, один из сарматов замахал руками, и долбленки остановились, не доплыв до нас двести метров. Пару гребцов на каждой из них подгребали веслами, чтобы лодки не снесло течением.

Стояние продолжалось минут десять. Затем одна из долбленок начала движение к левому берегу, и находившееся в ней сарматы произвели высадку. Семафору Михаилу, чтобы одним самострелом взял под контроль левый берег.

Еще через десять минут по правому берегу появилось в районе пятидесяти всадников, среди которых был сармат, отдававший приказы. Всадники остановились на возвышении в двухстах метрах от реки. Ближе им не подойти, там непролазная грязь, после таяния снега фактически превратившаяся в грязевое болото.

В прицел рассматриваю всадников, до них около трехсот метров, так что могу рассмотреть все детали. У всех всадников по мечу, за спиной щит и лук, копий нет, как и доспехов. Да и вряд ли лошади, всадников в доспехах выдюжат, уж больно они истощены.

«Ну да, не с копьем же корабль атаковать», — ухмыляюсь про себя.

Сармат, отдававший приказы, выглядит лет на восемнадцать, одет в явно дорогой халат, вооружен также, как и остальные, только ножны меча сверкают на солнце драгоценными камнями.

«Скорее всего он внук Зорсина — Зорсин VII», — делаю мысленный вывод.

Подхожу к борту, перед собой выставляю руки с открытыми ладонями, демонстрирую свои добрые намерения. Царь Сираков, что-то говорит стоящему рядом с ним всаднику, который спешивается и направляется к берегу, а по направлению к нему устремляется одна из долбленок. Сармат вступает в полосу грязи, делает пару шагов и проваливается в грязь по пояс.

За моей спиной раздается смех. Сам еле сдерживая смех, рыкаю:

— Смех прекратить! Внимание не ослаблять!

Один из сарматов накидывает на бедолагу аркан и пытается его вытащить, но грязь держит крепко и только привязав аркан к седлу лошади, его удается вытянуть. Однако грязь свою дань взяла, страдальца вытащили без сапог.

Следующий посыльный на лошади поскакал вдоль берега не приближаясь к двухсотметровой полосе грязи вверх по течению. Обогнув километровый опасный участок, спешившись, через заросли ивняка, он пробрался к воде, куда подплыла долбленка. Приняв на борт посыльного, долбленка направилась к моему шлюпу. Не дойдя до шлюпа десяти метров, долбленка остановилась, а посыльный, встав, обратился ко мне на сарматском языке:

— Ты вторгся на территорию клана Сираки! Царь Сираков Зорсин VII милостив и предлагает тебе и твоим людям сдаться, тогда все останутся живы и станут нашими рабами. Если не сдадитесь, то все умрете.

«Ну ни чего себе... Вот и приплыли...» — промелькнуло в голове, а на русском командую:

— Поднять якоря! По течению сплавливаемся в Каму. Кроме стрелков стрелометов, остальным укрыться от возможных стрел.

Подхожу к кормовому стреломету, где стрелком Опис.

— Опис, целься в место, где плавал в грязи сармат. Стреляешь болтом с гранатой с задержкой в две секунды, чтобы фитиль не потух во влажной грязи.

Дальше отвечаю посланнику:

— Я Владимир из рода Руссов! Передай царю Зорсин VII, что я пришел с миром. Приве на торг зерно.

— Зачем покупать зерно, если оно уже принадлежит племени Сираков? А твои баллисты нам не страшны, они мало на что способны. Но если ты убьешь даже одного сармата, смерть твоя будет долгой.

Якоря подняты и шлюпы начали медленно сплавливаться к Каме. Отдаю команду Опис на выстрел. Задымил фитиль и через пару секунд Опис стреляет. Болт вонзается в грязь и тут же происходит взрыв. Комья грязи фонтаном взлетают в воздух и обрушиваются на десяток стоящих всадников, в том числе и царя. Посыльный, стоящий в долбленки, от неожиданности, не удержал равновесие и шлепнулся в холодную воду.

Последствий ждать не стал:

— Поднять паруса. Уходим домой.

Выйдя в Каму, идем вверх по течению, ветер благоприятный, идем полным курсом бакштаг, на шлюпах ставим спинакер и скорость возрастает до двенадцати узлов. Упоение скоростью длилось не долго. Не доходя реки Чусовой ветер сменился, спинакер пришлось убрать и скорость снизилась до шести — семи узлов. В трюмах востребованный ранней весной товар. Принимаю решение идти в Ибырь. В Имень идти смысла нет, Куруш там появится через полтора-два месяца. А в Ибырь и так собирался, но чуть позже, за коровами и волами.

До уже привычного места ночёвки в тридцати километрах от городища Ибырь дошли за четыре дня. Утром пришли в Ибырь, каких-либо судов не было, лишь на косе, вытащенные из воды, одиноко ютились две долбленки. Михаилу дал команду оставаться на рейде, а сам пришвартовал шлюп у причальной стенки.

Не успел пришвартоваться, как появился мытарь:

— Здравствуй, Владимир! Я очень рад тебя видеть! — а у самого глазки так и зыркают, и по второму шлюпу, и по стрелометам.

— Здравствуй уважаемый!

— Ты в это раз намного раньше пришел в Ибырь.

— Да вот привез зерно ячменя, думаю сейчас оно у вас в цене.

— Ты правильно сделал, что привез зерно. Сейчас на торгу зерна нет.

Отдаю мытарю за швартовку серебряный рубль и дарю три бутылки с виски, так полюбившиеся мытарю. Иду на торг. Стражники раскланиваются как с родным.

На торгу покупателей мало, в основном только продавцы. Зерна и муки действительно не продавали, не было и рабов. Воспользовавшись своим монопольным правом на ранневесенний дефицит, ячменное зерно, пшеничную и ржаную муку продал с многократной выгодой. Не удержался, хотя соды и соли в усадьбе еще на год-полтора хватит, но как говорится — запас карман не тянет. Четыре тонны ячменного зерна обменял на полторы тонны соды и тонну соли, в августе и пятидесяти килограмм соли за ячмень не получил бы.

На продаже дойных коров около тридцати, но все тощие, ребра можно пересчитать и половина из них старые, волы такие же. Отобрал шесть коров и шесть волов, за всех заплатил ржаной и пшеничной мукой по шестьсот килограмм каждой, 24 бочонка с подсолнечным маслом и сто двадцать килограмм чипсов. За остальную муку, солнечное масло, чипсы и 80 бутылей спиртного, под завязку забил трюмы двух шлюпов бычьей, коровьей, воловьей, оленьей кожей и овчиной, а ещё 52 волчьими шкурами и 26 — рысьей.

За оставшиеся семнадцать бутылей спиртного, мытарь организовал на погрузку мужиков. Вначале загрузили мой шлюп, потом, поменявшись с Михаилом, я встал на рейде, а шлюп Михаила встал на погрузку.

Старейшины и в этот раз встречаться со мной не стали. Но я и не расстроился. Загрузившись товаром, отправились домой.

В пути отрабатывали совместные действия двух шлюпов, синхронность смены галсов, переходы с одного курса на другой, повороты и развороты, движение в кильватерном строю и в ряд. Отрабатывали меткость стрельбы в движение по движущимся целям, в качестве мишеней использовали сплавляющиеся по течению коряги и вывороченные ледоходом и половодьем деревья. Страховались от возможной слежки, которой так и не обнаружили. Коров и волов откармливали сеном и силосом, запас которых всегда имеется на борту.

До дома добрались без приключений. Как всегда, встречало все население усадьбы, наблюдатели не дремлют, загодя нас заметили и предупредили. Разгрузили шлюпы, Опис с Оре отправили мыться в баню, а с парнями еще пару часов драили палубы и трюмы шлюпов, а затем, когда девчонки напарились, с пацанами отправились в баню.

Собравшимся вечером у меня в мезонине старичкам рассказал о плавании и о негостеприимной встрече нас сарматами.

— Что же они такие агрессивные, — возмущается Эвика. — Мы же к ним с добром пришли, зерна и муки привезли?

— Они Сираки, а их племя живет войной, — отвечаю.

— Володя, ты сказал, что их около одной тысячи, а остальные, что в набегах погибли или за зиму от голода умерли? — спрашивает Николай.

— Вряд ли они ходили зимой в набеги и не думаю, что умерли от голода. Они воины и главный принцип их бытия — сирак не может умереть от голода. Скорее всего, тех кто не может сражаться — детей, стариков, больных, слабых и не согласных, они сами убили. Чтобы наиболее сильные могли пережить зиму. Сейчас они той же рыбой откормятся, а их лошади на свежей травке восстановятся и пойдут с соседями воевать, да и место на зимовку подыскивать.

— А чем их это место не устраивает? — интересуется Борис.

— Чем не устраивает, не знаю, но лагерь у них временный, шалаши, кибитки и юрты. Плоты они разобрали, перетащили на берег и видимо строить городище намеривались, но почему-то передумали.

— Может они получше место нашли или городище может рядом есть, которое захватить сиракам по силам, — высказывает предположение Михаил. — Как думаешь, Владимир?

— Мы знаем только два крупных городища Ибыр и Имень. Наверняка на притоках Камы есть еще крупные поселения. Но пока информации у нас мало. После посевной двумя шюпами пойдем в Имень, заодно по пути разведаем, что у сираков делается.

А далее продолжаю:

— Какие упаковки выбрали для стекол и зеркал, а также стеклянных бутылок для спиртного и томатной пасты с аджикой?

— Каждое стекло упаковываем в плетеный соломенный чехол, а потом по десять чехлов со стеклами укладываем в ящик с пазами для каждого чехла, свободное пространство набиваем соломой и опилками, — сообщает Николай. — С испорченными стеклами провели испытание, при падении ящика с метровой высоты, ни одно стекло не разбилось. Такая же упаковка и для зеркал, только для каждого зеркала отдельный ящик...

Сделав небольшую паузу, почесав затылок, продолжает:

— Для штофов сделали ящики на девять бутылок, а для аджики и томатной пасты ящики на шестнадцать бутылок... Ящики для штофов можно использовать и для керамических литровых бутылок, а для стаканов — ящики для аджики и томатной пасты.

— Очень хорошо, — а дальше продолжаю: — Проводим последнюю готовность к посевной, проверяем плуги, бороны, сеялки.

Далее с Эвикой и Ладой еще раз уточняем ассортимент, количество и площадь посадки зерновых, овощей, люцерны и прочего посадочного материала.

Лада не преминула похвастаться, что пока я отсутствовал, практически во всех ульях отделились новые семьи пчел и им удалось поймать 53 роя, так что пчелиных ульев теперь у нас сто двадцать девять.

— У нас наступает сладкая жизнь, — улыбнувшись, похвалил Ладу и на этом намереваюсь закончить совещание.

Но тут все старички встают, загадочно улыбаются и Эвика протягивает мне лакированную деревянную шкатулку размером чуть больше листа А4 и высотой сантиметров десять.

— Это тебе, Владимир!

Открываю, а внутри стопка совершенно белой бумаги, чернильница и с внутренней стороны крышки прикреплены пять утиных оточенных пера.

Видя мое обескураженное от удивления лицо, все засмеялись, а Лада захлопала в ладоши:

— Я же говорила, что Володе понравится!

— Как вам удалось сделать такое чудо?

Ребятишки уставились на Ивана, а тот потупив взор, со всей присущей ему скромностью, как будто он тут не причем, почти шепотом говорит:

— Ну, я тут... Похимичил немножко... Помешал щёлочь с содой... да и смешал с выварочной массой... Ну вот и побелела...

— И сколько же, Ваня, ты химичил? — глажу Ивана по макушке.

— Месяц точно. Смешивал в разных пропорциях и температурах, подыскивал разные

составы, ну вот и получилось. Теперь всю бумагу можно белой варить.

— Я еще десять таких шкатулок сделал, но еще лак не высох, — это уже Николай.

— Спасибо мои дорогие! Вы все огромные умницы!

Оставшееся время до посевной посвятил обучению ребят хождению на трофейной долбленке. За зиму вместе с Николаем и парой учеников, придали долбленке более-менее цивилизный вид. В днище врезал небольшой киль, установили уключины и сиденья, обточили корпус, сделали четыре весла, в общем получилось, что-то типа распашной четверки с рулевым.

15 апреля 233 года седьмого года попаданства. Племя, не считая меня, достигло 119 человек — 66 мальчиков и 53 девочки.

Как всегда, в этот день начали посевную. На шести парах волов за десять дней вспахали шестьдесят гектар. Одновременно на упряжках лошадей вспаханные поля бороновали двойной проходкой, вначале вдоль борозд, потом поперек. После боронования на каждом поле на сеялках, запряженных лошадьми, осуществляли посадки.

Я пахал по пятнадцать часов, практически весь световой день, перекусывал на ходу. Ребятишки работали по три часа по сменно. С посевной управились за пятнадцать дней.

1 мая стали готовиться к отплытию. Вместо деревянных задвижек на каютах шлюпов, выполнявших функции иллюминаторов, установили по два стекла, закрывающиеся деревянными ставнями. В каюту моего шлюпа повесили одно зеркало из мезонина, которое там заменили новым. Стекла в каютах и зеркало будут выступать в качестве товарных образцов, да и пыль в глаза Курушу пустить — не повредит.

Шлюпы загрузили двумястами ящиками с бутылками-штофами, по сто ящиков с томатной пастой и аджикой, двести ящиков со стаканами, по тысячи упаковок с чипсами и кукурузными хлопьями, тридцать ящиков со стеклами по десять стекол в каждом, четыре упакованных зеркала и десять шкатулок с бумагой по пятьдесят листов. А также запас питания с учетом возможного приобретения детей, и корм для лошадей. Для торговли в городище Имень еще прихватили сто ящиков спиртного в керамических бутылках, сто ящиков с подсолнечным маслом и тысячу упаковок с чипсами, да пару сотен леденцов-петушков на палочке.

Девочки, кроме рабочей и повседневной одежды, всему экипажу пошили парадную форму.

2 мая отправляемся в путь. После прощания и отдачи швартовых, провожающие разошлись и лишь Эвика продолжала нам махать платком.

«А фигурка у Эвики стала формироваться», — отмечаю про себя.

По Шакве и Сылве прошли без происшествий, вошли в Каму и переночевав в сорока километрах от реки Сюзьвы, утром на пятые сутки подошли к устью Сюзьвы, в километре от которой встали на якорь, спрятавшись в небольшом заливчике.

К берегу вплотную подойти на шлюпе не удалось и пришлось мне раздеваться, прятать оружие и одежду во влагостойкий мешок, оставшееся напоминание из прошлой жизни, и вплавь преодолеть двадцать метров до берега в холоднющей воде.

«Не теплее 10 градусов. Нужно для таких целей маленький ялик сделать», — промелькнула запоздалая мысль.

Вытирался, прихваченным полотенцем, оделся и, что бы согреться, сделал пять десятков приседаний, двинулся в глубь леса, к прежней точки наблюдения — раскидистому дереву.

Взобравшись на дерево, стал осматривать окрестности. Грязевое болото подсохло и кое

где на нем даже зеленела травка. Проторенная дорога к поселению сарматскому племени Сираков не выглядела уже непроходимой. А вот поселения каким я его ранее наблюдал, не было. В нем находилось только два десятка шалашей и пара кибиток. Его территория не превышала в диаметре ста метров. Хотя поселение было обнесено земляным валом метра два-три высотой и тыном. А вот количество долбленок на берегу реки не изменилось. На лугу за поселением насчитал пасущимися всего пять лошадей, а стадо коров и отара овец практически не уменьшились.

Делать тут больше нечего, и я возвращаюсь на шлюп. Подхожу на шлюпе вплотную к шлюпу Михаила и рассказываю об увиденном:

— Похоже сираки пошли в набег, а здесь осталась база снабжения.

— Может нападём! — у Михаила от возбуждения даже глаза загорелись.

— Нет. У нас слишком ценный товар, можем повредить. Сейчас идем в Имень.

Вышли на середину Камы и продолжили свой путь.

Пройдя около восьмидесяти километров, не доходя пары километров до устья реки Нытвы, на правом берегу Камы в глубине берега заметили поднимающиеся в небо серо черные дымы.

Как не разбираю меня любопытство, но чувство опасности возобладало. В реку Нытву решил не заходить, до пожарища километров десять. Там уже всё кончено и помочь мы никому не сможем, а вот заработать на свою задницу неприятностей вполне возможно. Не останавливаясь, пошли дальше вниз по Каме.

Через двадцать километров, спрятавшись за небольшим островком, встали на ночлег. Шлюпы поставили вплотную друг к другу. После ужина, распределил дежурства между двумя экипажами. Себе ночное дежурство брать не стал. Чувствовал себя разбитым, только лег и сразу провалился в сон.

Проснулся от того, что Михаил тряс меня за плечо.

— Володя, в тридцати метрах от острова по течению сплавляется не управляемая долбленка, из нее раздаются стоны.

Сон пропал моментально. Беру прицел, всматриваюсь в предрассветные сумерки. Михаил пальцем указывает направление. Наблюдаю небольшую долбленку, не управляемую, на ней видно тело одного недвижимого человека, слух различает слабый стон.

«Ну, что, Мать Тереза, твой выход», — мысленно себя ненавижу.

Обвязываюсь веревкой стометровой длины, один конец отдаю Михаилу и бросаюсь в воду. До лодки тридцать метров, еще метров через десять она пройдет мимо острова и придется ее догонять. Загребая кролем во всю силу, через пару минут, хватаюсь за борт долбленки. Дёргаю два раза веревку, и Михаил тащит меня с долбленкой к берегу островка. Через минуту достигаю островка и вытаскиваю долбленку на берег.

В долбленки женщина лет двадцати, пацан лет пяти и девочки лет трех. Но все без признаков жизни. У женщины в спине в области сердца торчит стрела, пульса нет. У мальчика стрела в шее, тоже мертв. У девочки стрела в правом бедре, бедро пробито наконечником насквозь. У неё обильное кровотечение, но есть слабый пульс. Поднимаю ее на руки, девочка открывает глаза смотрит на меня, потом глазки заволакивает поволокой, она издает предсмертный стон и затихает навсегда.

Без сил опускаюсь на землю, адреналин уходит. Меня начинает бить озноб и сознание отключается.

Прихожу в себя от лучей солнца, бьющих прямо в лицо. Слышу тихий шелест мелких

волн о прибрежную гальку и гомон чаек. Пытаюсь пошевелиться, но получается с трудом, взглядом пытаюсь осмотреться и приподымаю голову, что удастся сделать.

Я весь закутан в шерстяную ткань и от меня несет спиртом. Жутко хочется пить, пытаюсь попросить воды, но вырывается только хрип. Тут надо мной склоняется голова Михаила, смотрит мне в глаза и расплывается в улыбке:

— Живой! Володя, ты нас напугал. Мы подумали, что ты умер. На, попей воды.

В рот начинает течь живительная влага, я делаю несколько глотков и чувствую, как жизнь возвращается.

— Почему от меня пахнет спиртом?

— Володя, ты упал, тебя бил сильный озноб. Мы с ребятами растерли твое тело спиртом, а потом завернули в шерстяную ткань.

— Сколько времени я был без сознания?

— Около шести часов.

— Что с людьми в лодке?

— Они все умерли, мы их похоронили на этом острове.

— Неси одежду, пора вставать, — пытаюсь улыбнуться и вроде у меня это получается.

Михаил вскакивает и радостно кричит:

— Владимир живой!

— Урааа! — в ответ десятков звонких и радостных детских голосов.

Встаю, надеваю, принесенную Михаилом одежду. Голова немножко кружится. И вдруг я понимаю, что зверски хочу есть.

— Народ, вы своего короля кормить собираетесь, или он должен умереть от голода.

Раздается звонкий смех, окружившие меня ребята разом засуетились, а Опис кричит:

— Уха уже готова, пора к столу.

С удовольствием отобедал, с каждой ложкой чувствовал, как возвращаются ко мне силы. Подошел к свежему могильному холмику, склонил голову, а дальше пошел осматривать долбленку.

Долбленка была раза в полтора меньше трофейной и рассчитанной максимум человек на трех. Длинна не превышала двух с половиной метров. При том, сидеть в ней взрослые люди, могли только друг за другом. Киля не было, в лодке было лишь одно короткое весло. Долбленку решил взять с собой, немножко подделать и будет мелкое плавсредство для десантирования на берег.

Позвав ребят, вместе загрузили долбленку на палубу Мишкиного шлюпа, и крепко привязали тонким канатом — выброской. На свой шлюп грузить не стал, так как он служит и для представительских целей.

На часах два часа дня. Решил сегодня в путь не трогаться, провести дневку и ночевку на острове. Остров небольшой, метров пятьдесят в длину и двадцать в ширину. Находится в ста пятидесяти метрах от правого берега Камы. На середине острова довольно большой кустарник, скрывающий шлюпы с реки. На правом берегу Камы девственный лес, а сам берег зарос непроходимым ивняком. Так, что нас сложно заметить. Однако, дневальных на всякий случай назначил, а остальным поручил тренировать броски из пращи, благо галечных снарядов предостаточно.

Сам же устроился на палубе, греясь под теплым весенним солнышком, стал анализировать случившееся:

"Когда бросился в воду за долбленкой, у меня произошел резкий выброс адреналина. А

когда выбрался на берег и на моих руках умерла девочка, произошел резкий откат. При том, настолько резкий, что я вырубился. Организм включил защиту от моих сверх активных действий и критической перегрузки организма. Судя по скорости восстановления, каких-либо серьезных, да и не серьезных последствий не наступило. Только напугал ребятшек. В общем, надо прекращать без оглядки бросаться в омут." — на этой мысли не заметил, как задремал.

Проснулся к ужину. Чувствовал себя полностью отдохнувшим. Отужинав, через час, распределив ночное дежурство, объявил отбой. Отдежурился первые два часа, лег спать, думал не усну, но заснул моментально.

С первыми лучами солнца отдали швартовы и продолжили свой путь в городище Имень. Дальнейшее плавание прошло без происшествий и через девять дней, после ночевки у острова в двадцати километрах от городища, утром пришли в Имень. Перед приходом, накрыли стрелометы дерюжной тканью, приставив рядом по пару-тройку бочонков с подсолнечным маслом, ненароком торчавших из-под дерюги, замаскировав тем самым стрелометы под бочковой товар. А затем все переделались в парадную форму.

К нашему приходу, Куруш уже находился в Имени, его шесть галер были компактно пришвартованы в центре причальной стенки. Чуть поодаль за ними, были пришвартованы еще две галеры, а за ними, еще пять ладей. А дальше располагались, вытасенные на берег, пара десятков достаточно больших долбленок. Справа от галер Куруша около семидесяти метров свободного места, и мы швартуем два шлюпа с самого края причальной стенки. Моментально появляется мытарь, который за швартовку берет шесть серебряных рублей, по три за шлюп.

Оре наказал наблюдать за галерами купца, Семен контролирует сходни, Опис у кормового стреломета, в любой момент готова сбросить маскировку и открыть стрельбу. Взамен Аршака, у носового стреломета Савлий. Аршака и Ракса отправил на шлюп к Михаилу, не нужно лишний раз светить Аршака. Вряд ли Куруш в пошлый раз на него обратил внимание, слишком много у него было впечатлений. А вот сейчас, заметив Ракса, обратит уже более пристальное внимание на второго парфянского мальчика и наверняка задумается откуда тот взялся в варварском крае. Любой мой ответ о парфянском мальчике, только усилит его интерес к пацану.

В каюте зажгли керосиновые лампы, чтобы с наружи через стекло было видно помещение. Стекла же прикрыл ставнями, как наступит время, ставни открою, будет для Куруша сюрприз. На палубе под тентом поставили резной столик и два полукресла. В ожидании Куруша, устроился в одном из них. Купец вроде как мне должен и поэтому будет вынужден первым нанести мне визит. На столике в качестве угощения, а заодно и презентации, аджика, томатная паста, чипсы, кукурузные хлопья, водка и стаканы, да и закуска — филе осетрины и кумжи горячего и холодного копчения, соленые огурчики, сухарики, а из сладкого мед и леденцы-петушки на палочке. Икру красную и черную не выставляю, а то еще купец обидится, субпродукты нынче у знати не в чести, считается пищей рабов.

Подходит Оре:

— Володя, из одной галеры, сошел на берег человек, вроде как пошел по направлению к городищу, не доходя до которого резко повернул за кусты, где снял плащ, оставшись в холщовой одежде, как у местных, за кустами пригибаясь побежал к долбленкам. Сейчас он общается с местными у лодок.

Похвалив Оре за бдительность, наблюдаю за дальнейшим развитием событий. Мужчина, на которого указала Оре, о чем-то говорил с пятью мужиками, стоящими у долбленок. Через минуты две, видимо закончив разговор, мужчина вернулся за кустарник, пригнулся и

пробежав метров сорок, почти к воротам городища, одел плащ и спокойным шагом возвратился на галеру.

Оставшиеся пять мужчин, немного посоветовавшись, повернулись в сторону подлеска, замахали руками и стали кричать. Из подлеска на берег реки выбежала толпа, человек тридцать — сорок аборигенов, вооруженных луками, топорами и щитами, которые стащили пять долбленок на воду и по восемь человек в них загрузились. Долбленки направились к противоположному берегу и не доходя до него, повернули и под мощными гребками пошли вверх по Каме.

Минут через десять на галерах началось шевеление, послышались громкие отрывистые команды, из-за большого расстояния слов разобрать не удалось, а потом на берег стали выбегать воины, которые выстроившись буквой П перед одной из стоящих в центре галер, взяли под охрану периметр. С галеры по сходням спустился Куруш, в сопровождении неизменного раба с опахалом, и на десять шагов отошел в сторону. За купцом стали спускаться четыре раба, несущие увесистый сундук, которые подойдя к Курушу, остановились. В это время еще четыре раба, вынесли второй такой же сундук, за ним еще вынесли третий. Всего выгрузили семь сундуков, каждый из них несли четыре раба.

Купец, понимая, что я наблюдаю, но виду не показывал, стоял ко мне спиной и смотрел на выгрузку сундуков. Но, как я понимаю, наслаждался произведенным на меня эффектом.

«Вот же позер», — про себя ухмыляюсь. — «Хотя, чем я лучше, золото да меха на себя нацепил».

Когда выгрузка закончилась, купец повернулся и медленно двинулся в мою сторону. За ним рабы несли сундуки, а охрана, окружив шествие по периметру, так же двинулась к шлюпам, притом впереди шли двадцать охранников, выстроившись в пять рядов в шеренгу по четыре.

Торжественное шествие расстояние в пятьдесят метров, преодолеvalo не менее пяти минут. На сея зрелище, стал собираться поглазеть местный народ. Собралась толпа человек в двести. Но местные близко не подходили, расположились в метрах пятидесяти. С пришвартованных за галерами Куруша, пяти ладей и двух галер также с любопытством наблюдали за зрелищем.

«Добром данная показуха точно не закончится», — занозой заскребла тревожная мысль.

Наконец процессия добралась до моего шлюпа. Рабы с сундуками выстроились перед сходнями, а охрана, опять выстроившись буквой П, взяла под охрану периметр. Куруш с рабом поднялся на борт.

Встречаю Куруша распростертыми объятьями, и мы крепко как старые друзья обнимаемся.

— Здравствуй уважаемый Куруш!

— Здравствуй мой друг Владимир! — и внимательно рассматривает меня. — Ты возмужал, стал еще выше и разросся в плечах.

Приглашаю Куруша присесть к столу:

— Дорогой Куруш! Прежде чем мы перейдем к нашим делам, предлагаю выпить за нашу дружбу, здоровье и удачу!

— С удовольствием, дорогой Владимир! Как же я рад тебя видеть!

Выпив по пятьдесят грамм водки, Куруш, закусив соленым огурчиком, от удовольствия аж крикнул.

«Похоже ты на водочку подсел, значит торговля и спиртным пойдет», — отмечаю про

себя.

— Дорогой Куруш! Попробуй эту закуску с нежным вкусом, — накладываю себе на чипсу из керамической вазочки небольшой деревянной ложкой томатную пасту и отправляю себе в рот.

Куруш повторяет мои действия, секунд двадцать прислушивается к своим вкусовым ощущениям и закрывает глаза от удовольствия.

— Дорогой Владимир! Это просто замечательный продукт, я подобного никогда не пробовал. Можно ли у тебя его купить?

— Дорогой Куруш! На моем языке сей нежный продукт называется томат.

— Томат, — медленно повторяет Куруш.

— У меня есть на продажу томат в небольших стеклянных бутылках.

— О! В стеклянных бутылках!

— А теперь попробуй этот соус, только будь осторожен он очень острый, — указываю купцу на аджику.

— Не волнуйся, Владимир! В моих краях очень любят острую пищу, у нас много черного перца, — Куруш накладывает на чипсу ложку аджики и отправляет себе в рот.

Через секунду глаза Куруша начинают увеличиваться до размеров готовых выскочить из орбит, ручьем потекли слезы. Он пытается вздохнуть, начинает часто открывать рот, но, как говорится, в зобу дыхание спёрло.

Протягиваю Курушу стакан с водой, он выпивает и протягивает стакан, прося ещё. Только после третьего стакана с водой, он более-менее приходит в себя. Вытирает слёзы. И обалдевшими глазами смотрит на меня.

— Что это было?

— Дорогой Куруш! Это аджика. Я же предупреждал, что это очень острый соус.

— Ад-жи-ка, повторяет Куруш. Владимир, это просто замечательный соус. Я его покупаю!

— У меня есть немного и тоже в небольших стеклянных бутылках.

— О! Еще и в стеклянных бутылках. За такую аджику мне вся знать будет ноги целовать! «Что же будет, когда он увидит бумагу, стекло и зеркала», — ухмыляюсь про себя.

Куруш успокаивается и переходит на деловой лад:

— Уважаемый Владимир! Прежде чем мы займемся новыми делами, надо завершить предыдущие. Прими от меня долг, как я и обещал двадцать процентов от прибыли при продаже твоих стеклянных штофов с водкой, виски и бурбона.

Куруш взмахнул рукой и рабы стали заносить на борт сундуки. Пока заносили сундуки, Куруш достает из-под халата тубус, из которого вытаскивает пергамент:

— Это высочайшее повеление шахиншаха Ардашира 1, которым мне дарована милость осуществлять торговлю твоими товарами в Персидском царстве и во всех городах. За торговлю установлен налог в тридцать процентов. Повеление скреплено подписью смотрителем за царством питахшем Арташиром и печатью шахиншаха Ардашира 1, — протягивает мне пергамент.

Беру пергамент, на пергаменте печать такая же, как и на подорожной римлян. Возвращаю документ обратно Курушу.

Когда на палубу рабы занесли все сундуки, Куруш открывает крышку первого и говорит:

— В этом сундуке десять тысяч золотых динаров, в остальных шести сундуках сто двадцать тысяч серебряных драхм по двадцать тысяч в каждом сундуке.

«Сколько же ты купец наварил, хотя не надо считать чужие деньги, без купца этого золота и серебра у меня не было бы», — мысленно успокаиваю себя.

Беру золотой динар и рассматриваю — вес практически такой же, как и у римского ауреуса, на аверсе коронованный бюст Ардашира I, на реверсе огненный алтарь.

— Владимир, это новые монеты безрод... великой династии Сасанидов и ее первого шахиншаха Ардашира I — осекся Куруш и настороженно взглянул на меня.

Делаю вид, что ничего не заметил, а про себя отметил:

«Вот и будущий союзник, а то и вассал Аршака — клан Каренов».

— Уважаемый Куруш! Ты полностью выполнил свое обещание и погасил свой долг! Не могли бы твои рабы перенести сундуки в каюту.

— Карены всегда платят свои долги!

«Ну прямо Ланнистеры из Игры престолов» — чуть не засмеялся я.

Подзываю Савлия:

— Проводи рабов и пусть поставят сундуки под койки.

Савлий проходит в каюту, а за ним рабы вносят первый сундук. Через секунд тридцать из каюты начинают доноситься вскрики ужаса, возгласы восхищения и звонкий хохот Савлия.

Куруш встрепенулся и вскочил, рабы, находящиеся на палубе, напряглись.

— Куруш, ни чего страшного не произошло, просто рабы в каюте увидели то, что никогда не видели.

Подвожу Куруша к стенке каюты и открываю ставни, прикрывающие стекло окна. Открывается вид на происходящее в каюте, освещенную керосиновыми лампами. Два раба на полу на коленях отбивают поклоны, два других — корчат рожи и махают руками, а Савлий, глядя на них, заливается смехом.

Наблюдаем за происходящим, чувствую, что напряжение у Куруша спадает и вдруг он замирает и осторожно подносит палец к стеклу, глаза его округляются, несколько раз проводит пальцем по стеклу, секунд на двадцать зависает, а затем обернувшись ко мне, с придыханием спрашивает:

— Владимир! Это тоже стекло?!

— Да. Эти стёкла можно вставлять в окна домов.

— Ты мне их продашь?

— Да, я привез тебе триста таких стёкол.

Куруш ошарашенно смотрит на меня, затем замирает, на его лбу задергались складки, у меня даже сложилось впечатление, что в его мозгу заработал калькулятор.

— Владимир! У меня не хватит денег, чтобы купить стёкла. Я уже потратил пока тебя ожидал часть монет на приобретение рабов и меха. У меня есть только двадцать тысяч золотых динаров. Я привез твой заказ, лошадей, шелк, хлопок, и десять тюков хлопка сырца, есть еще шесть лошадей — два коня и четыре кобылы. Но и этого все равно не хватит. Поверишь ли ты мне еще раз?

— Ты мой друг и я тебе верю! Но, это еще не всё, что я тебе привез. Прикажи тем же рабам, перенести остальные сундуки, а то если рабы будут меняться, мы еще долго будем наблюдать за их страхами и удивлениями от увиденного в каюте.

— Хорошо. Так, что там в каюте?

— Скоро сам увидишь своими глазами.

А пока рабы успокаиваются, предлагаю тебе попробовать на вкус леденец. Только не грызи его, во рту слюна его сама растворит. Куруш засовывает в рот конфету и начинает ее

сосать и замечаю, как его глаза начинают добреть, небольшие морщинки распрямляются и на лице Куруша загорается счастливая улыбка.

— Очень вкусно и сладко. Я ничего подобного не пробовал. Из чего они сделаны.

— Эти леденцы на палочке нравятся всем детям, но злоупотреблять ими не следует. Не больше одного леденца в тридцать дней. А вот из чего они сделаны, я тебе не скажу. Но продать могу.

На приведение в чувство четверых рабов, от увиденного ими зеркала, потребовалось десять минут, после чего они быстро перетаскали сундуки в каюту, поставив их под койками. Савлия, отошедшего от смеха, отправил обратно к замаскированному стреломету.

Пропускаю Куруша первого в каюту. Купец делает на автомате три шага, а потом замирает, уставившись на своё отражение в зеркале. Ну и как человек, увидевший впервые зеркало, вначале чешет затылок, а потом начинает корчить рожи. А затем садится на койку и хватается за голову.

— Владимир! Я не больше ста человек знаю в Персидском царстве, кто бы мог позволить себе купить это чудо.

— Дорогой Куруш! А больше и не надо. Зеркало очень редкая вещь и очень дорогая.

— Владимир! Ты мне доверишь зеркало?!

— Да, доверю! Но не одно, а пять. Из них два зеркала в резных рамах ты подаришь от моего имени — одно своему дяде — главе рода Каренов, а второе шахиншаху Ардаширу I. А это зеркало и еще два таких же, будешь продавать. Но от прибыли ты мне будешь отдавать тридцать процентов.

Как не был ошарашен купец, но в его мозгу опять заработал калькулятор.

— Я согласен, Владимир! — и мы бьем по рукам.

Достаю шкатулку с бумагой и собираюсь начать делать расчеты. Увидев белый лист бумаги и взяв его в руки, Куруш опять хватается за голову.

— Владимир! Это невозможно! Я никогда не представлял, что за один день можно увидеть столько чудес! Кто ты, Владимир!

— Я Владимир! Глава рода Руссов! А большего тебе, Куруш, да и другим, знать не надо.

А дальше занялись расчетами. За двести ящиков с тысяча восемьсот стеклянных штофов со спиртным, я получил от Куруша двадцать тысяч золотых динаров, двенадцать лошадей, все ткани из шелка и хлопка, а также десять тюков хлопка сырца. За все остальные товары: три зеркала, по сто ящиков с томатной пастой и аджикой по шестнадцать бутылок в ящике, двести ящиков со стаканами по шестнадцать в ящике, по тысячи упаковок с чипсами и кукурузными хлопьями, тридцать ящиков со стеклами по десять стекол в каждом, Куруш в это же время через год, должен привезти тридцать процентов от прибыли. А я такое же количество товара.

Также передал Курушу для проверки спроса девять шкатулок с бумагой по пятьдесят листов и сотню леденцов. Пообещав через год доставить десять тысяч листов бумаги, но без шкатулок и тысячу леденцов.

Дальше началась движение по перемещению товара. Охранники, выстроившись в ряд от моих шлюпов до галер Куруша, перекрыли доступ посторонних, а рабы начали перетаскивать товар. В мою каюту принесли еще два ящика с золотыми динарами, хлопок, шелк и хлопок сырца загрузили в трюм шлюпа Михаила, и по шесть лошадей в каждый шлюп.

Закончив погрузку, на прощание Курушу сказал:

— Дорогой Куруш, мне приятно вести с тобой дела, но твое сегодняшнее

представление, привлекло к нам слишком много не нужных глаз. На следующий год советую тебе увеличить охрану, а встретимся мы с тобой в другом месте, у острова в двадцати километрах выше по течению Камы, — и передаю ему набросок карты.

А далее продолжаю:

— Ты за мной следить отправил сорок человек на пяти долбленках. Следить за мной не нужно, а этих людей я убью.

— Володя! Ты во всем прав! Мне все равно, что с ними будет. Я просто выполнял повеление шахиншаха.

— Сразу из Именя не отплывай, дождись, когда я уйду, а за мной уйдут пять ладей и две галеры. Не беспокойся, им меня не догнать.

Мы обнялись и расстались довольными друг другом.

Распроставшись с Курушем, вместе с экипажем, сменив парадную одежду на повседневную и уже намеревался направиться на торг, как подходит Оре:

— Владимир. К шлюпам приближаются около пятидесяти детей и шесть человек охранников.

Наблюдаю трех мужчин, за которыми плетутся около пятидесяти трех-четырёх летних детишек, подгоняемые еще тремя охранниками. Один ребенок идти не может и его на слечах тащат четверо пацанов. В идущих впереди трех мужчинах узнаю старых знакомых торговцев рабами — Гачета, Гута и Обыра.

Куруш скупил всех рабов, остались только дети, на которых покупатель только один я. Торговцам ждать меня уже не вмоготу, вот и ведут свой товар прямо к покупателю.

— Здравствуй Владимир! Мы рады тебя видеть, — начинает Гачет, а остальные, кивками головы, его поддерживают.

— Рад вас видеть, уважаемые Гачет, Гут, Обыра.

— Мы подумали, что столь уважаемому человеку, не престало ходить на торг. Мы привели товар к тебе и готовы продать как в прошлый раз по семь бутылок огненной воды за раба, — сразу переходит к делу Гачет.

— Нет, уважаемый Гачет и вы уважаемые Гут и Обыра, сегодня я куплю только по три бутылки за раба.

Торговались недолго, остановившись на пяти бутылках за раба, ко всеобщему удовольствию. Прежде чем ударить по рукам, осматриваю ребятишек. Остановившись у лежащего на слечах трех летнего мальчика, находившегося в полубредовом состоянии. Ножка у мальчишки было вся в язвах, черного цвета. Омертвевшая ткань была выше колена. Фактически смерть смотрела ему уже в лицо. Гангрена, даже если ему отрезать ногу, мне его не выходить.

Смотрю на Гачета и мотаю головой. Гачет, не мудрствуя лукаво, просто перерезает горло мальчонке. На убийство ребенка никто не отреагировал, ребятишки восприняли это как само собой разумеющееся действие. Только у меня сердечко ёкнуло, хотя умом понимаю, что пацан нежилец. Гачет, подобрал бездыханное тельце, подошел к берегу Камы и зашвырнул труп в реку.

Расплатившись с торговцами рабами 240 керамическими бутылками спиртного, отправляюсь вместе с половиной экипажа к берегу Камы, где на мелководе ополаскиваем ребятишек, насухо вытираем и одеваем в холщовые рубахи. Температура воздуха в районе 25 градусов, но вода в Каме еще не прогрелась и не превышает тринадцати градусов, поэтому ополаскиваем ребят по-быстрому. Всех ребятишек размещаем на моем шлюпе — шестнадцать в каюте, остальных в трюме, каждому наливаем по плошке жидкой ухи, практически бульон. Дня через два-три перейдем к нормальному питанию.

Все время, пока мы обихаживали ребятишек, торговцы рабами оставались на берегу, с расстояния пятидесяти метров наблюдали за нами, иногда переговариваясь между собой.

Время приближается к 14 часам. Вновь собираюсь на торг. Только спустился по сходам, как в мою сторону направляются торговцы. Остановившись в пяти метрах от меня, мнутя, не решаясь подойти ближе. Я стою, жду. Самым смелым, как я и предполагал, оказался Гачет, который делает пару шагов, приблизившись ко мне, сначала запинаясь, а

потом все увереннее, говорит:

— Уважаемый Владимир! Мы хотим и готовы покупать у тебя всю привозимую в городище Имень огненную воду и чипсы, а также можем покупать и солнечное масло...

Смотрю на Гачета, делая слегка заинтересованный вид, а он после небольшой паузы продолжает:

— Я не буду ничего скрывать... В прошлом году мы продали тебе рабов за огненную воду. Перепродажа бутылок шла не очень хорошо, а потом мы стали продавать в разлив, а на закуску соленые огурцы и капусту. Дело у нас заладилась. За зиму на торгу мы построили корчму, в которой продаем пиво, мед, твою огненную воду, как ты ее называешь водку, бурбон, виски, пока они не закончились. Сейчас еще купили у купца Куруша вино...

«Ну, Куруш и жук, а мне сказал, что вина не привез», — ухмыляюсь про себя и продолжаю слушать уже с большим интересом Гачета:

— Твои чипсы очень хорошо идут с пивом, а на солнечном масле хорошо жарить, оно не подгорает. Мы знаем по какой цене их продавал в прошлом году, если ты на треть скинешь цену, мы готовы сразу заплатить, — заканчивает Гачет и смотрит вопросительно на меня.

«Вроде хорошее предложение. Не нужно время тратить на продажу. Во всяком случае можно попробовать», — поразмыслив секунд тридцать, отвечаю:

— Хорошо, я согласен. У меня четыреста пятьдесят бутылок водки, сто виски и сто бурбона, каждую готов продать за десять серебряных драхм, девятьсот бутылок солнечного масла по две драхмы за бутылку, тысяча упаковок чипсов по две драхмы за упаковку.

Гачет отходит к Гуту и Обыре, они пару минут обсуждают мое предложение, и все троим подходят ко мне.

— Мы согласны, Владимир, — за всех отвечает Гачет. — Только на следующий год огненной воды и чипсов привези больше, а солнечного масла столько же.

Вместе с торговцами рабами иду на торг, пока новоявленные работники античного общепита по округе соберут повозки, я успею купить кожу да овчину. На торгу мехов и даже оленьей кожи, нет. Куруш все скупил подчистую. За серебряные рубли и копейки покупаю наиболее выделанные сорок бычьих шкур и сто пятьдесят две овчины. Торговцы рабами за дополнительные три бутылки спиртного, обязуются шкуры и овчины доставить на борт шлюпа. Пока идет погрузка на повозки, запряженные неказистыми лошадьми, Гачет приглашает посмотреть харчевню.

Харчевня представляла из себя неказистый сруб шесть на четыре метра, с небольшой пристройкой из жердей, крыша которых была покрыта соломой. Внутри полумрак, освещение — два небольших оконца, прикрываемые ставнями. Практически во всю длину, располагался стол, со столешницей из необработанных расколотых бревен, с обеих сторон стола — длинные лавки, из таких же горбылей. Далее за столом, из камней выложен очаг. Пол земляной. За столом три посетителя, что-то пьют их глиняных кружек.

«Сюда бы мои керосиновые лампы», — но, отгоняю эту мысль. Конструкция ламп очень простая и принцип ее работы понятен, какой-нибудь местный умелец кузнец может скопировать, да и в качестве топлива можно использовать тот же жир. Хотя стеклянный плафон им не сделать, но отдавать в мир эту технологию не следует. Сам же начинаю расхваливать харчевню, от чего лицо Гачета, да и Гута с Обырой, расплываются в довольных улыбках.

Через десять минут шкуры и овчину доставили, а затем и погрузили на шлюп. Погрузка на повозки спиртного, чипсов, подсолнечного масла тоже много времени не заняло.

К шестнадцати часам я уже готов был командовать отдать швартовы, как подходит Оре:

— Владимир, к нам приближаются около тридцати стражников во главе с мытарем, а пять галер Куруша отчаливают, а с оставшейся галеры в нашу сторону бежит человек.

На берегу, не доходя до шлюпов тридцати метров, в ряд выстраиваются около тридцати стражников, а мытарь направляется к сходням. На полпути, его останавливает мужчина, бежавший от последней галеры Куруша, слышу, как он говорит:

— Уважаемый! Купец Куруш вынужден срочно отплыть из городища Имень. Он просил передать налог за проданный товар в размере десяти золотых динаров, — передает монеты мытарю и бегом возвращается на галеру, которая моментально отчаливает.

«Ну, Куруш и жук. Мне до его торговой хватки, как до луны», — в очередной раз ухмыляюсь про себя.

В это время мытарь вплотную подходит к сходням и обращаясь ко мне, заявляет:

— Владимир! Ты продал в городище Имень много товара и должен заплатить одну десятую часть, которая по моим подсчетам составляет сто золотых динаров либо ауреусов. В случае если ты налог немедленно не выплатишь, твои ладьи будут арестованы до уплаты налога и штрафа за задержку выплаты налога по сто золотых монет в день, — прищурив глаз, мытарь ехидно улыбается.

«Если не платить, то придется их убивать, четыре гранаты хватит, но тогда доступ в Имень будет для меня закрыт», — обдумав, принимаю решение заплатить.

Со скорбным видом, печально вздыхая, передаю мытарю сто золотых динаров. Мытарь, с победоносным видом, забирает монеты, даже не пересчитывает и с гордо поднятой головой удаляется вместе со стражниками.

«Знал бы ты, что у меня на борту... Сто золотых для меня просто копейки, а вот для аборигенов сумма запредельная для их понимания и явно взята с потолка, вряд ли он до ста считать умеет. Хотя, в принципе, и десять процентов не так и много. Куруш от снижения налога до тридцати процентов от счастья чуть не прыгает», — мысленно анализирую ситуацию. — «Но тридцать процентов это в Персидском царстве, а тут за эти деньги можно весь бассейн Камы и верхней Волги десять раз купить, знать бы только у кого».

Вернув Савлия на шлюп Михаила, а Аршака и Ракс обратно на мой шлюп, практически отдав команду на отход, как опять подходит Оре.

«Эх, не судьба» — промелькнула мысль.

— Володя! Все ладьи и две галеры отошли от причальной стенки и идут за галерами Куруша.

Смотрю в прицел, галеры Куруша отошли на километр от городища Имень, еще немного и войдут в Волгу, и за мысом скроются из вида. Их скорость не более четырех узлов. А вот гребцы на ладьях и двух галерах сходу взяли высокий темп и уже разогнались до шести узлов. Догонят, если Куруш не увеличит скорость, километра через два. Из городища уже видно не будет. В порту купцы не воют, наличие стражи тому препятствие, а вот на воде, кто сильнее, тот и прав.

— Отходим! Идем за ними!

Но догонять не получается, ветер вихревой, постоянно меняет направление. Идти приходится с многократной сменой галсов, скорость не превышает трех узлов. Не только Куруш, но и его преследователи вошли в Волгу и скрылись за мысом.

Наконец доползаем до Волги, река поражает своей шириной — не менее трех

километров. Расстояние между нами и преследователями Куруша более двух километров. А вот преследователи не меньше чем в пятистах метрах от Куруша. На галерах купца заметили погоню и увеличили скорость, но их, хотя и медленно, но догоняют.

А тут небесная канцелярия преподносит нам подарок. Скорость ветра увеличивается до 10 м/с и мы идем курсом полный бакштаг. На каждом шлюпе ставим спинакер. Идем в кильватерном строю, я впереди, Михаил за мной. Скорость быстро увеличивается. Оре постоянно опускает лаг в воду и кричит:

— Скорость двенадцать узлов!

— Тринадцать!

— Четырнадцать!

— Пятнадцать узлов!!!

Мой и Мишкин экипаж от восторга просто орет. Привожу всех в чувство:

— Боевая тревога! Экипажу занять места по боевому расписанию! Стрелометы расчехлить! Заходим с правого борта, ближе чем на сто пятьдесят метров к врагам не приближаться! Стрелять по команде по борту верхней палубы, за которым лучники, второй залп по борту трюма на уровне расположения гребцов.

Тоже самое отсемафорил на шлюп Михаилу.

Нагоняем, идущую последней, галеру преследователей, нас не замечают, все на галере увлечены преследованием и смотрят вперед. Поравнявшись, командую:

— Делаем поправку на ветер! Огонь!

Четыре стрелы уходят практически одновременно, все пробивают фальшборт галеры и через две секунды на палубе раздаются подряд четыре взрыва. Палубу галеры заволакивает дымом. Перезарядка занимает девять секунд, следует второй залп, стрелы пробивают борт галеры и внутри трюма раздаются четыре взрыва. На галере может кто и остался жив, но сама галера перестает быть боевой единицей.

Продолжаем нестись вперед и практически мгновенно нагоняем вторую галеру. На всех судах, после взрывов, наши шлюпы заметили и лучники пытаются достать нас стрелами.

— Всем, кроме стрелков стрелометов, в укрытие!

Но расстояние велико и сильный ветер, долетают только единичные стрелы и то на излете, а в основном мимо шлюпов.

Краем глаза замечаю наблюдающие через стекло каюты личики ребятишек с выпученными глазками.

Поравнявшись со второй галерой, также делаем два залпа, от восьми взрывов на палубе и в трюме, галера дымит и также теряет ход. С двумя следующими ладьями проблем также не возникло. Три оставшиеся ладьи, поняв, что сопротивление бесполезно, резко отворачивают к правому берегу.

На галерах Куруша, разобравшись в происходящем, разворачивают свои посудины и начинают преследовать удирающие три ладьи.

На шлюпах убираем спинакер и идем вдогонку курсом галфинд. Скорость падает до девяти узлов, но мы все равно быстрее ладей. Догоняем и расстреливаем по очереди. Ни одна из ладей не успевает добраться до берега.

На шлюпе прохожу на расстоянии тридцати метров от галеры, на которой Куруш с ошарашенными глазами, смотрит на меня, а я машу ему рукой.

«Жаль нет шляпы, как у мушкетеров, было бы эффектнее», — проносится мысль.

После чего неспешно уходим по Волге вверх по течению курсом бейдевинд со

скоростью четыре узла, оставляя Курушу отправление к праотцам недобитков и трофеи.

До Камы добрались через час и курсом галфинд со скоростью семь узлов еще через два часа добрались до островка, на котором намечена следующая встреча с Курушем.

Пока шли, общался с ребятами — 21-м мальчиком и 27-ю девочками, как всегда никто из них не знал своих имен. По редко произносимым ими словами, определил язык, как угорский. История их обычная, на поселение напали, большую часть убили, в том числе стариков и совсем маленьких детей, детей постарше и молодых продали работорговцам. Старших детей и молодых, как я понял по описанию, купил Куруш, а я купил этих малышей.

"Что-то уж больно часто тут кланы друг на друга нападают", — отложились мысли в голове.

Покормив детишек небольшими порциями ухи, уложили их спать. Экипажи поздравил еще раз с победой и пошагово разобрал прошедший бой, остудив их восторги и вернув с небес на землю.

— Мы победили случайно.

Все члены экипажа уставились на меня непонимающим взглядом.

— Если бы не задул благоприятный нам и сильный ветер, такой победы у нас бы не случилось и вряд ли когда еще случится. Сами же видели, что вначале шлюпы шли со скоростью три узла. В бою шлюпы очень зависимы от ветра, в отличие от гребных судов, а если будет штиль, то полностью обездвижены, только и смогут сплавляться по течению. Поэтому, прежде чем принять бой, нужно убедиться в наличии ветра, его скорости и направления, и только после этого определять стратегию битвы. У нас есть преимущество за счет стрелометов, но стрелометы, пусть и не с такими стрелами как у нас, есть у Рима и в Персидском царстве.

Дальше грузить ребят военной стратегией не стал. Надо пошагово разбирать все прошедшие и будущие бои, а на основании этих разборов создавать теоретический курс обучения.

Распределив ночные дежурства, объявил отбой. Сам же в вечерних сумерках еще раз обошел островок. Остров располагался в двухстах метрах от правого берега Камы. В длину около ста двадцати метров, шириной около сорока метров, а с каждого края заворачивал к берегу косою длинной около двадцати метров и шириной метров пять. Фактически получилась природная бухта, куда зайти могли до десятка судов. Остров покрыт достаточно разросшимися ивами и подлеском из осин и берез, полностью скрывая со стороны реки, происходящее в бухте.

Утром с членами экипажа, уже полностью отошедших от эйфории вчерашней победы, провел инструктаж:

— На пути домой нас поджидают как минимум пять долбленок, на которых сорок воинов, в том числе и следопытов. Они хотят нас выследить и найти наш дом. Мы ни на минуту не должны расслабляться, всем внимательно осматривать окрестности, подмечать отдельные звуки, издаваемые птицами и зверями, в том числе и всё необычное.

После завтрака, в прицел внимательно осмотрел окрестности, ничего подозрительного не заметил и мы тронулись в путь.

Больше книг на сайте - Knigoed.net